

Рос 4-4
1-105

ПРОВОЖДЕНИЕ

Пробуждение

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОГО НОМЕРА:

Анархия и организация —————	Э. МАЛАТЕСТА
Словесная революционность —————	Е. Н.
Labor et Intellectus —————	Н. РУБАКИН. 11-15
Русские бакунисты за границей —————	А. А. КАРЕЛИН
О русском пейзаже в связи с проблемой творчества —	Л. Н.
Дети горя (сцена) —————	Е. МОРАВСКИЙ.
Личность и общество —————	А. А. СОЛОНОВИЧ.
Фрагменты —————	А. С. ПАСТУХОВ.
Философия Ницше —————	М. ИСТОЧНИКОВ.
О женщине —————	РАБИНДРАНАТ ТАГОР.
Открытое письмо Неттлау —————	А. НОВГОРОДСКИЙ.
Баллады —————	ПОЛЬ ФОР.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Зарницы, Сергеева, Р. Эрманда, Ю. Терапиано.

Р 4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

И. Ленин
Страна
Организация

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

DETROIT, MICH.

54-6262 9219 RUSSELL STREET

№ 6

ИЮНЬ, 1928.

АНАРХИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ

Случайно мне попала в руки французская брошюрка под заглавием "Платформа организации всеобщего Союза Анархистов (Проект)", как известно, в настоящее время статьи не фашистского характера не распространяются в Италии.

Это проект анархической организации, опубликованный "Группой русских анархистов" и — адресован, повидимому, прежде всего к русским товарищам. Но проект этот разбрасывает вопросы, интересующие всех анархистов, и уже одно появление его на французском языке ясно говорит о стремлении авторов привлечь к проекту товарищей всех стран. Во всяком случае, как русским товарищам, так и всем другим, полезно поразмыслить, соответствует ли проект этот анархическим принципам и послужит ли его осуществление, действительно, делу анархизма.

Причины, побудившие авторов к изданию проекта, чрезвычайно вески. Они сожалеют о том, что анархисты не имели и не имеют достаточного влияния на события социально-политического характера, — влияния, которое соответствовало бы теоретической и практической ценности их учения, соответствовало бы их численности, смелости и духу самопожертвования. Главной причиной этого отно-

сительного неуспеха, — думают они, — является отсутствие обширной, серьезной и действенной организации. До сих пор я в принципе согласен с ними.

Организация есть нечто иное, как практическое выражение сотрудничества и солидарности; она — естественное, необходимое условие социальной жизни; она — неустрашимый и повелительный закон как для человеческого общества в целом, так и для всякой людской группировки, преследующей общую цель. Человек не хочет и не может даже стать, в полном смысле слова, человеком и удовлетворять свои материальные и моральные потребности, иначе, как в сообществе и в сотрудничестве с ему подобными. И, поэтому, все те, которые не организуются свободно, — потому ли, что не могут, или же потому, что не чувствуют в этом настоятельной необходимости, — роковым образом попадают в зависимость от организаций, созданных другими людьми, группирующимися, обыкновенно в правящие классы, или группы, с целью эксплуатации чужого труда в их собственную пользу.

Тысячелетнее угнетение масс маленькой кучкой привилегированных было всегда следствием неумения большинства трудящихся прийти к соглашению и организовать на

почве общности интересов и стремлений, в целях общего производства, общего пользования благами жизни и, в случае надобности, — общей защиты от эксплуататоров и угнетателей. Этому положению вещей анархизм приходит на помощь своим основным принципом свободной организации, созданной и поддерживаемой свободной волей ассоциирующихся без какого-бы то ни было вида власти, т. е., без того, чтобы кто-бы то ни было имел право навязывать другим свою собственную волю. Вполне естественно, поэтому, что анархисты стремятся применить, как в их частной жизни, так и в жизни их партии, тот же самый принцип, который, по их мнению, должен был бы лечь в основание всего человеческого общества.

Кой-какая полемика могла бы дать повод думать, что есть анархисты — противники всякой организации. На самом деле, наши многочисленные, весьма многочисленные споры, которые мы имеем по этому поводу, — даже когда они затемняются спором о словах, или отравляются личным элементом, — касаются в сущности, лишь формы, а не самого принципа организации. Действительно, товарищи, являющиеся на словах наибольшими противниками организации, организуются как и другие, а часто даже и лучше других, когда они хотят серьезно что-нибудь делать. Весь вопрос, повторяю, — в применении принципа.

Таким образом, я должен был бы отнести сочувственно к инициативе русских товарищей, будучи убежден в том, что более обширная, лучше спаянная и более постоянная организация, чем те, какие осуществлялись анархистами до сих пор, была бы, вне сомнений, крупным залогом силы и успеха наших идей, — даже если этой организации не удалось бы устранить все ошибки, все недостатки, быть-может, неизбежные в таком движении, как наше, которое опережает свое время и сталкивается, в силу этого, с непониманием, равнодушием, а часто и враждой, со стороны большинства.

Я считаю дело организации анархистов важным и неотложным в целях влияния на массовые движения по пути к лучшему буду-

щему и полному освобождению. В настоящее время наибольшей силой в деле социального переустройства является рабочее движение (синдикальное движение). От его направления зависит, в большей степени, течение, которое примут события, а также результат, к которому приведет будущая революция. В своих организациях, созданных для защиты их интересов, рабочие приходят к осознанию того притеснения, под тяжестью которого они стибаются, и того антагонизма, который их отделяет от хозяев. Они начинают стремиться к лучшей жизни и привыкают к коллективной борьбе и солидарности. Они могут, в конце-концов, добиться наибольших улучшений, совместимых с капиталистическим и государственным строем. Затем предстоит или революция, или реакция.

Анархисты должны признать всю пользу и важность синдикального движения. Они должны содействовать его развитию и сделать его одним из рычагов своей деятельности, стремясь привести синдикализм, совместно с другими силами прогресса, к социальной революции, которая принесет уничтожение классов, полную свободу, равенство, мир и солидарность между всеми человеческими существами. Пагубной иллюзией, однако, было бы думать, — как многие это делают, — что рабочее движение может привести само-по-себе, в силу самой своей природы, к такой революции. Несомненно, что во всех движениях, основанных на материальных, сегодняшних интересах (а на других основах нельзя создать широкого рабочего движения), необходим элемент брожения, нужен толчок, нужно согласованное действие идейных людей во имя осуществления идеала. Без этого рычага всякое движение, роковым образом, стремится приспособиться к существующим условиям, порождает дух консерватизма и боязнь перемен у тех, которым удалось добиться лучших условий. Часто, таким образом, возникают новые привилегированные классы, которые стараются поддержать и упрочить то самое положение вещей, против которого идет борьба.

Отсюда — настоятельная необходимость

чисто анархических организаций, которые бо-
ролись бы внутри синдикатов, как и вне их,
за полное осуществление анархизма и стара-
лись бы обезвредить всякий зародыш разло-
жения и реакции.

Очевидно, однако, что для достижения
этой цели анархические организации должны
быть построены и функционировать в соответ-
ствии с принципами анархизма. Необходимо,
стало-быть отсутствие в них властнического
духа; необходимо, чтобы они умели согласо-
вать свободную деятельность личностей с не-
обходимостью и удовольствием совместной ра-
боты; необходимо, чтобы они служили разви-
тию сознания и инициативы их членов, по-
средством воспитания среды, в которой дей-
ствуют и, наконец, моральной и материальной
подготовкой к желанному будущему.

Отвечает ли рассматриваемый проект этим
требованиям? Мне кажется, что нет. По
моему мнению, вместо того, чтобы усилить
среди анархистов желание организовать, он
выработан, словно нарочно, для того, чтобы
подтвердить предрассудок многих товарищей,
думающих, что организовать означает под-
чиниться руководителям и вождям и прим-
кнуть к властническому, централизующему
организму, подавляющему всякую свободную
инициативу. В самом деле, данная платфор-
ма высказывает, как-раз, те положения, ко-
торые, — вопреки очевидности и несмотря на
наши протесты, — упорно приписываются не-
которыми всем анархистам, величаемым орга-
низаторами.

Разберемся:

Прежде всего мне кажется ложной (и во
всяком случае, неосуществимой) мысль об-
единить всех анархистов в один "Всеобщий
Союз", т. е. по определению проекта, в еди-
ный, действенный, революционный коллектив.

Мы, анархисты, можем считать, что при-
надлежим все к одной партии, если под
словом партия разумеет совокупность всех
тех, которые находятся по одну и ту же сторо-
ну, которые имеют одни и те же общие стрем-
ления, которые, тем или иным образом, бо-
рятся за одну и ту же цель против общих про-
тивников и врагов. Но из этого еще не сле-

дует, что возможно, — а может это и неже-
лательно, — соединиться всем в одно опреде-
ленное сообщество.

Среда и условия борьбы слишком различ-
ны; возможные образы действий, предпочи-
таемые одними и отвергаемые другими, край-
не многочисленны; слишком многочисленны
также различия темпераментов и несходства
характеров для того, чтобы "Всеобщий Союз",
серьезно осуществленный, не стал скорее по-
мехой для личной энергии, — и, может-быть,
даже причиной более ожесточенной внутрен-
ней борьбы, — чем средством координаиро-
вания и объединения всеобщих усилий.

Каким образом, например, можно было
бы организовать, по одному образцу и с теми
же лицами, союз для пропаганды и агитации
среди масс и — тайное общество, вынужден-
ное политическими условиями, среди которых
оно действует, скрывать от врага свои цели,
средства и своих членов? Каким образом
одна и та же тактика может быть принята
сторонниками культурно-воспитательного ме-
тода, убежденными в том, что достаточно од-
ной пропаганды и примера нескольких, чтобы
постепенно преобразовать людей, а следова-
тельно, и общество, и — революционерами,
убежденными в необходимости уничтожить
насилием существующее положение вещей,
поддерживаемое только насилием, и создать
против насилия угнетателей условия, необхо-
димые для свободы пропаганды и для практи-
ческого осуществления конечных целей? И
как объединить людей, которые по личным
причинам не любят и не уважают друг друга
и, однако, могли бы быть одинаково хороши-
ми и полезными борцами за анархизм.

С другой стороны авторы Проекта объяв-
ляют несостоятельной мысль создать органи-
зацию, объединяющую сторонников различных
течений в анархизме. Такая организация,
говорят они, "включив в себя разнородный
теоретический и практический элемент, явит-
ся ничем иным, как механическим соедине-
нием лиц, смотрящих по разному на все
вопросы анархического движения, и, при бли-
жайшем жизненном испытании, неминуемо ра-
спадается".

Прекрасно. Но тогда, раз они признают существование анархистов других течений, они должны признать за ними право организоваться в свою очередь и работать для анархизма так, как они сами сочтут наилучшим. Или же они претендуют выбросить за пределы анархизма, отлучить от него всех тех, которые не примут их программы? Они говорят о своем желании сгруппировать в одну организацию все **здоровые элементы** анархического движения и, конечно, склонны будут считать **здоровыми** только тех, которые думают так, как они сами. Но что сделают они с **нездоровыми** элементами?

Несомненно, между теми, которые называют себя анархистами (как и во всяком человеческом коллективе), есть элементы различной ценности и, — что хуже всего, — имеются и такие, которые распространяют во имя анархизма идеи, имеющие с последним черты довольно сомнительного сходства. Но как избежать этого? **Анархическая истина** не может и не должна стать монополией личности, или комитета. Она не может быть в зависимости от решений большинства — действительного, или мнимого. Необходимо только, — и этого будет достаточно, — чтобы все имели и осуществляли широчайшее право свободной критики и, чтобы каждый мог защищать свои идеи и подбирать себе товарищей. В последнем счете судить будут факты и — они скажут кто прав.

И так, оставим идею объединения всех анархистов в одну организацию, будем рассматривать предлагаемый нам русскими товарищами „Всеобщий Союз“ как то, чем он будет в действительности, т. е., как союз известного числа анархистов, — и посмотрим, соответствует ли предлагаемый способ организации анархическим принципам и методам и сможет ли он содействовать торжеству анархизма. Мне, опять таки, кажется, что нет. Я не сомневаюсь в анархической искренности этих русских товарищей. Они хотят осуществить анархический коммунизм и ищут способа прийти к нему как можно скорее. Но недостаточно еще хотеть чего нибудь: необхо-

димо также применить надлежащие средства достижения, подобно тому, как, направляясь в определенное место, надо взять дорогу, которая туда ведет, — рискуя, в противном случае, попасть в совсем другое место. И вот — так как вся предлагаемая организация будет организацией **властнического** типа, то она не только не будет содействовать торжеству анархического коммунизма, но извратит самый дух анархизма и приведет к результатам, противоположным тем, каких ожидали сами организаторы.

В самом деле, этот „Всеобщий Союз“ состоял бы из столькох организаций, сколько в нем было бы **секретариатов** для **идеологического** руководства политической и технической работой всей организации, и, кроме того, имелся бы **Исполнительный Комитет Союза**, на обязанности которого лежало бы выполнять принятые Союзом решения и „направлять идеологию и организацию групп, согласно общей идеологии и общей тактической линии Союза“.

Разве это анархизм? Это, по моему, правительство и церковь. Недостает еще, правда, полиции и пыток, нет еще правоверных, готовых принять идеологию, диктуемую свыше, но это говорит лишь о том, что правительство это будет правительством бессильным и неосуществимым, а церковь эта будет рассадником ереси и раскола. Дух, тенденция, — останутся властническими и воспитательное влияние будет всегда антианархическим.

Послушайте сами: „Исполнительный орган общего анархического движения — анархический союз — вводит в своих рядах **принцип коллективной ответственности**: за революционно-политическую деятельность каждого члена Союза ответственен каждый его член“.

И после этого полного отрицания всякой личной независимости, всякой свободы инициативы и действия, авторы платформы, вспомнив о том, что они анархисты, называют себя федералистами и гремят против централизации, „неизбежным продуктом которой, говорят они, является порабощенность и механизирование жизни общественной и партийной“

Но раз Союз ответственен за то, что делает каждый из его членов, то как предоставить каждому отдельному члену и различным группам право применять общую программу в той форме, какую они сочтут наилучшей? Как можно быть ответственным за какой-либо акт, не будучи в состоянии ему помешать? Следовательно, Союз — и Исполнительный Комитет вместо него — должны будут следить за деятельностью всех отдельных членов и предписывать им то, что они должны, или не должны, делать. И так-как осуждение выполненного действия не уменьшает ответственности, формально принятой до того, то никто не сможет предпринять что бы то ни было, не заручившись предварительно одобрением и разрешением Комитета. С другой стороны, как может отдельная личность взять на себя ответственность за действия коллектива, не зная заранее того, что этот коллектив сделает, и, — каким образом может она помешать сделать то, чего она не одобряет?

После того, авторы проекта говорят, что руководит и располагает всем Союз — но подразумевает ли под этим волю всех его членов? В этом случае, для того, чтобы Союз мог действовать, нужно было бы, чтобы все его члены, во всех вопросах, имели бы всегда и в точности одно и то же мнение. Вполне естественно, конечно, что все члены будут согласны в общих и основных принципах, — без чего они не объединились бы — но нельзя предположить, чтобы мыслящие люди были все и всегда одного и того же мнения насчет того, что им надлежит делать при всех обстоятельствах, а также насчет подбора лиц, на которых можно было бы с доверием возложить исполнение решений и руководство.

В отдельности, — как это явствует из самого текста проекта, — под волей Союза следует разуметь только волю большинства, волю выраженную конгрессами, которые назначают и контролируют “Исполнительный Комитет” и принимают решения по всем важным вопросам. Конгрессы будут, конечно, состоят из представителей, избранных по принципу большинства в каждой принадлежащей к Союзу группе, и представители эти будут решать все

вопросы дня по большинству голосов. Следовательно, в лучшем случае, решения будут приниматься большинством большинства, которое очень даже может, — в особенности, когда мнений будет больше, чем два, — представлять только лишь меньшинство.

Следует, кроме того, отметить, что в тех условиях, в которых живут и борются анархисты, их Конгрессы, в сущности, еще менее представительны, чем буржуазные парламенты, и их контроль над исполнительными органами, если последние имеют властические полномочия, редко производится как следует и во время. На анархических Конгрессах бывает, в действительности, всякий, кто хочет и может, всякий кто имеет или находит необходимые для поездки средства и не задерживается полицейскими мерами. Там можно встретить столько же товарищей, представляющих только самих себя, или же — небольшое число друзей, — сколько и тех, которые в действительности представляют мнения и желания многочисленного коллектива. И, за исключением мер предосторожности, принимаемых против предателей и шпионов, а также по самой причине этих предосторожностей, — серьезная проверка мандатов и их действительности невозможна.

Во всяком случае мы здесь имеем дело с полной системой большинства, с полным парламентаризмом.

Как известно, анархисты не признают правительства большинства (**демократии**), также, как не признают правительства небольшого числа (**аристократии, олигархии, или диктатуры класса или партии**), или правительства одного лица (**автократии, монархии, или личной диктатуры**).

Анархисты тысячу раз критиковали правительство так-называемого большинства, которое на практике приводит всегда к господству небольшого меньшинства. Неужели же надо снова повторять эту критику на потребу наших русских товарищей?

Конечно, анархисты признают, что в общественной жизни часто необходимо, чтобы меньшинство сообразовалось с мнением большинства. При необходимости или очевидной

полезности какого-нибудь дела, — когда, для того, чтобы сделать его, требуется содействие всех, — небольшое число должно чувствовать необходимость приспособления к воле большего числа. Да и вообще, для того, чтобы жить сообща, в мире и под знаком равенства необходимо, чтобы все были воодушевлены духом согласия, взаимной терпимости и сговорчивости. Но это приспособление одной части ассоциирующихся к другой — должно быть взаимным, добровольным, вытекающим из сознания необходимости и из желания каждого не парализовать общественной жизни своим упорством. Приспособление это не должно быть навязано, как принцип и как установленное правило. Это идеал, который, быть может, в практике общественной жизни трудно будет полностью осуществить, но ясно, что всякая человеческая группировка тем ближе к анархии, чем свободней соглашение между меньшинством и большинством, чем более оно добровольно и чем больше оно вытекает только из самой природы вещей.

Следовательно, если анархисты отрицают за большинством право управления человеческим обществом вообще, где личность, однако, вынуждена допустить некоторые стеснения, не будучи во состоянии уединиться без того, чтобы не отказаться от условий человеческой жизни; если они хотят, чтобы все делалось по вольному соглашению между всеми, — то как возможно, чтобы они допустили господство большинства в своих ассоциациях — прежде всего, свободных и добровольных — и чтобы они начинали с заявлений о готовности подчиниться решениям большинства до того даже, как узнали каковы эти последние будут?

Что анархия, — свободная организация, без господства большинства над меньшинством и наоборот, — будет квалифицирована не-анархистами как неосуществимая утопия или-же осуществимая только в очень отдаленном будущем — это понятно; но непостижимо, чтобы те, которые исповедуют анархистические идеи и хотели бы осуществить анархию, или, по крайней мере, серьезно приблизиться к ней уже сегодня, — отреклись от основных

принципов анархизма в той организации, где они хотят бороться за их торжество..

Анархическая организация должна, по моему, быть основана на принципах совершенно отличных от тех, которые предлагают нам эти русские товарищи. Полная автономия, полная независимость и, следовательно, полная ответственность личностей и групп; свободное соглашение между теми, которые считают полезным объединиться для совместной работы на общее дело, моральный долг выполнить взятые на себя обязанности и не делать ничего, что противоречило бы принятой программе. На этих основах вырабатываются практические формы, орудия способные дать реальную жизнь организации: группы, федерации групп, федерации федераций, собрания, конгрессы, комитеты для корреспонденции и др. функций. Но все это должно делаться свободно, чтобы не спутывать мысли и инициативы личности, и лишь для того, чтобы придать большее значение действиям, которые в изолированном виде были бы невозможны или почти недействительны.

Таким образом, Конгрессы в анархической организации, страдая, конечно, как представительные организации, всеми отмеченными мною недостатками, — лишены всякого властничества, потому-что их постановления не являются законом и потому-что они не навязывают другим своих решений. Их задача — поддерживать и расширять личные связи между наиболее активными товарищами, привлекать к изучению способов и путей деятельности, обобщать результаты такого изучения, знакомить всех с положением дел в различных местностях и с характером необходимой в этих местностях работы, формулировать различные мнения среди анархистов и вести в этом отношении своего рода статистику. Решения этих конгрессов — не обязательные правила, а внушения, советы, предложения всем заинтересованным. Они становятся обязательными и подлежащими исполнению лишь для тех, которые их принимают, и лишь постольку, поскольку они их принимают. Назначенные ими административные органы — комиссии

для ведения корреспонденции и др. — не имеют никакой руководящей власти и проявляют инициативу только для тех, кто хочет и одобряет эту инициативу. Они не имеют никакой власти для того, чтобы навязывать другим свои собственные взгляды, которые они могут, конечно, поддерживать и распространять, как группа товарищей, но которые они не могут выставлять, как официальное мнение организации. Они публикуют резолюции Конгрессов, мнения и предложения, вносимые группами или отдельными личностями. Они полезны для тех, которые хотят ими воспользоваться для облегчения сношений между группами и для сотрудничества тех, кто согласен с различными инициативами. Каждый, однако, волен сноситься непосредственно с кем ему угодно, или пользоваться другими комитетами. В анархической организации каждый член может исповедывать все мнения и употреблять любую тактику, лишь бы они не противоречили принятым принципам и не вредили деятельности других. Во всех случаях, подобная организация будет существовать до тех пор, покуда интересы объединения будут сильнее интересов раз'единения — в противном случае, организация распускается и уступает место другим группировкам, более сплоченным. Разумеется, продолжительность и постоянство организаций есть условие успеха в долгой борьбе, которую мы ведем, и, естественно, с другой стороны, что всякая организация инстинктивно стремится существовать постоянно. Однако, продолжи-

тельность анархической организации должна быть следствием духовного сродства ее членов и возможности ее приспособления к меняющимся условиям. Когда она более неспособна на какое-нибудь полезное дело — ей лучше всего прекратить существование.

Эти русские товарищи найдут, быть может, что организация, как я ее понимаю и как она бывала осуществлена, более или менее успешно, в различное время, — недостаточно сильна. Я понимаю. Этим товарищам не дают покоя успехи большевиков в их стране; они хотели бы, на подобие большевиков, соединить всех анархистов в своего рода дисциплинированную армию, которая, под идеологическим и практическим руководством нескольких вождей, пошла бы компактной массой на штурм существующего строя, и которая, победив физически, руководила бы строительством нового общества. И, быть-может, верно, что при такой системе — если, конечно, допустим, что анархисты согласятся с ней, и, что их вожди будут людьми гениальными, — наша физическая сила станет более внушительной. Но ради каких результатов? Не станет ли с анархизмом то же, что стало в России с социализмом и коммунизмом? Товарищи эти с нетерпением жаждут успеха, мы — тоже; но для того, чтобы жить и победить не должно отказываться от смысла жизни и извращать характер возможной победы. Мы хотим бороться и победить, но как анархисты и за анархию.

Э. Малатеста.

Е. Н.

СЛОВЕСНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

В рядах русских анархистов имеются сейчас два основных течения. Одно из них является течением культуртрегерским, другое же инсургентским. Первое течение является сравнительно новым. Оно появилось в нашем движении после так называемой "октябрьской революции". Многие русские анархисты, пережившие эту кошмарную революцию, пришли к тому заключению, что одной революционности недостаточно для того, чтобы создать анархическое общество. Революция нужна, быть может, только для разрушения старой общественной жизни, но для создания новой свободной общественности требуется только лишь "дух созидающий".

Этот же дух созидающий может проявиться только в том случае, если народ является серьезно подготовленным к этому новому строительству. Напрасно некоторые анархисты думают, что народ получит эту подготовку на полях революционных сражений. Во время революции люди эту подготовку получить не могут. Русская революция ярко свидетельствует об этом. Русский народ во мгновение ока уничтожил старую общественность, но не сумел приступить к строительству новой общественной жизни. И это было исключительно результатом его творческой беспомощности. Поэтому то в октябре и появились большевики.

Благодаря этой культурной неподготовленности населения, даже сам по себе революционный процесс в России протекал в очень уродливых и чудовищных формах. Всем, ведь, сейчас известно, что во время русской революции, особенно после октября, в России не было никакого строительства. Революция продолжалась несколько лет, но русский народ и до сих пор не научился еще создавать новые культурные и экономические ценности. Ничему не научилось до сих пор и то невежественное большевицкое правительство, которое мечтало некогда об осуществлении социализма в России.

В результате всего этого, русская револю-

ция и превратилась в нечто хаотическое. Вместо новой и свободной жизни в России появилось какое то новое рабство. Советское правительство не представило людям даже тех минимальных свобод, которые имеются в капиталистических государствах. Советское государство является типичным полицейским государством. Но другой формы общественной жизни русская революция и не могла дать, ибо народ во время этой революции являлся только силой разрушающей. К строительству же он не приступал, ибо не знал, как строить эту жизнь. А поэтому он и предоставил эту творческую работу большевикам. Но как они могли создать что либо, если даже по заявлению самого Ленина в их рядах имеется на 100 членов партии только один порядочный большевик? Как могли создать социалистическое общество те люди, которые являются авантюристами, преступниками и разбойниками, а не социалистами?

Само собою разумеется, что от них и не следовало ожидать никакого строительства. Этого строительства не было в начале революции, нет его в России и сейчас.

Вот почему русская революция принесла нам не процветание экономическое, а очень жестокий хронический голод. Вместо свободной жизни она дала нам страшный большевицкий террор и превратила всю Россию в каторгу. Многие революционные анархисты сваливают очень часто всю ответственность за эти ужасы только на партию большевиков, но этот взгляд является очень односторонним. Виноваты, разумеется, больше всего большевики, но виноват также в этом и весь русский народ. Если бы он не захотел допустить этих ужасов, их в этом случае и не было бы в русской революции. Но раз он допустил все эти ужасы, значит, и он виновен в их осуществлении.

Вот на этом то основании многие русские анархисты и стали сейчас на путь культуртрегерства. Это не значит, разумеется, что они

отвергают какую бы то ни было революционность. Нет, они не являются сторонниками толстовского непротивленческого принципа, но во главу угла своей работы кладут не инсургентский принцип революционности, а революционность духовную. Опять повторяем, что русская революция наглядно показала нам полную несостоятельность голых инсургентских принципов. Все эти анархисты полагают, что люди должны совершить прежде всего духовную революцию, должны подготовить себя к строительству новой жизни, и только после этого они могут успешно завершить начатое революционное дело. Да и сам по себе революционный процесс пройдет в таком случае и быстро, и безболезненно. Эти анархисты не являются, следовательно, толстовцами и непротивленцами, как называют их некоторые "революционные" анархисты. Эти анархисты отказываются только от неосмысленного и голого бунта, отказываются от бунта во имя бунта, отказываются от всяких кровавых фарсов, от недопустимой игры человеческой жизнью, которая так сильно развивается во время революции. Вот какую революцию отвергают эти анархисты. Они отказываются только от той верховенщины и шигалевщины, которая по существу ничем не отличается и от большевизмской революционности.

Вот почему некоторые анархисты — инсургенты и называют таких анархистов просто либералами. Некоторые из них доходят даже до того, что не считают их даже и анархистами. Такие заявления встречаются, однако, очень редко, и с ними не стоит серьезно считаться.

Посмотрим же теперь, являются ли подлинными революционерами все эти революционные анархисты. Когда мы слушаем их речи или же читаем их печатные произведения, то на первый взгляд нам кажется, что они являются непримиримыми революционерами и ближе стоят к анархическому обществу, нежели анархисты культурники. В действительности же, этой непримиримой революционности у них совершенно нет. Вся их революционность является только словесной револю-

ционностью. Она является типично кабинетной. Ведь если человек называет себя истинным революционером и интернационалистом, то его революционность должна проявляться не только в частных квартирах и на небольших организационных собраниях, а за стенами частных квартир и клубов. Эта революционность должна выражаться не только в устной и печатной декламации старых революционных "истин", но она должна выливаться в формы конкретной действительности, в формы революционного действия. Но этой революционности, как мы видим, у них нет. Эти революционеры декламируют о революции только лишь в безопасных местах.

Так, например, парижские, берлинские и нью-йоркские революционные анархисты говорят очень часто о своей революционности, по свою революцию они устраивают... в России. Не было, кажется, до сих пор такого случая, чтобы их революционность коснулась Франции, Германии или Америки. Никто из них не может, ведь, сказать, что в этих странах осуществились уже анархические принципы, а поэтому то эта революционность и не должна их касаться. Все мы хорошо знаем, что все эти капиталистические страны только немного лучше советской России. В этих странах тоже должна быть анархическая революция. Но все эти революционные русские анархисты не проповедуют здесь почему то своей революции. Они должны были бы делать это еще и потому, что все они считают себя подлинными интернационалистами. Для подлинного же интернационалиста, как этот термин ими понимается, не должно быть ни родины, ни чужой страны. Такой анархист должен быть всюду революционером. Для него должно существовать только понятие "правительство" или "капиталист", но для него не может быть правительства "советского" или "французского". В действительности же все это обстоит совершенно иначе.

Живя в Париже или же в Нью Йорке, они устраивают революцию где то в советской России. Лица же, находящиеся в России, не говорят ни слова против большевизмского правительства и устраивают свою революцию... в Со-

единенных Штатах. Такие революционные анархисты в советской России имеются.

Само собою разумеется, что такая революционность является очень дешевой. Она не стоит даже медного гроша. И если такой анархист называет себя почему то революционером, то он называет так себя просто по какому то недоразумению. В такой революционности имеется нечто даже комическое. Эта революционность есть просто какое то дон-кихотство.

Вот почему мы и думаем, что такого рода анархисты не являются подлинными революционерами. Революционность их — чисто словесная. Словесные же революции являются не только неудачными, но и очень комическими. Замыслы у этих революционеров всегда бывают какими то грандиозными, но достижений решительно никаких. Нет у них

подлинных революционных действий, нет и культурной работы.

Эта работа особенно нужна нам на чужбине. Все мы должны понять, что находясь в Америке мы не устроим революцию в России. Мы, разумеется, никоим образом не можем примириться с советским правительством, но мы бессильны здесь свергнуть это невежественное и реакционное правительство.

Революцию в Америке мы тоже не устроим, если бы и хотели устроить. Вот почему мы и думаем, что нам нужно заниматься здесь творческой и культурной работой. Словесные же революции — явление очень смешное. Лучше совсем не проявлять свою воинственность, чем размахивать в воздухе картонным мечом и угрожать войной тому врагу, с которым мы едва ли можем встретиться. А это ведь и делают многие „революционные“ анархисты.

Е. Н.

ОСЕНЬ.

Осень это — час покоя Браны,
Тишина, которой имени в природе нет.
На вопрос весны, на трепеты ее — ответ.
Ключ к разгадке тайны самой главной.

Жатва собрана; бездушно спят поля.
Уронил корону спевший песню лес.
Гасит яхонтов упавших и рубинов блеск
Серым пеплом мудрая земля.

Тишина во мне, и взор мой — ввысь...
Отошла далеко Майя с погребушкой слов,
“Я” мое и “я” березок рощи без листов
В тишину, которой имени в природе нет,

влились.

Зарница.

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ.

В дорогу дух зимы!
Морозами наполни чемоданы...
В моря цветов и солнца океаны
Нам ветер путь размыл.
В стране жестокой тьмы
За инеем рассеются туманы,
Водой снега пойдут в иные страны,
Каких не знаем мы.
Бегут ручьи стремясь от сел к селу.
Прямой дорогою, упорно
Блокада льдов сдвигается во мглу.
И снова верб крылатый аромат,
Веселый, смелый, непокорный

Задел сердца средь каменных громад.

Сергеев.

Н. РУБАКИН.

LABOR ET INTELLECTUS.

Организованное единение работников физического труда с работниками труда умственного.

Под этим латинским, международным названием возникло в Лозане (в Швейцарии) во второй половине января прошлого года, по инициативе Секции Библиологической Психологии и при горячей поддержке Института Ж. Ж. Руссо, Лозанского Народного Дома Лозаннского Кооператива, новое своеобразное учреждение, познакомиться с основной идеей и деятельностью которого, надо полагать, будет интересно и для читателей.

Латинское слово „Labor“ значит по русски „труд“, — сила физическая, а слово „интеллектус“ значит — „разум“, — сила умственная. „Labor et Intellectus“ представляет собой федерацию или союз этих двух сил, — величайших сил, которыми и создается, и развивается, и движется человеческая культура и цивилизация.

В Лозанне этот союз двух сил воплощен в жизни в виде федерации или союза учреждений двух типов: во-первых, таких, в которых сосредоточиваются работники труда умственного, во-вторых, таких, в которых сгруппированы работники труда физического. С одной стороны — просветительные, педагогические и др. институты, редакции журналов, школы, с другой — рабочие синдикаты, кружки, кооперативы, народные дома и т. д. Основная идея этой федерации состоит в том, чтобы объединить, сгруппировать, углубить, и расширить их совместную работу, и одухотворять ее идеалами социальной справедливости.

Что мы видим в настоящее время? С одной стороны, такая мощная сила, как рабочий класс. С другой, не менее мощная сила, — интеллигенция в самом высоком смысле этого слова. Но обе эти силы разединены, и в этом их слабость, как социальная, так и историческая. Сила их превращается в слабость вследствие обоюдного непонимания и недостаточного знакомства друг с дружкой и взаимной недооценки и вследствие антагонизмов, как

естественно, так и искусственно создаваемых теми, кому это единение двух сил невыгодно и опасно. И кто же действительно не знает, что идея единения **всех** работников, будь это работники умственного или физического труда, невыгодна многим, даже очень многим? Но еще больше таких людей на свете, кому она непонятна, и кому она кажется неосуществимой.

Ее нужно сделать понятной. Ее нужно осуществить. Такова одна из самых важных общественных задач наших времен.

Необходимо выяснить и доказать **на практике**, как и возможность так и величайшее значение самого близкого, самого интимного единения работников труда физического с работниками труда умственного. То и другое должны сделать с одной стороны наиболее интеллигентные люди из рабочей среды, с другой интеллигенты, сумевшие возвыситься над интересами своего общественного класса, условия, касты, группы, профессии, кружка, люди широко и беспристрастно мыслящие, образованные, ученые, обладающие не только теоретическими, но и практическими знаниями и организаторскими способностями. В недрах не-классовой и классовой интеллигенции такие люди должны усиленно создавать и создавать искренних друзей рабочего класса и борцов за светлое будущее всех трудящихся. Рабочий класс в своих недрах должен усиленно создавать и создавать свою собственную интеллигенцию.

История показала, что из среды всех классов вышли, то и дело действительно выходят глубоко убежденные защитники народных интересов, и это происходило и происходит и несмотря на разнородные социальные антагонизмы и борьбу общественных классов. История же показала что рядом с интеллигентнейшей классовой всегда была, есть и будет интеллигенция надклассовая — истинная совесть че-

ловечества, своего рода третейский судья интеллигенции классовой.

Силы мысли, и силы знания, равно как и чувства доброжелательства, справедливости, гуманности, и красоты распределены в человечестве далеко неравномерно, а значит и несправедливо. Столь же несправедливо распределены и материальные богатства создаваемые человеческим трудом. С одной стороны мы видим замечательнейших ученых, стоящих словно на вершине Эйфелевой башни, далеко от толпы, в это самое время утопающей в море тьмы и невежества. С другой стороны мы видим рабочий класс, безусловно нуждающийся в интеллигенции и в интеллигентах, его понимающих, его знающих, его искренне любящих и ему сочувствующих, и разделяющих его цели и стремления. Такое разделение было и до войны. Таким осталось оно поныне.

Необходимость обоюдного сближения работников умственного и физического труда идея не новая, но увы, не только не осуществляемая, но и не осуществляемая.

Кто не знает, как далеки друг от друга, в их обидной жизни и в их добровольной деятельности, работники труда физического от работников труда умственного? Хотя они и встречаются, и сталкиваются друг с другом в своей деятельности в некоторых пунктах, например, на фабриках и заводах, в мастерских, в народных университетах, в школах для взрослых, и т. д., но какое же там отношение между работниками этих двух отраслей труда? Встречи эти — официальные, отношения — обязательные, односторонние, с "закрытой душой", — а нередко и с глубоким внутренним взаимным недоверием, которое больше всего и препятствует их сближению и выявлению глубокого внутреннего братства и общности самых существенных и самых кровных интересов двух великих отделов человеческого труда. Забывается, что всякий работник есть прежде всего **работник**, и что будь он работником умственного или ручного труда, он все-таки наймит, — он живет путем **продажи** своих сил и способностей какому нибудь предпринимателю, собственнику,

а тот только тогда и нанимает, и только тогда и платит своему рабочему, когда тот для него, так или иначе, доходен и выгоден.

Но что такое выгода предпринимателя-собственника? Она не иное что, как благовидное присвоение того, что создается и создается трудом работника; наука объективно выяснила, как происходит это присвоение: Работник получает вознаграждение только за некоторую часть труда, им затраченного на производство продукта. Некоторая же другая часть при нынешнем капиталистическом строе неизбежно остается не оплаченной и переходит в карман предпринимателя. Это значит, что хозяин-собственник, именно потому что он собственник, присваивает невидимым и приличным способом некоторую часть того, что ему не принадлежит. Это одинаково справедливо как по отношению к продукту труда умственного, так и по отношению к продукту труда физического. Действительно своим собственным можно и должно считать только то, что создается своим собственным трудом, и он то и есть источник настоящей и действительно "священной собственности". Но увы, — таким трудовым способом миллионы и миллиарды дохода не создаются. Они являются только продуктом присвоения чужого труда.

Правда, предприниматель собственник тоже работает и, как работник, тоже имеет правственное право на оплату своего труда. Но и при самой высокой оценке рабочего времени, талантов и способностей ловкого бизнесмена как далеки размеры оплаты его труда от справедливости: разве мы не знаем не менее гениальных работников труда умственного напр. ученых, изобретателей, писателей и т. д., которые умирают и уже умерли с голоду? И разве мы не знаем, что среди работников труда физического чуть не на каждом шагу встречаются люди тоже талантливые, даже гениальные, и энергичные, но которые, получают за свой труд гроши? Старая — престарая это песня, такая же древняя, как и современный общественный, глубоко-несправедливый строй.

Этот самый строй во всех, так наз., "культурных и цивилизованных" странах совершает ежедневно и ежечасно еще одно, и к

тому же величайшее преступление: он отодвигает и отодвигает работников физического труда от работников умственного и обратно; он же создал и все углубляет пропасть между ними, он же организует их взаимное непонимание и обоюдное незнание и недоверие, он разделяет их интересы, он восстанавливает их друг против друга, он из братьев по их несчастиям и страданиям делает чуть ли не врагов. Он создает такую невыносимую душевную атмосферу, в которой не могут не задыхаться работники как умственного, так и физического труда, разумеется, к их обоюдному невыгодному: первые втягиваются в среду предпринимателей, собственников, сливают их интересы со своими, чтобы стать при первом же удобном случае тоже собственниками, предпринимателями, эксплуататорами. Так и случилось и постоянно случается с миллионами и миллионами работников умственного труда во всех странах: разве же наука, искусство, литература, философия, техника не прилажены ныне к интересам господствующего меньшинства и вообще к господству над трудящимся большинством, — господству и дубьем, и рублем, и обманом? И разве не работниками умственного труда, слившимися с командующим классом созданы и создаются самые умные, самые утонченные и выгодные инструменты и орудия этих трех главных видов господства? И вот многие и многие работники умственного труда уже помогли и все помогают господству командующего меньшинства над рабочим большинством. А что касается до рабочей массы, то она, во многих и многих отношениях и различными, иной раз очень хитроумными способами, буквально так отрывается от работников умственного труда а вместе с тем от просвещения. Его приходится черпать нередко из отравленных источников, не имея возможности свободно их выбирать по правилу: бери что дают, — вследствие небезопасности материальной.

Этому же помогает и невежественность и темнота. Даже в самых демократических странах, вроде Соед. Штатов Америки и в Швейцарии, несмотря на всеобщее избирательное право и на обязательность школьного

образования и на массу школ, невежественность народных масс до сих пор самое обычное и распространенное явление и самое привычное общественное зло. Все это создает очень удобную почву для травли. И темные массы то и дело травят интеллигентов или помогают их травить. И всего хуже то, что в атмосфере такого зла миллионы и миллионы рабочих перестают понимать солидарность интересов работников труда физического и умственного. Но и это еще не все: в атмосфере изолированности те и другие перестают стремиться к расширению своего кругозора, умственного, нравственного, общественного, привыкают к узости своих идей и взглядов, перестают осознавать их. Чего мы не знаем и чего мы не сознаем, то считается нами не существующим. О многом и многом, что давно уже существует, до миллионов трудящихся даже и не доходит никаких сведений и даже слухов, из-за медленной циркуляции знаний.

Ход истории с давних пор тоже способствует раз'единению работников умственного и физического труда. Достаточно познакомиться на миллионах примеров. С давних пор работники умственного труда выходят главным образом из среды господствующих классов: то из дворянства, то из духовенства, то из буржуазии, то из среды более или менее крупных собственников, — помещиков, заводчиков, фабрикантов, торговцев, банкиров, и т.д. и т.д. Даже в настоящее время, когда дорога к свету повидимому открыта всякому рабочему во все стороны, на деле она оказывается для него закрытой, потому что во время учения нечем жить, а за обучение в университетах плата высока непомерно: она доступна только богачам. Поэтому среди работников умственного труда очень высок процент лиц, принадлежащих к командующим классам, а среди работников труда физического преобладающим элементом являются пролетариат и крестьянство.

Так создалась в области труда своего рода пропасть между двумя главными его отраслями. Создалось положение дел безусловно не выгодное как для всякого работника, так и

для всего человечества. Если работник мало мальски умен, и мало мальски чуток, отзывчив и хоть немножко понимает весь вред причиняемый господством человека над человеком, ему не может не быть душно и невыносимо тяжело в такой атмосфере. А между тем ее поддерживает и семья, и школа, и печать, и искусство, и наука, и литература, и политика, и дипломатия, и церковь и т.д. и т.д. И каждый из этих факторов вносит свою долю в тот гнет, как фонарь висящий над великим умным и чутким человеком. А таких людей много, очень много в рабочей среде, как интеллигентской, так и фабричной, и заводской, и т.д. и даже в военной казарме.

Уже давно в разных странах среди интеллигентных работников, каковы, например, писатели, ученые, педагоги, инженеры, врачи, есть такие личности, которые страшно тягостятся своею оторванностью от широких трудовых масс. С другой стороны, в этих массах тоже есть не мало таких работников, которые понимают, как тяжело и невыгодно для этих масс и для их светлого будущего стоять далеко от таких интеллигентов, не имея с ними никакого или почти никакого искреннего, свободного общения. А вот оно-то и может дать им настоящую силу. Значит, именно для такого общения и необходимо поискать путей, а то и создать **возможно широкоую** и постоянную почву для него. И не только в каждой отдельной стране, но и в международном масштабе. **Надо работать и работать именно в этом направлении. Надо организовать сознательное, постоянное и прочное общение наиболее интеллигентных работников и умственного, и физического труда.** Ибо раз будет создано и организовано общение таких представителей обеих главнейших отраслей труда, к ним быстро и всюду станут присоединяться все новые и новые силы из окружающей среды. **Надо породить и организовать такое общественное и исторически необходимое общение трудовых сил.**

Вот с этой-то точки зрения особенно и интересна и поучительна федерация "Лабор ет интелектус"; возникшая в Лозанне и встретившая самое широкое и искреннее сочувствие

в разных кругах. С 26-го января прошлого года (день основания федерации) в течение же десяти дней к ней примкнуло более 15 различных учреждений, в том числе (считая и учредителей): женеvский институт Ж. Ж. Руссо, Международное Бюро Воспитания, Всемирный Союз Женщин для Мира и Свободы, Швейцарская федерация работников умственного труда. Бюро профессиональной ориентации, секция (институт) Библиологии, редакция журнала "Журнал дес парентс", педагогическая колония "Синия Птица", Лозаннский Кооператив, разные рабочие синдикаты, и т.д. Нельзя сомневаться, что через два три-месяца "Лабор и Интелектус" объединит многие и очень разнообразные учреждения. Почва для федерации нащупана правильно. Этим и объясняется ее успех.

Президентом федерации выбран один из самых выдающихся педагогов и ученых Швейцарии, профессор Пьер Бовэ, директор Института Ж. Ж. Руссо, а членами центрального бюро: Д-р А. Сутер (директор Лозаннского Кооператива и основатель лозаннского Народного Дома), д-р Винч, Борнан (рабочий, представитель синдиката строительных рабочих) Делланegra (рабочий, представитель синдиката печатников), Д-р Н. Рубакки (директор Секции Библиологии). В уставе федерации между прочим сказано: ее цель состоит в том, чтобы группировать организации и учреждения, вокруг которых сосредотачиваются работники ручного и умственного труда, и способствовать, путем сотрудничества тех и других, развитию культуры общей, научной и технической. Каждая из организаций вошедшая в федерацию выбирает двух своих представителей. Из них составляется Центральный Комитет ее. Хотя федерация составлена только из учреждений, но ее Центральный Комитет имеет право кооптировать (присоединять) к ней, в неограниченном числе, и отдельных лиц, желающих сотрудничать с федерацией, по его мнению компетентных. Каждое учреждение, вошедшее в федерацию, остается совершенно автономным, и Центральный комитет не имеет права оказывать на него

давление. Его единственная задача состоит в том, чтобы всячески помогать развитию и согласованию целей и деятельности учреждений, способствовать их взаимному сближению. Федерация — учреждение чисто культурническое, совершенно вне-партийное и стоит в стороне от всякой политики. Но она открыта для людей всех партий и всех направлений.

Вместе с тем, федерация — учреждение международное, и к ней могут присоединяться учреждения всех стран.

С самого своего возникновения она энергично приступила к работе. Прежде всего был организован ряд популярных лекций по психологии, — область знания, которая особенно мало знакома широким массам, несмотря на успехи этой науки за последние пять или десять лет. Народный Дом в Лозанне открыл для этих лекций свое обширное помещение. Лекторами явились такие знаменитости, как проф. Э. Клапаред, проф. П. Бова, проф. Ш. Бодуен, и др. Одновременно с этим было приступлено к устройству своеобразного педагогического музея (при Институте Ж. Ж. Руссо в Женеве), из которого коллекции, приборы и разные другие предметы обучения и учебные пособия всякий желающий, будь то школа или частное лицо, могут брать к себе на дом, подобно тому, как книги берутся из библиотек. Значение такого музея понятно для всякого, кто знает, как мало выносят посетители из обыкновенных музеев, проходя по их залам мимо витрин. Организуемый музей ставит своей задачей давать учащимся возможность подробно и со всех сторон осматривать, осязывать, пробовать изучаемый предмет, будь то коллекция минералов, электрическая машина, микроскоп и т. д. Подобного рода музей, основанный еще в 1892 г. при библиотеке Л. Т. Рубакиной в Петербурге, существует и до сих пор, имея свой собственный

трех-этажный дом, подаренный ему в 1900 г. С. В. Паниной, и содержит более 300.000 тысяч разных предметов, если не больше. Музей, организованный федерацией „Лабор ет Интелектус“, в самое короткое время уже успел получить бесплатно большие и ценные коллекции. Федерация теперь же организует в рабочих синдикатах научные беседы работников умственного труда с работниками труда ручного по вопросам науки, техники, философии и т. д. О чем именно беседовать — этот вопрос решают сами слушатели физического труда. Ученые организаторы и лектора ничего не хотят им навязывать, а идут лишь навстречу их пожеланиям, стремлениям и нуждам. Организуется еще особое бюро для поддержки особенно даровитых детей из трудящихся классов, напр. детей особенно способных к музыке, технике, рисованию, литературе и т. д. Намечен целый ряд других мер, которые осуществляются в ближайшем будущем. В тех же целях, как и „Лабор ет Интелектус“, работают с своей стороны и Лозаннский Народный Дом, и Лозаннский Кооператив. По инициативе Э. Пейтрекена, заведующего Народным Домом, организованы „Семейные воскресенья“ с музыкой, пением, с беседами на разные темы, с чаепитием. На этих семейных собраниях имеют возможность дружелюбно встречаться работники умственного и физического труда. Лозаннский же Народный Дом вот уже второй год устраивает выставку работ, сделанных самоучками и в свободное от занятий время. Лозаннский кооператив устраивает специальную библиотеку для детей и т. д.

Во всяком случае, чисто житейских и практических путей, для сближения работников умственного и физического труда, обыденная жизнь представляет очень много.

Живая идея пошла таким образом в ход.

Лозанна.

Н. Рубакин

А. А. КАРЕЛИН.

РУССКИЕ БАКУНИСТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

(Статья написана незадолго до смерти А. А. Карелина).

У Михаила Александровича Бакунина были многочисленные последователи среди русских эмигрантов и в рядах русских, легально проживавших и учившихся за границей.

Наиболее замечательными из них были эмигранты, из которых выделялись: Николай Иванович Жуковский, Варфоломей Александрович Зайцев, Лев Ильич Мечников, Михаил Петрович Сажин (А. Росс), Владимир Карпович Дебагорий-Мокриевич, Ралли, Эльсини, Гольштейн. Учение М. А. Бакунина повлияло и на П. А. Кропоткина, как это видно из "Записок революционера".

О Сергее Генадьевиче Нечаеве, своеобразном, черезчур самостоятельном ученике М. А. Бакунина, — имеется особая заметка в статье: "Анархисты в народническом движении 70-х годов".

Николай Иванович Жуковский родился в 1833 году и в начале 60-х годов имел, как офицер русской армии, какое то отношение к польскому восстанию. Ржонд Народовый устроил ему побег в Европу. Он был веселым и добрым человеком, прекрасным оратором, участником всех эмигрантских предприятий. Он постоянно помогал всем обращающимся к нему за помощью, как в общественных, так и в личных делах. Жуковский был большим другом М. А. Бакунина. Николай Иванович был одним из сотрудников журнала "Община", выходившего за границей с января 1878 года и одним из авторов брошюры: "Сытые и голодные".

П. А. Кропоткин, приехавший в Швейцарию в 1876 году (после смерти М. А. Бакунина) писал о Жуковском: — "блестящий, изящный человек, очень умный и большой любитель рабочих. Больше, чем кто бы то ни было из нас, он имел, что французы l'oreille du peuple. Рабочие всегда слушали его охотно, так как он умел заечь сердца народа, показывая ему то важное участие, которое он должен принять в переустройстве общества. Он умел поднять настроение, открывая работ-

ника блестящие исторические перспективы; он умел сразу осветить самый запутанный экономический вопрос и наэлектризовать слушателей своею искренностью и убежденностью".

Бакунистом был и талантливый русский критик Варфоломей Александрович Зайцев. Он родился в Костроме в 1843 году, а через 23 года, в мае 1866 года был арестован по делу Каракозова и посажен в Петропавловскую Крепость, где просидел четыре месяца. Он был освобожден, так как выяснилось, что не имел никакого дела к Каракозову.

В марте 1869 года В. А. Зайцев уехал за границу, где скоро стал членом Интернационала и последователем Бакунина. В Женеве он выступал против марксистов. Один из последних, Утин, подкупил нескольких негодяев избить Зайцева, но рабочие не допустили этого. Осенью 1872 года Зайцев переехал в Локarno к Бакунину и поселился вместе с последним на одной квартире. Здесь он писал под диктовку Бакунина воспоминания последнего, но они неизвестно куда исчезли. В конце 1873 года Зайцев уехал на заработки в Ментону. Оттуда с'ездил в Италию и снова приехал в Ментону. М. З. — автор воспоминаний о Зайцеве — пишет о нем так: "По природе своей человек замечательно добрый и мягкий, чрезвычайно скромный и снисходительной по отношению к другим, он лишь в редких случаях, способен был вспылить и выйти, как говорится, из себя. Это бывало лишь в редких случаях, когда на его глазах совершалась какая либо несправедливость. Но зато, какие ни были бы обстоятельства, он был не способен кривить душой, хотя бы в своих интересах". (Эти и некоторые другие выдержки см. Лев. Мечников: "Цивилизация и великие исторические реки" ред. и вступительная статья Н. К. Лебедева. Изд. "Голос Труда", Москва 1924 г.)

Зайцев очень бедствовал в эмиграции. Его оригинальные сочинения не могли быть напечатаны в России.

Зайцевым была переведена книга Гильома "Анархия по Прудону". Им же было написано введение к книжке Прудона: "Общая идея революции XIX-го века". Он много работал в русских журналах как критик.

Умер В. А. Зайцев 20 января 1881 года.

На его могиле Н. И. Жуковский сказал, между прочим, следующее:

"К фаланге честных и благородных литературных борцов — защитников народных интересов — принадлежит и Зайцев. Его имя тесно связано с историей русской революционной мысли. Убежденный социалист и в то же время искренний революционер, Зайцев не терпел никакой золотой середины... он умел без обиняков, без педантизма, прямо и просто высказывать свою мысль, не прицась за какие бы то ни было авторитеты; он думал своим умом... Труженик мысли и вечный пролетарий, он старался приблизить час избавления пролетариата от рабства..."

Лев Ильич Мечников "по своим социально политическим убеждениям был анархистом коммунистом и в течение многих лет работал вместе с Бакуниным и Элизе Реклю".

Родился он 18/31 мая 1838 года, два раза поступал в университет и два раза был исключен из него за участие в студенческих беспорядках. В 1858 году он выехал за границу, получив, как знающий восточные языки, должность переводчика драгомана при русской дипломатической миссии. Оставив эту должность, Мечников поступил торговым агентом в какое то пароходное общество, но в 1860 году он бросает эту службу и начинает заниматься живописью. В это время начинается борьба итальянцев за освобождение от ига австрийцев и бурбонов и Мечников присоединяется к итальянским революционерам. В рядах гарибальдийцев он участвует в ряде сражений и в битве при Вальтурно получает тяжелые раны. Под влиянием своего друга Гарибальди, Мечников увлекается идеей освобождения славян из под ига турок и австрийцев. В это время он знакомится с приехавшим в 1864 году в Италию М. А. Бакуниным. В следующем году он приезжает в Швейцарию и вступает в Интернационал.

"В эту эпоху — пишет Н. К. Лебедев — у Мечникова складываются окончательно его социально-политические воззрения и он становится анархистом, примыкая в Интернационале к левому Бакунинскому крылу".

По вопросам антропологии и географии Мечников помещает статьи в "Современнике" Чернышевского, в "Знании", в "Русском Слове", в "Отечественных Записках", в "Русском Вестнике", а позднее в "Деле" Благовосветлова, в "Русском Богатстве", в "Вестнике Европы". По политическим вопросам он много писал в "Колоколе" Герцена. Он подписывал свои статьи разными псевдонимами. В начале 1874 года Мечников приехал в Японию, в качестве профессора Токийского университета. "Здесь он с присущей ему энергией, — пишет Элизе Реклю — занялся организацией школы и сумел привлечь большой интерес к ней со стороны японской молодежи. Благодаря энергии Мечникова, ему удалось привлечь в Японию целый ряд профессоров и преподавателей из Европы и Америки, и эта горсть ученых совершила дело, единственное в истории всего человечества: небольшая группа людей способствовала приобщению целой нации в сорок миллионов человек к европейской цивилизации, и это было сделано не при помощи оружия и насильственных мер, но при помощи книг и грифельной доски". Болезнь заставила Мечникова вернуться в Европу. Он работал вместе с Элизе Реклю (по предложению последнего) и тот познакомил его с Кропоткиным.

В 1883 году Невшательская Академия Наук предложила ему занять кафедру сравнительной географии и статистики и Мечников занимал эту кафедру вплоть до самой своей смерти.

Мечников умер 30 июня 1888 года. Его друг Элизе Реклю издал после его смерти известное его сочинение — "Цивилизация и великие исторические реки". В этой книге Мечников пытался обосновать анархическую социологию. Свое предисловие к книге Л. И. Мечникова Элизе Реклю оканчивает следующими словами: "С чувством беспредельного стыда за человечество, мы слышим еще и те-

перь, после стольких веков исторического развития и после стольких усилий лучших людей всех веков и народов, громкие голоса, прославляющие "избранных людей" или "сильное правительство". История призвана разоблачать и разрушать эти рабские теории; она доказывает человеку, как даже среди наиболее диких деспотий, социальная жизнь подерживалась только солидарным трудом всех членов социального тела. Настоящая книга полна доказательств этой мысли".

Вместе с Бакуниным работал и Михаил Петрович Сажин, родившийся в 1845 году. В 1865 году он был предан суду за нелегальное издание в типографии Технологического института книги Бюхнера "Сила и материя". В 1867 году он принимает деятельное участие в волнениях петербургского Технологического института и высылается в город Вологду.

В 1869 году Сажин бежит в Америку, где работает, как черноработчий и сильно бедствует. Сергей Нечаев вызывает его в Швейцарию, где Сажин знакомится с М. А. Бакуниным и работает вместе с последним.

Он делается членом первого Интернационала, а через некоторое время едет в Париж, для того чтобы принять участие в работе Парижской Коммуны и защищать Коммуну с оружием в руках до последнего дня ее существования.

Возвратившись в Швейцарию, М. П. Сажин энергично работает как анархист; он организует в Цюрихе колонию, устраивает кружки бакунистов, создает библиотеку, входит в тайный "Альянс" Бакунина (См. об этом статью самого Сажина: "Воспоминания о М. А. Бакунине" в книге: "Очерки истории анархического движения в России", изд. "Голос Труда", Москва, 1926 г.) сражается с сторонниками Утина, полемизирует с Лавровым, с помощью друзей создает типографию, одной ногой в Лондоне, другой в Женеве, выпускает в свет "Государственность и Анархия", "Историческое развитие Интернационала", "Анархию по Прудону", совмещая в своем лице обязанности наборщика и корректора, метранжа, печатника и даже плотника, сколачивающего кассы и реалы для типографского

прифта. (См. предисловие Вяч. Полонского в юбилейной книге, выпущенной к восьмидесятилетию М. П. Сажина "Воспоминания" 1860-1870 г. г. Москва 1925 г. стр. 8.). Для библиотеки М. П. Сажин организовал получение бельгийских и французских социалистических газет, прокламаций и брошюр.

Во время восстания Герцеговины и Боснии против турок, Сажин отправляется в Герцеговину и сражается с турками.

В 1875 году он возвращается в Женеву, где несколько эмигрантов вместе с ним обсуждают вопрос о поднятии в России на Урале восстания. Для этой цели он возвращается в Россию. Однако скоро он возвращается в Европу. Его арестуют при переходе через границу, заключают в Петропавловскую крепость, где держат в течение полутора лет. Потом отдают под суд и по процессу 193 осуждают на пять лет каторжных работ "за покушение на распространение книг преступного содержания и за участие в этом покушении". Ему обрили половину головы, на ноги и на руки надели тяжелые кандалы. В арестантском вагоне встретил Сажина С. Чудновский и так писал о нем: "мертвенно бледное лицо его отражало искусно заглушаемые нравственные муки, хотя он человек с сильным характером, наружно сохранял полное спокойствие и самообладание". Сажин провел год и два месяца закованный в ножные кандалы.

В Швейцарии М. П. Сажин назывался Арман Росс. Он здравствует и в настоящее время. (31 октября 1925 г. Общество Политкаторжан в Москве устроило торжественное чествование М. П. Сажина по поводу исполнившегося его восьмидесятилетия).

Владимир Карпович Дебагорий-Мокриевич родился в 1848 году. Он принадлежал к числу тех революционеров, которые "пошли в народ" с целью освободить его от экономического и политического гнета. Дебагорий окончил гимназию и поступил в Киевский университет. В 1873 году он был в Швейцарии, где и познакомился с М. А. Бакуниным. Бакунин поделился с ним своим мнением о тогдашних революционерах: "Да что русские! Всегда они отличались стадными свойствами!

Теперь они все анархисты! На анархию мода пошла, а пройдет несколько лет, и, быть может, ни одного анархиста среди них не будет“.

Дебагорий возвратился в Россию и был арестован 11 февраля 1879 года в Киеве.

Дебагорий-Мокриевич придерживался одно время убеждения, что крестьянское возмущение можно подымать царским именем: “как французский народ в прошлом столетии, разсуждали мы, совершая местные бунты во имя короля, совершил в конце концов революцию, так и мы теперь будем бунтовать наш народ от имени царя; ряд подобных бунтов приведет к революции, которая столкнет, наконец, народ лицом к лицу с царем, а тогда падет, между прочим, и царский авторитет“.

30 апреля 1879 года Дебагорий с товарищами был осужден на каторжные работы сроком на 14 лет и 10 месяцев. По пути на каторгу, Дебагорий бежал и, после ряда приключений, скрылся за границу. В 1902 году Дебагорий-Мокриевич жил в Загоре. По инициативе Кашинцева и Дебагория-Мокриевича заграничные революционные кружки решили созвать в сентябре 1902 года съезд, но сделать это не удалось.

В *Liberte* от 4 октября 1872 года в письме, подписанном Огаревым, Зайцевым, Озеровым, Гольштейном, Ралли, Эльсницем, Смирновым и Россом, говорилось между прочим, следующее: “В 37 № вашей газеты мы с негодованием прочли текст невероятного рапорта, представленного Гаагскому конгрессу, комиссией расследования об “Альянсе“ (Международном Союзе Социалистической Демократии). В этом докладе, внушенном, очевидно, ненавистью и желанием отделиться во что бы то ни стало от неудобного противника, решились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Александровичу Бакунину обвинение в мошенничестве и шантаже. Мы не считаем ни необходимым, ни своевременным опровергать здесь ложные акты, на которые рассчитывали опереться для подтверждения нелепого обвинения, возведенного на нашего соотечественника и друга. Факты, на основании которых считали возможным обвинить нашего соотечественника, нам хорошо изве-

стны в малейших деталях и мы считаем долгом восстановить их в истинном свете тотчас же, как только явится возможность сделать это. Нам мешает это сделать в настоящее время положение другого соотечественника, который все же не является нашим другом, но которого делают для нас священным те преследования со стороны русского правительства, жертвою которых он сделался (Речь идет о Нечаеве. — А. К.) Г. Маркс, ловкость которого мы, впрочем, не думаем оспаривать, в данном случае ошибается в расчете. Честные сердца во всех странах несомненно почувствуют только негодование и отвращение при виде такой грубой интриги и такого явного нарушения самых простых требований справедливости. Что касается России, то можем уверить господина Маркса в том, что его старания будут там напрасны. Бакунин там слишком уважаем и известен, чтобы клевета могла достигнуть его“.

Близкие к Бакунину эмигранты из России. в лице Эльсница, Гольштейна и Ралли вступили в пререкания с Россом (М. Сажинным) по поводу русской типографии. Эти эмигранты, не дооценивая М. А. Бакунина, втянули и его в мелочную борьбу. Бакунин высказался за Сажина. Во всей этой истории Бакунин держал себя, как подлинный революционер, как выдающийся общественный деятель, для которого общее дело всегда стояло на первом плане. В сентябре 1876 года у Бакунина произошел окончательный разрыв с тремя названными анархистами. Эти эмигранты напечатали брошюру “К русским революционерам. № 1 Сентябрь 1873 года. Революционная коммуна русских анархистов“. В брошюре был помещен текст составленной Бакуниним программы тайной революционной организации, в которой вместе с Бакунинным, участвовали и названные эмигранты. М. А. Бакунин — строгий конспиратор — посмотрел, выражаясь словами Гильома, на опубликование этой программы, как “на настоящую измену“. Он отослал названным эмигрантам взятые у них в займы 1990 франков.

Н. В. Соколов, бывший полковник генерального штаба, был сотрудником “Русского

Слова“ и автором книги “Отщепенцы“, за которую был сослан по суду в одну из северных губерний, откуда и бежал за границу.

Соколов говорил Чуринову и Джабадари: “Ну что же, господа? Продолжайте учиться и удивляйте мир своими учеными трудами, которые будут оплачиваться потом и кровью голодного народа. Вместо того, чтобы отдать жизнь на завоевание политической и экономической свободы масс, вы хотите, напустив на себя вид ученого, копаться десятки лет в архивной пыли, а потом провозглашать всем известную истину, что благодаря господствующим классам и их политике, масса народа физически и умственно вырождается. Все это известно всем. Вы лучше скажите, что надо делать, чтобы возродить вымирающий народ“.

Софья Николевна Лаврова и Надежда Николаевна Смецкая были анархистками, последовательницами Бакунина. Обе жили в 70 году в Швейцарии.

Учение М. А. Бакунина сильно повлияло на П. А. Кропоткина, и последний писал об этом в своих “Записках революционера“: “теоретические положения анархизма, как они начинали определяться тогда в Юрской федерации, — в особенности Бакуниным — критика государственного социализма, который, как указывалось тогда, грозит развиваться в экономический деспотизм, более страшный, чем политический, и наконец, революционный характер агитации среди юрцев, неотразимо действовали на мой ум“.

А. А. КАРЕЛИН.

Из шири полей, из бескрайности —
Мир весь — в одно окно! —
И что это — случайность?!...
Почему на закат оно?!...

На закате горели сосны.
Точно кровь была вода.
Соловьями звенели весны
На закате всегда.

А здесь закопченными трубами
В небо к солнцу город влез.
И стер силуэтами грубыми
Горизонта бескрайнего плес.

После шири полей не хочется
Смотреть в переплет окна.
Рожком авто расхохочется,
Закатная тишина.

И проводят солнце мертвые,
Душные кирпичи,
Когда лягут квадратами желтыми
По стенам домов лучи.

Звезды зажжет светляки,
Ночь ли придет невидимкою,

Чудятся в трепетной дымке
По реке маяки.

Ловишь привычным слухом,
Далеко стучит пароход.
Огонек то бежит, то тухнет,
Черта реки поворот.

Позабуду ли плачь — гармоник,
На сене под моим окном?
Голубыми цветами повойники,
Тоскою песни “о нем“?! —

Луну, но не ту, что над крышами,
Та от серой пыли бледна —
Луну под сосновыми нишами,
Что смолой янтарной пьяна.

Что одела собой бескрайнюю,
Серебристую ширь лугов.
Напоила ночи тайнами,
Развернула свитки снов.

Как вместить рассвет в алых полосах,
На Арбат в переплет окна,
Где гудков фабричных голосам
Поруганью заря отдана?!...

Зарница.

Л. Н.

О РУССКОМ ПЕЙЗАЖЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ТВОРЧЕСТВА.

I.

Искусство органически срослось с жизнью, это факт утверждаемый многовековой историей всего человечества. Не было такой культурной эпохи, не было такого народа в истории, у которых не было бы своего искусства. И более того, нет, вероятно, на земле даже и теперь такого человека, который абсолютно был бы не восприимчив к тем или иным художественным формам, был бы к ним абсолютно равнодушен. И не случайно, поэтому, искусству посвящена обширная мировая литература и на все лады описываются, исследуются, анализируются художественные формы. Одним словом, казалось бы, нет предмета более близко к нам стоящего и перед нами раскрытого, чем искусство. И однако, разве все рассматривающие этот предмет искусствоведные научные дисциплины, и так называемая художественная критика раскрывают перед нами его действительную сущность. И не веет ли от всех этих попыток холодом непонимания, чем то вообще чуждым самому искусству. Ведь на самом деле разве можно вскрыть в умозаключительных обобщениях и схемах действительное бытие какого-либо живого факта. Конечно нет, ибо абстрактно его можно мыслить в любой схеме, и все дело здесь заключается в доказательствах, объяснениях и возможностях по поводу тех или иных теоретических предпосылок, полагаемых в основу самих этих схем. А живые действительные факты являются материалом аргументирующим, доказывающим якобы правильность этих схем, а сами факты этим путем отнюдь не вскрываются. Но ведь искусство же само как раз является действительным фактом. Какое же отношение к нему могут иметь его не составляющие элементы — все эти теории, схемы и анализы. Они доказывают сами себя, в этом их *raison d'être* основная заинтересованность. И как это характерно, что почти всегда человек восприимчивый к искусству, понимающий и принима-

ющий его, интуитивно чуждается всякого его холодного анализа с точки зрения формальных методов. Эти последние ничего не способны открыть для него нового, по существу относящегося к любимому художественному произведению, совершенно так же, как изучение системы кровообращения ничего не объяснит влюбленному юноше в характере и индивидуальных особенностях любимых и переживаемых им непосредственно в любимой девушке. И как оскорбительным и профанирующим для этого юноши было бы представление о костях и мышцах в момент его любовного общения с девушкой, точно так же анализирующий холодный подход к живому факту художественной действительности не приближает к нему, а открывает от нее, закрывает ее от восприятия. И теперь довольно часто можно встретить людей, которые свыклись, сжились с этой своей оторванностью от искусства, которые вполне равнодушно заявляют, что искусство это — далекая от них не жизненная область, доступная немногим избранным специалистам, что это нечто весьма сложное и непонятное для них. И они, конечно, правы, ибо то, о чем они говорят, действительно необыкновенно сложно и нежизненно. Только это совсем не искусство, это — поставленная между ними и искусством, как бы некая призма, в которой разлагается, преломляется и совершенно искажается воспринимаемый ими живой факт. И все их несчастье и заключается в том, что они позволили убедить себя в единственности подхода к искусству только через эту призму научных предразсудков, сжились с этим убеждением. Ведь совершенно так же всякий момент живой действительности можно так усложнить ни сколько к нему не относящимися явлениями, что он становится совершенно недоступным для живого с ним общения. Что, кажется, может быть проче соединения в браке двух любящих? А разве в нашем совсем недавнем прошлом мало было трагедий неосуществлявших-

ся браков из за невозможности преодолеть грандиозные сооружения социальных, kastовых и экономических предрассудков. И любящие теряли друг друга и навсегда.

Одним словом для всякого не предубежденного совершенно ясно, что никакими рационалистическими приемами мы не сумеем подойти к искусству так, чтобы в нем хоть что-нибудь понять. Очевидно для этого нам нужно искать другие пути. И эти пути должны определяться не нашими априорными умозаключениями, которые всегда могут быть не верны, а живыми, действующими, реальными фактами в самом искусстве. Жизнь познается только в жизни. Всякое действительное знание может быть только опытным, живым. Мы ничего для себя не можем утверждать безусловно, пока это утверждение не станет предметом нашего личного субъективного опыта. Всякое другое утверждение возможно как гипотетическое, мы можем верить в его правильность, но с таким же успехом и не верить, а утверждать можем лишь лично нами пережитое.

Если встать на эту точку зрения, то возникает вопрос: каким же образом объективно данное может быть субъективно пережитым? Каким образом произведение искусства, созданное не моими переживаниями, может быть раскрыто мне в его сущности, т. е. в творческом процессе его создания? Очевидно, что вне соучастия моего с творчеством художника оно остается для меня закрытым. Очевидно, что для того, чтобы проникнуть в его действительно значимости, понять его, — силы, его создавшие, должны стать моими силами. Я должен сам пережить их в себе, т. е. я должен сопережить творческому процессу художника. Восприятие мое должно стать творческим, должно быть определено сотворчеством с художником. Легче всего проникнуть в сущность этого метода в его динамике, в столкновении с реальными фактами. Возьмем простейший случай: русский пейзаж — Нестерова, Левитана, Куинджи и Шишкина. Начнем с Левитана, как наиболее доступного для непосредственного восприятия. Постараемся преодолеть всякую априорную пред-

взятость суждения, забудем о картине, о художнике и сосредоточимся на образе природы, который мы непосредственно воспринимаем. И теперь постараемся восстановить в себе ряд чувствований, сомоощущений, переживаний, возникавших у нас при соприкосновении с природой, которые были бы в общем подобны переживаемым нами в данный момент.

Безусловно громадному большинству из нас прекрасно знакомо это Левитановское восприятие природы. При достаточной сосредоточенности на этом припоминании, можно вызвать в себе ряд образных представлений, окрашенных „левитановским“ настроением. И оно само по себе чрезвычайно специфично. Такое восприятие природы для нас не мыслимо во время какого-нибудь шумного веселого пикника, или каких-нибудь спортивных игр и т. д. Наоборот, оно как то связывается всегда с моментами духовной сосредоточенности, самоуглубленности, отвлеченности от внешних бытовых самочувствий. Левитановские полотна созвучны именно таким нашим переживаниям и их восприятие погружает нас именно в такое состояние. В этом состоянии мы пережили бы данный пейзаж как реальный объект восприятия в настроении художника, т. е. очевидно так же, как он его переживает. Т. е. другими словами, в этом случае мы сопереживаем с художником в его восприятии. Мы обладаем той же духовной предпосылкой, которой обладал и он в момент творчества. И если бы мы так же, как и он, владели профессиональной техникой, мы могли бы создать произведение, подобное воспринимаемому в данном случае нами. И, вероятно, мы также, подобно Левитану, оставили бы не населенными наши пейзажи. Наш взор, углубленный в себя, отмечал бы лишь общими массами и широкими мазками группы деревьев и неопределенных в очертании пятен, обобщая их и уходя в даль, поверх них, к горизонту, пытаясь как бы проникнуть за него, как бы зовя к тому настоящему, что за ним. И вероятно такой же зовущей напряженностью звенела бы натянутая струна горизонта и в наших полотнах.

Теперь, оставив на некоторое время Левитана, попробуем использовать приобретенный нами по отношению к его полотнам познавательный опыт к пейзажам Нестерова. Совершенно очевидно, что у него мы встречаемся со всем другими творческими предпосылками. Как раз здесь нет никаких обобщений. Взор не скользит беззвучно по предметам, но останавливается на каждом из них, как бы оберегая и проникаясь чрезвычайным уважением к самостоятельно проявленной жизни каждой травинки, каждого листочка, сопереживая эту жизнь с каждым явлением природы. Если мы теперь захотели бы вызвать в своих припоминаниях так переживаемый нами образ природы, мы могли бы очень проникновенно вскрыть то духовное состояние, которым определяется такой характер переживания. Это такое состояние, когда вся природа вдруг как бы раскрывается перед нами во всем многообразии своей жизни, когда нам начинает казаться, что деревья говорят с нами шепотом своих ветвей, когда мы начинаем понимать голоса птиц, когда кажется, что нагретая солнцем земля живет и дышит ароматами цветов и трав. И в ней мы как будто теряем себя, рушатся грани нашей физической от нее раз'единенности, нет больше противопоставления нашего я и того, что не мы, ибо ощущается нами наша личная жизнь лишь как одна из подобных ей в безграничном океане жизни. И если бы мы могли в момент такого мироощущения закрепить его живописными средствами, подобно Нестерову, не могли бы равнодушно скользить взором по живым, трепещущим перед нами в своих жизнях явлениям, но каждое из них определили бы именно этой их трепетностью, и березки, и ели, и травы не просто присутствовали бы здесь, но каждым изгибом своим утверждали бы действительность своих жизней. Если мы теперь возьмем пейзажи Куинджи, то возможность их осуществления мы не сможем определить первыми двумя состояниями наших переживаний. Они ласкают наш взор красивой игрой световых пятен, на их лужайках так уютно и спокойно лежать и даже грозовая туча здесь не пугает, не страшит вас и не

подавляет своим стихийным величием, — нет вы только любуетесь ею, воспринимаете ее лишь в ее аффектности чисто внешней. То настроение, которым определяется возможность такого восприятия природы, лежит в основе всякого искания ее "красивых" видов, всякого эстетического определения ее внешних явлений. Оно свойственно и доступно нам когда душа наша устала, когда она ищет успокоения и отдыха. Когда издерганный измученный и утомленный автомобильно-трамвайными впечатлениями человек, задохнувшись в отравленном пылью и табачным дымом комнатном воздухе, стремится вырваться из города, глотнуть чистого душевного воздуха, убежать от задавившей его тяжести каждодневного быта, он рвется в природу, чтобы погрузить в нее свое уставшее тело, он входит в нее переполненный своей усталостью. И, понятно, что в природе он не ее, а себя, свою усталость переживает. Он в этом состоянии способен воспринять лишь то, что относится непосредственно к нему самому, к его ощущениям, зрительным, слуховым, осязательным и обонятельным. Они требуют в первую очередь непосредственного удовлетворения себя. Они доминируют. И поэтому ими определяются характеристики воспринимаемых явлений природы. Дождь, это явление могущее вымочить платье, солнце — это явление, способное согреть уставшее тело, так же и опасное для цвета лица и т. п. Мир своих привычных и скучных представлений с точки зрения приятного и неприятного, удобного и неудобного приносит в этом случае человек в природу и через призму их ее воспринимает. Вот почему в числе этих привычных представлений он тащит часто в природу корзину с бутылками, или самовар, а, в лучшем случае, ограничивается книгой. Естественно, что природа, по существу здесь не причем и может быть легко заменена уютным кабинетом ресторана, или мягким комфортабельным креслом. И все ее преимущество лишь в более чистом воздухе и единственности ее эстетических определений. Понятно, что у Куинджи мы не найдем столь шокирующих нас возможностей, но, по существу, это те же "И" без поставленных

только над ними точек. Нам важно здесь по возможности полно сознать то настроение, которому отвечает именно такое внешнее эстетическое восприятие природы. Сама она закрыта в данном случае от человека. И, в лучшем случае, он будет в ней лишь изживать себя каждодневного. Таким образом, мы установили некий внутренний критерий, в доступном нашему переживанию личном опыте, который позволяет квалифицировать основные творческие предпосылки, рассмотренных нами трех художников. Но каждое из этих сделанных нами определений совершенно специфично и самостоятельно, присуще каждому из данных художников в отдельности. А между тем мы в процессе восприятия произведений каждого из этих художников могли творчески, обращаясь к своему личному опыту, сопержить каждому из них. Отсюда возникает для нас возможность сопоставления в себе этих переживаний, возможность их сравнительных оценок, возможность их систематического определения. И здесь мы вновь принуждены обратиться к своему внутреннему опыту и постараться уже может быть не припоминая, а фантазируя, т. е. творя в своем воображении пережить в возможной эволюционной последовательности эти три рассмотренных нами состояния. Тогда для нас станет ясным, что Куинджевское мироощущение в этом ряду является возможным лишь как первичное, наиболее примитивное, как не открывающее что либо для нас в предлежащем мире явлений, а только приводящее нас в соприкосновение с ним и способствующее выйти из круга повседневности. И только тогда, когда в этом внешнем касании с природой очистится наше я от всех бытовых засорений, только тогда, но не раньше, наступает возможность для полного самоощущения в самоуглубленности. И гаснут тогда краски и расплываются формы, и ощущается безграничность пространства и в нем душа созерцает себя одинокою. И в ней эта безграничность и безпредельность начинает звучать могучим призывом и взор тревожно устремляется в даль и там, у последней черты ищет душа разгадку своего бытия, как бы рвется

за грань видимого. Вот это чувство тоски, устремленного одиночества это и есть Левитан. И только поднявшись до реального ощущения этого призыва бесконечности, способна вступить душа человека в третий круг мироощущений. Оттуда, с крайних границ видимого, это звучание тайны, этот знак преодоления преград, потоком жизни заливают весь мир. Жизни трепещущей, лучезарной, все проникающей собою, единосущной во всем своем многообразии. И тогда вся бесконечность, как бездна, открывающаяся человеку, ощущается им, как он сам, он безграничный в границах горизонта и за ними. Это Нестеров.

Вот если мы так сумеем пережить в себе эти три круга состояний, встанет перед нами как единый трехступенный путь духовного восхождения.

Теперь, если мы бы захотели в комплексе установленных нами градаций включить мироощущение, выявившееся в пейзажах Шишкина, мы не сумели бы этого сделать. Здесь перед нами как бы совсем другой, особый путь в природу. Если бы мы попытались обратиться к внутреннему опыту наших припоминаний, мы такого восприятия не сумели бы связать с нашими непосредственными переживаниями. Ибо путь этот как то несоизмерим с тремя первыми. И если эти три можно называть путями субъективными, то шишкинское восприятие объективно. Живое непосредственное восприятие не возможно с такой безупречной педантичной детализацией. Так видеть нельзя, так можно лишь знать о явлениях. Этот путь не познавательный, не открывающий, а регистрирующий факты. И природа здесь закрыта перед человеком, ибо между ними стоит непреодолимая стена внешней данности. Миром качественных, но не сущностных явлений овладевает в данном случае человек. И так принимаемым явлениям место, конечно, не в сердце человека, а в ботаническом атласе. Шишкинские полотна и являются поэтому лишь прекрасно исполненными ботаническими иллюстрациями. В их осуществлении нет творческих предположений, так как не определяются они никаки-

ми духовными состояниями. И сопережить им поэтому польза, так как всякое сопереживание есть в основе процессе творческий, духовными состояниями определяемый. И нельзя поэтому такое мировосприятие включить в определяющийся нами ранее путь духовного восхождения, ибо оно несоизмеримо и не соотносимо к этому пути, оно само в себе замкнуто, оно не есть путь. Таким образом там, где нет возможности сопереживания, там нет творчества, нет творческого восприятия. А, следовательно, нет пути, невозможно познание, как открытие нового.

Единственный же путь действительного познания, как откровения, как раскрытия сущности, это путь через свой внутренний опыт, через углубление в него своим духовным сосредоточением. Это познавательный опыт, осуществленный нами в восприятии рассмотренных нами в данном случае пейзажных полотен.

II.

Тот метод подхода, который был осуществлен нами в отношении пейзажных полотен Нестерова, Левитана, Куинджи и Шишкина, представляет для нас громадное преимущество по сравнению со всяким другим, ибо метод этот субъективный. Здесь устанавливается возможность принимать факты художественной действительности в их динамике, т. е. в их жизненной сущности, переживать эту сущность в самих себе. В этом случае произведение искусства перестает для нас быть лишь объективной данностью, не имеющей к нам никакого отношения. В процессе такого восприятия как бы рушится средоточение, отделяющее нас в наших самочувствиях от жизненных сил, осуществивших данное произведение. Устанавливается как бы некая общность, причастность нас к этому произведению. Оно перестает быть чужим, не нашим. Как бы протягиваются нити духовной родственности, между нами и ими. Оно становится нашим, лично нас касающимся фактом, несколько для нас не менее действительным, чем любой факт осуществляемой нами жизни. Другими словами, оно этим включается в круг нашей жизни, как одно из возможных ее

выявлений, хотя бы и в потенциальном значении.

Таким образом здесь разрешается проблема органического единства искусства и жизни, как бытия и разрешается в том смысле, что нельзя говорить о сущности искусства вне раскрытия сущности бытия. Ибо искусство в этом случае приобретает значение лишь одного из возможных выявлений этого бытия и единсущности с ним. Что такая предпосылка не только возможна, но и безусловно верна, не может не быть для нас очевидным, так как при ее неправильности для нас совершенно необъяснимой явилась бы возможность проделанных нами опытов в отношении Нестерова, Левитана, Куинджи и Шишкина. Ведь весь этот опыт был построен на сопереживании, на процессе глубоко субъективном, и сопереживание это для нас было реальностью несколько не меньшей, чем любое из наших переживаний. Это переживание, подобно всякому другому мы затем формулировали в интеллектуальных суждениях словами, художник те же переживания оформил иными средствами и лишь в этом различность его от нас. И еще, конечно, в том, что переживавшийся им процесс был интенсивнее, ярче, активнее. Но для нас важно здесь, что по существу, по основной природе своей он один и тот же. Здесь мы подходим к вопросу о творчестве.

Для того чтобы этот вопрос разрешить, мы прежде всего должны, конечно, отказаться от каких бы то не было теоретических и философских его определений на основе априорных умозаключительных предпосылок. нас интересует не понятие о творчестве, а самое творчество в его сущностном значении, в его бытии. А сущность может быть познана лишь в существе, как все живое в жизни. Бытием же и жизнью это явление может стать для нас лишь тогда, когда оно станет нашим личным делом, вопросом нашей личной заинтересованности. Следовательно, метод познавательный и в данном случае тот же, т. е. субъективный, утверждаемый нашим личным опытом. И поскольку возможность творчества определится в искусстве, тем самым и

в нашем личном бытии эта возможность будет утверждена. Наоборот, ее утверждение в нашем личном бытии раскроет ее значимость в искусстве, ибо искусство, как мы это уже определили, является лишь одним из возможных выявлений нашего личного бытия и единсущностью с ним.

Мы живем, т. е. ощущаем себя в бытии в двух возможностях: — пассивной, т. е. когда что то или кто то действует вне нас и эти действия нами ощущаются, и в активной, когда действуем мы сами и заставляем кого то или что то ощущать или испытывать на себе наши действия. Синтез этих двух возможностей и переживается нами, как бытие. В этом смысле могут быть нами установлены различные категории в наших переживаниях, в зависимости от характера восприятия переживаемых явлений. Нам это установление важно в том смысле, что таким образом мы можем определить условия творческих возможностей в нашем личном бытии.

Признаками, определяющими эти категории являются устанавливаемые нами критерии реальности явления, как в объективном, так и в субъективном их значении. Так реальность вне нас сущих явлений мы, например, можем полагать в их материальности. Реальный мир есть мир материальных явлений, при чем здесь мы это положение берем отнюдь не в философском смысле, а в фактическом, переживаемом нами. Тогда вне нас лежащий мир явлений открывается нам в его качественных характеристиках. Каждое явление отличается от другого различной их качественностью. Одно будет мягким, другое твердым, одно — легким, другое — тяжелым; большое, маленькое, длинное, короткое, светлое, темное, красное, белое, теплое, холодное и т. д. Эти качественные характеристики объективной данности субъективно в нас ощущаются через посредство наших физических органов чувств, как зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые в их отдельности или совокупности.

Путем этих чувственных ощущений объективная данность качественных явлений переживается, как данность субъективная. Этим

устанавливается единство осуществляющегося бытия, потому что оно проявлено двояко одновременно, как качество в явлении и ощущение в переживании этого качественного явления.

Таково положение дел в пассивной, воспринимательной возможности проявленного в материи бытия. Круг взаимодействия здесь исчерпан этими возможностями. Ибо в случае моей личной активности устанавливается моя материальная качественность в отношении вне меня лежащих явлений. Я становлюсь в положение качественной причины, изменяющей своим воздействием вне меня лежащие явления. И единственным следствием моей действующей активности будет изменение материальных качеств внешнего мира. Я могу изменить все: протяженность, цвет, упругость, и т. п. различных материальных явлений. Другими словами, в этом случае мною осуществляются технические возможности. И мое действие в этом случае есть техника. Таким образом никакое явление, осуществляемое в материальном бытии, как действие, не может не включать в себя технического процесса, как совершенно необходимого условия. Всякий производственный процесс обуславливается процессом техническим. Художественная деятельность вне профессиональной техники немыслима. И, наконец, всякая вообще деятельность человека, самое пребывание его в быту включает в себя осуществляемый им технический процесс.

Теперь посмотрим, в каком смысле все это может слагаться для нас в критерий достоверности реального бытия, определяемого как материальная данность. На первый взгляд нам очень трудно представить себе исчерпанность подобного мироотношения, а между тем оно присуще людям не так уже редко. Когда спор разрешается физической силой, когда истина доказывается качественной характеристикой кулака, когда общение людей ограничивается их чувственными ощущениями — во всех этих случаях критерияльная установка технична.

В самом деле, разве мы ежедневно не соприкасаемся с сотнями людей на тротуарах.

в трамвае и т. д., только качественно их определяя, ощущая физически. Вам наступили в трамвае на ногу тяжелым сапогом, и вы будете переживать это совершенно так же, как если бы поставили вам на ногу тяжелый чемодан. Круг ваших представлений о мире в этом случае исчерпан его качественностью. Различие между вещью и человеком вами не устанавливается одинаково. В этом столкновении качественно характеризованных явлений человек выступает тоже только в своей физической качественности. Вот почему и является возможным осуществляемый им технический процесс машинизировать и заменять человека машиной в производстве и достигая этим даже лучших результатов.

И как бы мы не понимали сущность творчества, нам совершенно ясно, что никакая машина творит не будет. И там где различие между действием машины и человека не устанавливается, там очевидно невозможен творческий процесс.

С этой точки зрения мы можем сказать, что бытие переживаемое человеком в единственности и исчерпанности его материального определения не включает в себя творческих возможностей.

Но человек, конечно, фактически никогда и не исчерпывает своего мироотношения только материальными его определениями, хотя теоретически, зачастую только ими и ограничивается. Поскольку нас в данном случае интересует фактическая сторона дела, мы и будем из нее исходить, оставляя всякие теории без рассмотрения.

Фактически человек полагает свое мироотношение в формальных представлениях. Мир принимается через его формы. Все явления внешнего мира различаются человеком по характеру их форм. Наименованиями этих форм определяются вещи, предметы, различные явления бытия.

Если мы теперь к этим явлениям подойдем опять с точки зрения пассивной и активной возможности их переживания, то единство бытия проявленного в формах вне нас, определится различными положениями, оформляющими материю, а в нас самих эти положения

будут понятиями. Эти положения мы можем мыслить и абстрактно, совершенно не связывая их с материальными качественными характеристиками (напр. формы геометрические), и они следовательно не обуславливаются последними. Но в то же время они не создаются и нами произвольно, ибо круг наших формальных представлений обусловлен проявленными во внешнем бытии формами. В нашем мышлении форма стола всегда заранее определена данным понятием, и как бы она ни варьировалась в пределах данного понятия, это все равно будет стол до тех пор, пока данное понятие не будет заменено другим, например: стулом. Вот почему все возможности нашего интеллектуального мышления, т. е. протекающего в пределах, обусловленных понятиями, по самой природе своей адинамично. Его эволюция по существу фактивна, ибо она констатирует изменения положений в пределах одних и тех же понятий заранее данных, или же создает новые понятия в пределах одних и тех же положений, что по существу одно и то же.

Такое мышление называется формальным, или, что то же самое, логическим.

В этой категории явлений, которые как бы сами лежат и вне материальной данности, критерием достоверности является опять таки наш чувственный опыт. Ибо и формы мы можем мыслить лишь в пределах доступности их нашим пяти органам чувств.

Таким образом понятия как бы определяют тот же самый мир качественных явлений, но лишь интеллектуально, абстрактно, но именно тот же самый, отнюдь, не расширяя его пределы.

Мы видим таким образом, что эта категория мировосприятия приводится к материалистической, т. е. к первой. Естественно поэтому, что и в случае моей личной активности она осуществляется в этом же пределе, т. е. я, как одно из возможных положений качественной материи, своим вторжением во вне меня положенные качественные явления изменяю лишь их положения, потому, что ведь вообще ничего иного в них нет. Но действительные мои возможности в этом случае, конечно,

неизмеримо больше, чем в первой категории восприятий. Интеллектуальным путем мы можем до бесконечности дифференцировать свои физические ощущения и облекать их в понятия, оформляя последними мир качественных явлений.

Этот процесс оформления, пользуясь терминологией искусства, мы можем назвать мастерством, которое есть таким образом интеллектуально определяемая техника.

И в этом случае, так же как и в первой категории явлений, вне меня лежащее не может стать моим, т. е. оно существует по скольку оно объективно. Могут измениться наши взаимоотношения, но мир по прежнему противопоставляется мне, критерий его достоверности определяется моим чувственным опытом, т. к. все замкнуто в формы материализованные, которые хотя и могут мыслиться абстрактно, но тогда утрачивают для меня конкретность своего объективного бытия.

С точки зрения творческих возможностей данная категория столь же безнадежна, как и первая, ибо в различных понятиях констатируются различные положения, что, как мы уже говорили, одно и то же. Ни в том, ни в другом случае не осуществляется бытие, а лишь различным образом определяется уже осуществленное.

С этой точки зрения можно сказать, что весь современный процесс цивилизации — процесс бестворческий, исчерпываемый мастерством, формообразованием. Что вся современная наука, построенная на объективности, как совершенно обязательному условию достоверности, принципиально чуждается самого понятия творчества и исчерпывается возможностями только формальными, т. е. мнимыми бытие, а потому тоже бестворчески. Вся наша каждодневная жизнь, со всеми ее бытовыми, социальными и проч. моментами, в большинстве случаев целиком исчерпывается формальным мироотношением, т. к. укладывается в те или иные понятия. Т. е. другими словами, она также протекает вне творческого процесса, вне осуществляющегося бытия.

Это звучит парадоксально, а в то же вре-

мя мы чисто опытным путем можем это установить, т. к. для нас не представляет решительно никакой трудности выйти из круга всех этих явлений, напр. уехать, и полнота самоощущения в бытии несколько не исчезнет, только оформится иначе.

Значит, все эти формы бытия, весь круг понятий, сопутствующий этим формам, к сущности нашего бытия, к нему самому не относятся.

Таким образом возникает необходимость установления третьей категории в мироотношении, ибо первые две не исчерпывают переживаемого нами бытия и во всяком случае не в них лежат его творческие возможности.

Совершенная реальность этой третьей категории устанавливается нами чисто опытным путем. Человек, предположим, вырывается из круга своего каждодневного быта — едет за город, в природу. Каков будет там характер его мировосприятия? Конечно, он может переживать себя и в первой категории явлений. Он может определять их качественно стукнувшись, например, лбом о дерево, ощутив его твердым, лечь на траву и испытать ее мягкость и т. п. Он, далее, может брать явления гораздо шире, не только в их качественной, но и формальной данности. Так он может расклассифицировать деревья до тонкостей ботанической их характеристики, он может определить их утилизационными возможностями и сделать тончайшие экономические выкладки сообразно с их формальными и качественными данными и т. п.

Но ведь кроме этих возможностей и гораздо чаще чем они, человеком вырывающимся в природу, переживаются какие-то совсем иные. Здесь то как раз и можно говорить о его переживаниях в полном смысле этого слова, о переживаемом им в личном самочувствовании бытии. Он иначе чувствует себя в том же самом месте в различные времена года и дня, ибо различны в них состояния. Человек воспринимает вне его протекающие явления по характеру их состояний. Эти состояния вне его протекающие он переживает в себе. В этом случае устанавливается взаимоотношение его самого со вне лежащим через возмож-

ную общность состояний. То, что он воспринимает, может стать его собственным. Ведь говорят же, что у человека "весеннее настроение" или "он смотрит сентябрем". Как бы образ самого себя в том или ином характере своих душевных состояний переживает человек в объекте своего восприятия. И восприятие подобной категории может быть названо образным.

Так характеризуется этот процесс в пассивной возможности восприятия. И здесь для нас чрезвычайно важно отметить, что ведь при рассмотрении полотен Нестерова, Левитана и Куинджи мы как раз переживаемые художником состояния в его восприятии и определении переживаем как творческие предпосылки или потенции.

Вот почему активная возможность в этой категории явлений и будет выявлением этих потенций, т. е. творчеством, как переживаемым в бытии процессом. И если творческие потенции возникали в субъективном переживании во вне данных состояний, то результатом творческого процесса должно явиться изменение этих состояний. Так оно на самом деле и происходит и как раз поэтому один и тот же пейзаж на полотнах разных художников будет всегда различен, и эта различность определится характером переживавшихся ими состояний, хотя бы и одновременно.

Таким образом творчество, как осуществляемый в бытии факт, возможно лишь в категории образных восприятий, как переживаемых состояний. Вот почему и тот метод сопереживания, который был применен нами к пейзажным полотнам Нестерова, Куинджи и Левитана, предоставляет собою восприятие творческое.

Для того чтобы представить себе, как творческий процесс характеризуется в бытии

и вне искусства представим себе какойнибудь конкретный факт этого бытия. Например, сидит на тротуаре женщина и плачет. На руках у нее умирающий ребенок. Человек, переживающий бытие в первой из описанных нами категорий, вообще ничего здесь не поймет. Для него это явление существует постольку, поскольку быть может мешает ему пройти по тротуару, или громкое рыдание женщины режет слух. Активно, технически он в данном случае сумеет, пожалуй, отодвинуть ее с своего пути.

По второй, формальной категории человек сумеет к этому явлению подойти значительно шире. Он умозаключит о возможных причинах и следствиях этого явления с точки зрения экономической, социальной, психологической, моральной и проч. Он поступит здесь так, как обязывает к тому его понятие о нравственности, гражданском долге и т. п. Он, вероятно, пригласит блюстителя порядка и отправит женщину в соответствующее учреждение. Но самого факта по существу его он не изменит, ибо не все ли равно матери, где будет умирать ребенок. И только тот, кто сумеет в этом факте пережить себя самого, тот познает его действительное значение. Только тот, кто образ материнского горя переживает, как самого себя, т. е. кто сопереживает с нею, только тот найдет в себе силы и слова утешения, способные изменить переживаемое матерью состояние горя. Только в этом случае и осуществится в бытии процесс творческий. Ибо только любовь пробуждает творческие силы, и творчество, поэтому и в жизни и в искусстве есть путь служения, путь жертвенный. И тот, кто не охвачен пламенным стремлением отдать себя на служение и ближним и дальним и всему миру, тот не способен на творчество, ибо не достоин его.

Л. Н.

Е. МОРАВСКИЙ.

ДЕТИ ГОРЯ

(Сцена из жизни большого города).

Зима. Сильный мороз. На улице Большого города стоит больной, голодный и оборванный мальчик и просит милостыню.

Мальчик. Как холодно! Ах, как хорошо мне было бы, если бы не было этого страшного мороза. Летом ведь так тепло и хорошо! Летом можно спать на улице. Как хорошо сейчас тем детям, которые живут в этих больших домах. Все они, наверное, очень богатые. Они живут в этих больших домах, ходят в таких красивых платьях и не просят у прохожих хлеба...

Прохожий (вынимая из кармана медную монету). Как это ужасно! Ты ведь замерзнешь здесь. Твои родители хуже убийц, если они посылают тебя в такой холод просить у прохожих хлеба. Добрая мать никогда не позволила бы тебе выходить в это время на улицу. Ты ведь посинел от холода...

Мальчик. У меня нет мамы.

Прохожий. Так тебя посылает отец? Я бы повесил такого отца!

Мальчик. У меня нет и отца.

Прохожий. Где же они?

Мальчик. Они умерли. У меня была бабушка, но и она недавно умерла. Она была очень старая. Бабушка мне говорила, что к нам пришли однажды ночью солдаты, такие злые и страшные, и увели с собою папу и маму. А потом эти солдаты и убили их. Но я об этом ничего не помню. Я помню только маму. Ах, как она плакала тогда и целовала меня...

Прохожий. Где же ты живешь сейчас?

Мальчик. Сейчас?... Нигде...

Прохожий. Как это нигде?

Мальчик. Раньше я жил с бабушкой, а когда она умерла, я начал жить на улицах.

Прохожий. Где же ты спишь?

Мальчик. В сараях и в пустых домах.

Прохожий. Бедный!.. Как тебя зовут?

Мальчик. Меня зовут Аля. Но меня сейчас никто не называет так. Дети боятся говорить со мною. Они боятся меня.

Прохожий. Бедный мальчик!.. (Дает ему медную монету и уходит).

Мальчик. Какой хороший этот господин! Я очень долго простоял здесь, но никто не дал мне даже маленького куска хлеба. А он дал мне такую большую монету. Он еще спросил меня: как тебя зовут? (К мальчику подходит другой прохожий).

Прохожий. Ты все просишь милостыню? Напрасно! Эти люди тебе ничего не дадут. Они пожалеют тебя только тогда, когда сами станут нищими. Ничего не проси у них. Лучше иди воровать. Я тоже когда то просил милостыню, а сейчас ворую...

Мальчик. Я не хочу воровать! Я лучше умру.

Прохожий. Поэтому ты и дурак! Умереть успеешь. (Уходит).

Маленькая девочка (подбегая к мальчику). Зачем ты стоишь здесь? Когда я захожу к окну, и смотрю на улицу, я всегда вижу тебя перед нашим домом. Ты голоден?

Мальчик. Да, я голоден. Я ничего не ел сегодня.

Девочка. Я принесла тебе немного хлеба и пирожное. Мама меня не пускает на улицу, а я вот все-таки убежала сейчас.

Мальчик. Ты наверное очень богатая?

Девочка. Богатая? А что такое богатая?

Мальчик. Если у тебя есть хлеб и пирожное, то ты очень богатая. Ты ведь сказала мне, что ты живешь в этом красивом доме. В домах живут богатые. Ах, как хорошо быть богатым!..

Девочка. Но ведь хлеб у всех есть. Есть и дома у всех.

Мальчик. Нет, не у всех, а только у богатых. У меня нет ничего.

Девочка. Я буду приносить тебе хлеб и пирожное каждый день. Ах, нет, не каждый день. Мама меня не пускает на улицу. Она мне говорит, что сейчас так холодно, что я могу простудиться. Но мне сейчас не холодно. Я буду убежать от мамы.

Мальчик. Ты такая добрая. Почему ты такая добрая? Разве ты не боишься меня? Такой доброй я никогда не видел.

Девочка. Нет, я не боюсь тебя. Я никого не боюсь.

Мальчик. Как тебя зовут?

Девочка. Меня зовут Ася. А как зовут тебя?

Мал чик. Меня зовут Аля.

Девочка. Я принесла тебе и маленький цветок. Я очень люблю цветы. Только он очень колючий. Разве он не красивый? (Дает мальчику огненно красную розу с острыми шипами).

Мальчик. Да, он очень красивый. И ты очень красивая. Я всегда буду помнить тебя. (Берет розу, долго смотрит на нее и глаза его орошаются обильными прозрачными слезами).

Третий прохожий. На этой улице я вижу тебя почти каждый день. Разве тебе дают много денег?

Мальчик. Нет. Здесь мне почти ничего не дают. Сегодня только один господин дал мне большую монету. Я думаю, что он очень богатый. Ко мне прибежала еще одна девочка. Она принесла мне хлеба и пирожное. Прохожие боятся меня. Они даже не смотрят на меня. Вчера ко мне подошел такой толстый господин и хотел даже прогнать меня отсюда.

Прохожий. Так зачем же ты стоишь здесь, если тебе ничего не дают?

Мальчик. Я очень люблю эту улицу. По праздникам я подхожу здесь к церкви и слышу красивое пение. Я всегда слушаю красивые песни. Я ведь так люблю их! Когда я жил с мамой, я тоже учился петь и знал одну очень красивую песню. Но сейчас я не могу петь. Мне так больно!.. Я так голоден!..

Прохожий. Но почему же ты не идешь в церковь? Там много богатых.

Мальчик. Я боюсь идти в церковь. Там все красивое, а я такой оборванный и грязный. Я видел, что нищие никогда не идут в церковь. А я ведь такой грязный и оборванный, как и эти нищие.

Прохожий. А разве ты не нищий?

Мальчик. Нет, я не нищий. Все нищие — старые. Разве маленькие дети могут быть нищими? Но я скоро вырасту. Тогда я не буду просить у прохожих ни хлеба, ни денег.

Прохожий (улыбаясь). Уж не думаешь ли ты возратить прохожим и те деньги, которые ты получил от них?

Мальчик. Да. Я все им возвращу тогда. (Смотрит на цветок девочки и задумывается). Я возвращу даже этот цветок той маленькой девочке, что принесла мне хлеба и пирожное. Этот цветок скоро засохнет, но я ей куплю тогда другой... Я ей куплю много цветов. Она очень хорошая.

Прохожий. К тебе приходила девочка? Что же она сказала тебе?

Мальчик. Она сказала, что она будет часто приходить ко мне и приносить мне хлеба.

Прохожий. Разве она тебя не боится?

Мальчик. Нет. Она никого не боится.

Прохожий. Я тоже буду приходить к тебе. А теперь мне надо уходить. (Дает мальчику серебряную монету и уходит).

Мальчик. Как холодно!.. Мама, мама! Зачем ты умерла? Если бы ты была со мною, мне было бы тепло и хорошо. Мама, зачем ты меня забыла? Возьми меня к себе и поцелуй меня. Мне так больно и холодно без тебя. Люди такие злые... Они боятся меня. Я ничего не буду брать у них. Они такие страшные и сердитые. Ах, нет, не все плохие. Девочка очень хорошая. Я буду приходить сюда каждый день и буду ожидать ее. Она ведь придет ко мне... Становится темно. Теперь мне надо уходить отсюда. (Делает с трудом несколько шагов и останавливается). Мама, мама!.. Мне так больно!.. Ноги мои стали такими тяжелыми. Я не могу дальше идти. Мама, мама, зачем ты меня оставила?.. (Закрывает лицо своими маленькими рученками и начинает плакать)...

Уличная девушка (подходя к мальчику). Где же твоя мама? Разве ты потерял ее?

Мальчик. У меня нет мамы. Она умерла.

Девушка. Зачем же ты зовешь ее, если она умерла?

Мальчик. Я хочу, чтобы она меня взяла

к себе. Мне очень больно. Я не могу дышать. Ноги мои стали такими тяжелыми. Мне очень трудно говорить с тобою.

Девушка. О, бедное дитя!.. Где ты живешь? Я отвезу тебя домой.

Мальчик. Где я живу?.. (Пауза). Я здесь живу... на улице.

Девушка. Ты живешь на улице?.. О, небо! Будь ты проклято! И ты, земля будь проклята навеки! Я думала, что несчастнее меня нет никого на свете... Где же предел несчастью и страданиям? (Подходит к мальчику и обнимает его). Мой брат страдающий, мой одинокий брат! Я тоже дитя улицы и так же одинока. Люди смеются надо мною и презирают меня. Я тоже некогда просила у них хлеба, но все они только смеялись надо мною. Пойдем ко мне. Я не хочу, чтобы они смеялись здесь и над тобою! Пусть лучше на меня одну все они смотрят своими хищными и страшными глазами. Тебе у них не найдется места.

Мальчик. А у тебя есть дом? Ты тоже богатая? Да, а пойду к тебе. Мне будет тепло с тобою? Но я буду прибегать сюда. Я буду видеть маленькую девочку.

Девушка. Какую девочку?

Мальчик. Ту девочку, которая мне принесла этот красный цветок.

Девушка. Да, я позволю тебе приходить сюда. Но ты не будешь больше просить у них хлеба?

Мальчик. Нет, никогда не буду. Пойдем, мне очень холодно. (Мальчик держится за руку девушки и делает несколько шагов. Затем внезапно падает. Говорит слабым дрожащим голосом): Мама, мама! Я вижу тебя. Я знал, что ты придешь ко мне...

Девушка (прижимая к своей груди мальчика). Теперь ты счастливее меня, мой милый брат, мой милый одинокий мальчик... (Целует умирающего).

Е. МОРАВСКИЙ.

REQUIEM.

Памяти С. Б.

Лежит спокойно здесь, у дороги,
Под снегом белым лежит она,
Не знает больше земной тревоги,
Не слышит песен моих она.

Дыханье ветра уж не колышит
Волос душистых в ее гробу,
Увядший образ никто не видит,
Никто не слышит ее мольбу.

Белее снега, белее лилий,
В минуты смерти ее был лик.
Она шутила, улыбкой милой
Мне улыбалась в последний миг.

В гробу — молчанье. И не ответит
Она мне больше в тиши земной,
Улыбки больше моей не встретит:
Мои мученья — ее покой.

Покойся мирно в ночь без рассвета,
Навек угасли твои мечты.
Созвучьям лиры или сопета
В своем покое не внемлешь ты.

Р. ЭРМАНД.

А. А. СОЛОНОВИЧ.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

(Окончание).

Но дело этим не кончается. Вся природа обволакивается человеком в понятия и умирает для него. „Умер Великий Пан!“ раздаётся жалобный голос стихийных духов, ибо человек убил его и природу, превратил ее в механизм. Мысль, подобная ножу, кромсаёт отныне природу, ставшую теперь для человека мачехой, и человек стремится подчинить ее себе, покорить себе силы природы. Создается Наука, как орудие в войне разума с природой, и человек, завоевывая природу, опустошает ее области. Он убивает, изучая, и раньше, чем изучать — он должен убить. Он изучает отныне человека на анатомическом столе, животное на чучеле или на скелете, в спирту или на булавке, растение в гербарии, искусство в музее... А общество превращается в хаос личных волей и, отражается в понятиях, заставляет человека видеть во всей вселенной только атомистику.

Такова „мысль“, та „мудрость мира сего“, которой инстинктивно боялись скудоумные монахи... И по сей час развертывается перед нами „бешенство“ мысли, творящее в окружающем подлинный ад.

Наша эпоха подошла к той же грани, до которой достиг эллинизм. И перед нами стоит роковой вопрос — кончим ли мы тем, что, потоптавшись несколько столетий на месте, окончательно превратимся в рабов понятий и юридических лиц, в частности государства, или же мы найдем в себе силы поднять „бунт“ против Ягве, этого бога формы и закона, беспощадного властителя земли? Этот вопрос стоит сейчас перед анархистами и горе им, если они не поймут всей остроты и мощи его... Этот же вопрос стоит и по отношению к А. А. Нужно преодолеть „мысль“ ради „бунта“ во имя Свободы.

Когда психик встречается с физиком — они не понимают друг друга. Прекрасно иллюстрировал этот факт Джек Лондон. „До тех самых пор, пока белый останется белым, а

черный — чернокожим, белый не поймет чернокожего, а чернокожий не поймет белого!“ говорит чернокожий в рассказе „Вездесущий белый человек“. И далее, в рассказе „Ях. Ях.“ слышим снова речь гилика: „Но белые-сущие дьяволы! Я давно приглядываюсь к ним, теперь я уже старик и понимаю, почему белые завладели всем светом! Только потому им удалось, что они — дьяволы...“

Возьмем, к примеру, тебя. Ты—еще мальчик и почти что не знаешь жизни. Вот нет дня, чтобы я не сообщал тебе массы новостей, о которых ты не имел до сих пор никакого представления. Когда я был в твоём возрасте, я знал море и рыб куда лучше тебя. Теперь я уже совсем стар, а все же могу опуститься на самое дно лагуны, а ты ни за что этого не сделаешь. Выходит так, что ты ни на что не годен, а все-таки... Вот я не видал, как ты дерешься, а знаю, что будешь драться, как самый настоящий дьявол. Вот все вы — такие. Мало того: все вы дураки. И ты—дурак. Все вы деретесь до последней минуты... Так нельзя...“ Как будто он продолжает в „Союзе стариков“: „И однако тут то и лежит странность этого: белые приходили, как дыхание смерти; все их обычаи ведут к смерти, поздри их полны ею; и однако они не умирают. Им принадлежит виски и табак; и короткошерстные собаки; их многие болезни, оспа и корь, кашель и кровохарканье; их белая кожа и невыносимость к морозу и выгоде; и их пистолеты, о ч е н ь быстро стреляющие шесть раз и никуда не годные. И однако, они живут при всех этих бедах, и благоденствуют, и накладывают тяжёлую руку на весь мир и сильно топчут ею народы. И их женщины тоже мягки, как младенцы, очень слабы, и все же рожают мужчин, они матери. И из всей этой мягкости, болезни и слабости выходит сила, и могущество и власть. Они боги или дьяволы, как случится. Я не знаю. Что я знаю, старый Имбер из племени Белой Рыбы? Только я знаю, что они превосходят по-

нимание, эти белые, далекие путешественники и всемирные войны".

Психизм развевывает интернационализм, непонятный гилику. На стадии гилизма невозможно товарное производство и деньги, как таковые. Товарный фетишизм есть только момент фетишизма понятий. Власть, деньги, собственность и наслаждение, — таковы формы, свойственные психизму и чуждые патриархальному гилизму.

Стремление к власти имманентно понятиям, личности. Стремление к власти имманентно мыслящему в понятиях разуму. Сам Ягве вложил разум в человека и сделал его таким образом своим — в этом заключив союз бога с человеком — и создал Закон. Так все боги — Зевс, Ягве, Один и т. п., — суть Законодатели, Судьи и Цари. В их лицах мы читаем образы, ассоциированные гиликами и психизмом.

В нашу эпоху человечество подошло к той пограничной меже, как и разделяющая средние века от древних. Сумеет ли человечество подняться над психизмом — вопрос соотношения сил. Греки рисовали себе Психею в виде бабочки. Гусеницей она ползает по земле. Но вот из себя самой создает она и свивает себе кокон, скорлупу психизма. Сможет ли она теперь прогрызть кокон личности, чтобы свободной пневматической индивидуальностью крылатым существом вылететь из темного кокона навстречу солнцу и свободе, навстречу освобожденной вселенной?

Только жертвуя личностью, можно преодолеть психизм и „мысль“. Только в „бунте“ против Ягве, Зевса или Одина Разума, Мысли — можно подняться к подлинному Логосу, а не к призракам пустых понятий и юридических лиц. Здесь начинается мистика. Здесь начинается Большой Разум, не отвергающий малого, но использующий его. Подлинная же религия пневматизма есть религия безграничной свободы и жертвы, беспредельной мощи и любви.

Подлинная, великая анархия есть в то же время и акратия, и она может быть утверждена только в пневматизме. Анархизм гилика всегда есть в глубине анархизм индифферен-

тизма, а анархизм психика есть анархизм самоутверждения, есть религия человечества, человека или подобных понятий, гибнущая в утверждении человека, как конечной цели, ибо в этом кроется в сущности глубочайший консерватизм и Смерть.

Психики суть люди в скорлупах, в масках, в форме. Формализм понятий в философии, в науке, в религии, в праве, в этике. Каждый сидит в своей скорлупе, в футляре. С этой точки зрения эгоизм и альтруизм совершенно однозначны и не ведут за грани психизма, но являются его разновидностями.

В сущности, для психиков остается темной сама их основа и они верят в разум. Их вера в разум мистична, ибо примитивная мистика, мистика гилизма есть вера, а по отношению к разуму психик ведет себя, как гилик, ибо ему не на чем обосновывать самый разум. Он не в силах подняться до мистики, как мудрости, и она ему кажется странной, чуждой, непонятной и враждебной.

Пневматик живет во вселенной и с этой точки зрения рассматривает человечество и людей. Но так как он не живет страстным стремлением, то таким образом он живет в то же время каждым мгновением, ни одним из них не жертвуя другому. Поэтому он и не может принять окончательную ценность человека и человечества, но рассматривает их, как преходящую форму. Для него прозрачными становятся понятия и скорлупы личностей и он видит их внутреннее, отличая живое от мертвого и используя последнее, используя понятия и самый разум для целей блага, зная, что область „мысли“ есть в сущности область чистого релятивизма.

Если стать на диалектическую точку зрения, то можно сказать, что гилизм есть тезис, психизм — антитезис и пневматизм — синтез, после которого человек исчерпывает все человеческое и остается здесь на земле работать среди людей, как Будда, который задержал свой уход в Нирвану из жалости к людям, беспомощно бьющимся в тенетах их собственной „мысли“.

Физик является продуктом среды, психик, как личность, находится со средой то в борьбе,

то в союзе, и только пневматик стоит выше эдемы и может сам творить и формировать ее, ибо его сознание присуще "вечному". Филлипп живет "местной" жизнью, психик — земной, пневматик — вселенской.

Здесь нужно оговориться, что термину "индивидуальность" я придаю специальный смысл духовного "я", обычно же этому термину приписывают смысл биологический, социологический и т. д. Поэтому пусть читатель каждый раз установит содержание этого термина по отношению к содержанию, даваемому мной. Сейчас сказанное справедливо и по отношению к употреблению этого слова у А. А. С этой оговоркой я цитирую А. А., чтобы показать, что, несмотря на попытку А. А. прорваться к "иррациональному", к пневматизму, эта попытка не доводится им до конца и он остается целиком "по сю сторону". "Неверны, неосновательны... опасения", — пишет А. А. в "Личности и обществе" (стр. 32 и след.), что индивидуальность гибнет, что ей не под силу бороться с нарушающими ее со всех сторон соблазнами обезличенного духа...

...Этот страх не только преувеличен; он вовсе не должен иметь места в современном обществе. Если под индивидуальным самовыражением не разумеешь совершенной независимости или даже разнузданности конкретного "я", если не идеализировать чрезмерно "индивидуальности" старых обществ, внешне колоритной и сильной, но внутренне ограниченной и бедной, необходимо согласиться с тем, что наше, по существу, эгалитарное время, хотя и укрепляет, как будто, отдельные частные тенденции недоброжелательства по отношению к индивидуальности, на самом деле, фактически вооружает индивидуальность такими мощными средствами, какими старые общества не располагали вовсе. Бедность "социального принципа" была одновременно бедностью "индивидуальности". Если индивидуальности были обеспечены легкие триумфы, ей же со всех сторон грозили опасности, которых не знает может быть менее декоративная, но внутренне более крепкая и извне более защищенная современная индивидуальность. Наше общество не только не знает бо-

лее рабства и крепостничества, в передовых его слоях оно не мирится уже более с системой солариата. В настоящее время оно преодолевает мечанство, и кошмары всеобщего мечанства, когда то мучившие равно Герцена, Достоевского, Флобера, Мопассана, Леонтьева и Ницше, должны рассеяться; они уже — рассеяны.

Наоборот, именно современная личность рождается более страстной, более жадно и цепко отстаивающей свое право, чем когда-либо. Малейшее поповозновение на сферу самостоятельности ее чувствований кажется ей невыносимым. Когда говорили так ярко индивидуалистические лозунги в философии, искусстве, политике, как к концу XIX в.? Прелесть индивидуальности с трудом могла защищать себя, обеспечить неприкосновенность своей личной сферы, ибо собственные силы ее были ограничены, а внешние силы были направлены против нее. И мимикрия была в известном смысле законом социального существования. Наоборот, в распоряжении современной личности — неограниченные общественные фонды, коими она может пользоваться, как ей угодно, и которыми она может усиливать и обострять свои собственные до тахитимума.

И современная личность прекрасно понимает, что именно своеобразие ее питается общественной средой, заключающей в себе неисчерпаемые ресурсы для этого. И не только стихийный, но и сознательный эгалитаризм эти ресурсы открывает каждой личности, понимая общественную ценность, как максимальную заостренность индивидуальных особенностей.*)

Наконец, личности могли бы еще угрожать опасности, если бы она могла быть целиком разнесена по определенным общественным клеточкам. Но мы знаем уже, что в индивидуальных, неразложимых моментах личности — гарантия сохранения и жизнеспособности индивидуальности.

Так падают опасения за будущие судьбы индивидуальности под влиянием успехов ура-

*) Курсив А. А.

вительной культуры (В частности для анархистской политики принципиальный антагонизм личности и общества — в намеченных выше пределах — разрешается бесспорно в пользу личного начала. Это предпочтение ничуть не подразумевает *parti pris* в пользу интересов конкретной эмпирической личности, но лишь охрану ее своеобразия, того ее последнего “я”, которое никакой опеке общест-венности не подлежит...).

Перед индивидуальностью, наоборот, открываются необозримые горизонты.

Как мир, окружающий нас, пластичен в руках творца, так пластична и сама человеческая природа. Перед ней открыты пути бесконечного совершенствования, равно физического (борьба с болезнями, стремление отодвинуть пределы естественной смерти) и интеллектуально-морального. Интегральный человек должен обладать совершенным телом и совершенным духом, он должен одновременно..... быть способен к созерцательной и деятельной жизни, чтобы не только достойно противопоставлять себя тем многообразным космическим препятствиям, которые встают на пути творческой работы личности, но чтобы испытать радости подлинного слияния с жизнью, чтобы чувствовать себя в своем индивидуальном своеобразии нераздельно спаянным со всем мирозданием, а не быть былинкой, исчезающей бесследно в мировом потоке...

...Пусть еще сейчас наше эмпирическое “я” — несовершенно, “несовершенно до гениальности”, но мы все — свидетели роста нашего эмпирического “я”. Этот рост — чудесен.

Наши познавательные, усваивающие способности растут. Века потребовались, чтобы создать восприимчивость арийского мозга. Но развитие его не кончено. Разве человек не огромный новый факт химической жизни земной коры? — лишут естествоиспытатели. Химическая жизнь поверхности в целом ряде своих проявлений будет зависеть от человека.

Разве — утверждают социологи — антропологический тип не есть прямой результат данной социальной системы, дифференциации

или, наоборот, интеграции трудовых процессов, всестороннего развития личной деятельности? Разве физиологи и психологи не говорят нам о новом духовном чувстве, действующем вне привычных нам категорий пространства и времени — ясновидении, пока лишь смутно, таинственно заявляющем о себе?

На наших глазах все большее число выдающихся авторитетов — равно в области естествознания и гуманитарных наук — целые общества, объединяющие специалистов в различных сферах знания, говорят о явлениях “спиритизма” или “метаспсихики”, как наиболее грандиозной очередной научной проблеме. И современные представители точного знания, непримиримые “позитивисты”, все более, например, в вопросе о “нематериальной субстанции” сближаются с спиритуалистами.

Не говорят ли нам современные психологи, что наше сознательное “я” есть только часть более обширного сознания, более глубокой способности, остающейся в преобладающей мере потенциальной, поскольку имеется в виду земная жизнь... Эта “скрытая часть” нашей личности, „немой спутник нашей жизни” автоматически обнаруживает себя в “физической или сенсорной манифестации”.

Разве этих, вырванных наудачу иллюстраций из сферы того неведомого устремления к раскрытию “тайн” природы, которое совершается на наших глазах, не довольно, чтобы не иметь права утверждать, что мы не знаем пределов человеческого развития и что наши надежды в этом отношении — в меру отпущенного нам скептицизма и владеющей нами quasi-научности — скорее могут почитаться преуменьшенными, чем преувеличенными.

Творческая энергия современного человека — беспримерна. Весь мир ныне, вся природа — мастерская человеческого гения. Самию сущность современных общественных программ можно характеризовать, как методы накопления и интенсификации творческой энергии. Нет среды, способной сопротивляться человеческой энергии. Победа сводится к уменью конструировать задачу. Заданий — недостижимых, если они не выходят за пределы самой природы, как материала,

не существует. Все стало возможным. Мир — есть творчество.

И если по временам еще наши общественные формы по старому глядят на человека, как на средство, это временные фазы, исчезающие с успехами социального раскрепощения.

Так утверждается в космосе беспредельная мощь человека.

От случайно оброненных, звучащих банально, лишь слабо предчувствующих истину слов Гизо: "C'est l'homme qui fait le monde", мы приходим к утверждению того же со всей полнотой убеждения, со всей мощью знания, находящегося в нашем распоряжении.

Бог скорее будет, чем есть — говорил когда то Ренан. Он — в процессе развития. Мир — незакончен, утверждает В. Джемс. Через человека Бог положил продолжить и закончить свое творение — пишет русский религиозный философ — Федоров.

Как далеки эти мыслители один другому. Но какая — одинаково для всех — поразительная сила веры в космическую роль человека. Разве не предчувствие это его безграничных возможностей, будущих его творческих одолений. Прав Марло:

" Небо"
"Для человека создано, так значит,"
"На много он прекрасней, чем оно."

Так заканчивает А. А. свою книгу "Личность и общество в анархистском мировоззрении". Я нарочно привел здесь целиком этот большой отрывок, ибо он дает возможность глубже взглянуть на мировоззрение А. А.

Здесь А. А. дает великолепный образчик мировоззрения психика, чрезвычайно мощно и ярко характеризую его вплоть до его последних выводов. Моментами может показаться, что А. А. как будто заглядывает "по ту сторону" психизма — в пневматизм, в "бунт", но при более глубоком анализе оказывается, что это не так. Все время он ни на йоту не выходит из области "мысли". Далее его могла бы повести только воля, но нигде в произведениях А. А. мы этого не найдем.

В самом деле, разберем подробнее то, что утверждается в приведенном отрывке. Подоб-

но тому, как физик считает себя естественным центром птоломеевой "системы" мира, так психик считает человечество, личность центром системы коперниковой. Он творит иррационально рациональную религию Человечества. Он считает Человека — Богом, как физик — Бога — человеком. Человеческий разум, по его мнению, может творить самую вселенную. Человек — сущность, а не форма только. Так мог бы рассуждать верблюд, считая Верблюда — Богом, а Бога — верблюдом, считая, что верблюжий разум — сущность мирового становления. Бесконечное совершенствование мыслится психиком в рамках "человечности", но ведь и каракатица, не переставая быть каракатицей, может совершенствоваться бесконечно, чтобы достигнуть бытия совершенной каракатицы. Даже сапожник может стремиться к бесконечному совершенству в своем ремесле, никогда не становясь плотником, тоже могущим совершенствоваться до бесконечности в своем плотничьем деле.

Почему А. А. уверен вместе с Марло, что
" Небо"
"Для человека создано"....

Не так же ли уверен и физик, что корова создана только для того, чтобы он не был голоден?

Все "спиритизмы и "метаспихики" несколько не ведут за грани психизма. Борьба против "метаспихики" ведется часто тупоумными людьми из за того, что они в признании метаспихизма видят в конце концов страшнее их признание "реальности" самого психизма. Для подлинного ученого эти факты несколько не однозны и он справедливо предугадывает, что всегда можно будет подобрать соответствующую "систему", в которую эти факты великолепно уложатся так, что волки системы будут сыты и факты метаспихики будут целы. В этих фактах нет абсолютно никакой мистики, они с головы до ног психичны и уж во всяком случае не загадочнее, чем обычные психические акты, к которым мы привыкли. Для пневматика, для мистика они не более любопытны, чем, например, расширение

тел от нагревания, или падение брошенного камня. Это факты новые для науки и науку могущие расширить, но абсолютно заключенные в области "мысли". Характерна в этом отношении оговорка самого А. А. в утверждении: "Заданий-недостижимых, если они не выходят за пределы самой природы, как материала, не существует". За пределы какой природы? Конечно, "мыслимой", "по сю сторону", разумной, психической. Здесь А. А. подчеркивает свою лояльность перед "мыслью", заранее отрекается от "бунта".

Тщетно ищет А. А. "слияния с жизнью, чтобы чувствовать себя в своем индивидуальном своеобразии нераздельно спаянным со всем мирозданием, а не быть былинкой, исчезающей бесследно в мировом потоке"... ибо антиномии неустрашимы из чистой области психизма и если А. А. признает неустрашимость антиномии между личностью и обществом, то тем более он должен признать это по отношению к "я" и "ты". Индусы первым шагом в пневматизм признавали сознание утверждения: "Это ты", когда они говорили человеку, указывая на природу. Для "мысли" природа — только мачеха, только объект, как труп, распластанный на анатомическом столе. Наука психика может познавать только мертвое, только зарезанное скальпелем рефлексии и схематизма. Она познает, как мы уже говорили, человека на трупе, животное — на скелете, чучеле или в спирту, бабочку на булавке, растение — в гербарии, произведения искусства — в музеях, социальную жизнь — в статистике и т. д. Прежде, чем познать, наука должна убить. Поэтому ее познание и не имеет ничего общего с жизнью, поэтому ее познание не есть познание, но покорение, подчинение, насилие. Поэтому и она сама есть в сущности только весьма квалифицированное ремесло.

Гробокопательство наукообразной религии человечества у Федорова приводит к роковому вопросу: "Поблагодарят ли воскресенные своих воскресителей? А ну, как если к черту пошлют и тут же вновь назад отправятся? Неужели ничего прекраснее нашей земли и

выдумать нельзя?" Ведь для физика его дом и поле, где жили его отцы и деды — лучшее место во вселенной. Физик привязан к своему очагу, а психик — к своему — земле. Правда, очаг психика немного больших размеров, но ведь дело не решается размерами.

Для пневматика человек — только форма и он знает, что бесчисленное количество форм может пройти он, существуя, как в гостиницах, в разных мирах, на разных "землях". А. А. верит в "прогресс" — блаженны верующие, но мы думаем, что к сожалению его пока еще не замечается. Прогрессирует техника, прогрессирует наука, а человек остается все таким же, качаясь, как маятник, между психизмом и гилизмом, между "животностью" и "мыслью". Перед нами стоит проблема "бунта" — Социальной Революции, "Преображения" — только и только тогда человечество сделает шаг вперед. Но этот "бунт" должен охватить насквозь всех и каждого, чтобы и сам человек стал другим, преодолев "мысль".

В том то и заключается величие и мощь Бакунина, что он указал "бунт", как путь к пневматизму, как путь преодоления "мысли". Его глава "Бог и Государство" есть мощный удар по психическим религиям, восстание против всех образов Ягве-Царя, Судьи и Законодателя. Здесь он протягивает руку тому "Змию", который был противником Ягве и которого последователи Ягве — подлинного Сатаны, — сами отождествили с Сатаной. Что же касается так называемого материализма Бакунина, то это просто недоразумение. В самом деле, вот как характеризует Бакунина материю (Собр. соч., т. II, стр. 133): "...материя, о которой говорят материалисты, — стремительная, вечно подвижная, деятельная и плодотворная; материя с определенными химическими или органическими качествами и проявляющаяся механическими, физическими, животными или интеллектуальными свойствами или силами, которые ей неизбежно присущи,... эта материя не имеет ничего общего с презренной материей идеалистов. Эта последняя, продукт их ложного отвлечения, действительно нечто тупое, неодушевленное, неподвижное, неспособное произвести ни ма-

лейшей вещи, *carut mortuum*, презренный вымысел, противоположный тому прекрасному вымыслу, который они называют Богом, высшим существом, в сравнении с которым материя в их понимании лишена ими самими всего того, что составляет ее истинную природу, неизбежно представляет собою высшее небытие. Они отняли у материи жизнь, ум, определяющие качества, действительные отношения или силы, самое движение, без коего материя не была бы даже весомой, оставив ей лишь абсолютную непроницаемость и неподвижность в пространстве. Они приписали все эти силы, качества и естественные проявления воображаемому Существо, созданному их отвлеченной фантазией; затем, переменив роли, они назвали этот продукт их воображения, этот призрак, этого Бога, который есть Ничто, "Высшим Существом".

Далее (стр. 134) он говорит о психиках: "Они идут сверху вниз, от высшего к низшему от сложного к простому. Они начинают Богом, представленным в виде личного существа, или в виде божественной субстанции или идеи, и первый же шаг, который они делают, является страшным падением из высших вершин вечного идеала в грязь материального мира".

Материя Бакунина имеет общим с материей психиков только название. Правда, есть еще материя гиликов, в которую они превращают материю психиков, но последняя является в сущности гипостазированной путаницей, как, например, обстоит дело у марксистов. Последние суть психики с физической ориентацией, еще не вполне вышедшие из родовых переживаний Ветхого Завета, перевоспленного в "Капитале".

Таким образом, Бакунин провозглашает "бунт" против "мысли", против абстракции и мертвой науки. Ясно, что этот протест против, "мысли" ничего общего не имеет с протестом физиков, ибо Бакунин знает, что перед вечностью все ничтожно из мира человеческого, как такового, что в сущности — все люди — мистики, но только не знающие этого.

Когда А. А. хочет обеспечить бытие личности, он снова обращается к обществу и по-

гружает в него личность. Но ценно в личности не сама личность, а индивидуальность в нашем смысле слова. Ценность же личности есть ценность сосуда с драгоценным содержанием. Только содержание дает ей ценность, ибо существует бесчисленное множество пустых юридических личностей, паразитирующих среди живых. Психик не имеет средств различения живых от мертвых и всегда рискует работать с призраком, приняв его за живое существо.

Теперь мы подходим к проблеме анархической тактики. Для пневматика совершенно ясно, что властолюбие в человеке и человечестве есть болезнь, подобная чахотке или сифилису, но только психическая. Пневматик ставит вопрос об излечении от этой болезни с одной стороны, а с другой о формах общности, при которых парализовалось бы разноречивое или злокачественное действие и протекание этой болезни. Иными словами — перед ним встает вопрос — на какие части населения и как воздействовать, на какие можно опираться и против каких должно бороться, рассматривая последние, как носителей тех или других тенденций — власти или безвластия? Можно ли отыскать такие силы, которые создали бы возможность "бунта" даже для психиков, даже для физиков? Иными словами, как можно прийти к Социальной Революции так, чтобы при этом открыть путь для перехода физиков в психизм, а психиков — в пневматизм?

Вопрос ставится так, что ответ на него должен затронуть как личность, так и коллектив — мораль и право.

Нужно таким образом создать и указать новую мораль и новое право, которые были бы имманентны личности. Это возможно, если их обосновать и вывести из новой религии.

Новая религия, религия акратическая должна быть такой, чтобы ее мог принять физик так же, как и психик. Обоснована она должна быть познанием, ее целью должна быть Свобода, ее средствами должна быть любовь. Если в наше время среди психиков звучит слово "религия", они сразу враждебно реагируют. У них религия ассоциируется

с верой, а веру они презирают за ее противоречие разуму. Бедные психики и не подозревают, что все их построения зиждятся как раз и исключительно только на вере... Они верят в разум, в себя, в человечество, в природу, в прогресс, в добродетель, в государство, в анархию, в свою жену, в чужую испорченность, в лопух, в выигрыш двухсот тысяч, в газеты, политику, в коперникову систему, в свою правоту, науку, в философию, в беспроводной телефон, в рекламу, в смысл жизни, в тысячи глупостей и умных вещей, на каждом шагу обманывающих их доверие. Сперва они верили в Аполлона, потом в св. Николая, затем в Ньютона, и каждый раз с презрением смотрели на веру своих предшественников. Их Богов они превращали в демонов, а своих возвеличивали...

Новая религия говорит о знании и разумном доверии к знающим, доверии, основанном на делах знающих, так как не растут на репейнике смоквы и на красиве — виноград. Эта религия — религия Свободы — абсолютно терпима ко всякому мнению и ко всякому поведению, никому не причиняющему вреда.

Она дает свое учение так, что оно может быть принято гиликом, психиком и пневматиком на основании тех доводов, которые убедительны для каждого из них. Ведь в сущности все три типа имеют каждый свою религию, поскольку для всех трех есть свои представления о высших ценностях, как бы они их ни формулировали. Три наиболее высоких мировых религии — учения Кришны, Будды и Христа — суть религии Свободы и любви. Их характерная особенность заключается в том, что все три обращаются к индивиду с указанием основ, на которых базируется этика, как техника личных отношений между отдельными людьми и каждого к самому себе. Их можно назвать поэтому религиями этическими.

Новая религия есть религия правовая, причем право рассматривается, как техника отношений общественных.

“Живите, как хотите”, говорит новая религия, религия Свободы, в более широком понимании, “живите по принципам какой угод-

но религии — буддийской, магометанской, иудаистической, христианской, какого угодно мировоззрения — идеалистического, материалистического, теистического, атеистического, — но живите так, чтобы не обижать друг друга, не эксплуатировать, не насильничать.” Отсюда вытекают нормы нового права, исходящего из того положения, что каждый человек есть член общечеловеческого коллектива и потому несет ответственность за все то зло и неправду, которая на земле творится. Поэтому будет ли для вас существенным Бог, Идеал или Отец — Прародитель безразлично — все вы должны принимать участие в общечеловеческой ответственности, активно борясь со злом и творя добро.

Можете называть это не религией, а учением — как угодно — дело не в терминологии. Но из права нового учения вытекают совершенно новые следствия. Новое право базируется на признании свободной воли каждого и ищет путей согласования этих волей. Для него юридическим лицом является только и только конкретное единство воли и существует это юридическое лицо до тех только пор, пока существует согласие. Поэтому и коллектив согласных в чем либо можно называть “согласием”. Только согласие является юридическим лицом и в частном случае один конкретный же человек, поскольку и в нем осуществлено единство воли. Отсюда — роль свободного договора, как фиксирующего это единство, декларирующего его. Но он действителен не больше и не дальше фактически существующего. Таким образом и суд оказывается возможным исключительно в виде суда третейского. Суд весь должен начинаться суждением и оставаться в области мысли, но не воли, не поступков. Суд высказал свое мнение — стороны свободны поступать, как хотят.

Новое право заменяет термин “собственность” термином “польза” с заменой и соответствующих содержаний этих понятий. Каждый из нас временный гость на этой земле и у него нет и не может быть никакой собственности. Нет и не может быть собственности и у народа или даже человечества. Земля никому не принадлежит, даже мое тело мне

не принадлежит — все это только польза для жизни — не более.

Нет моего или народного хозяйства в смысле собственности. Все, что связано с понятием собственности, новое право резко отмечает.

Дело этики указать возможности осуществления единства воли в индивидууме, дело права указать возможности осуществления единства воли в коллективе. Новое право текуче, как сама жизнь. Этим оно существенно отличается от старого обычного права. Но оно утверждает свободу физического, душевного и духовного самоопределения.

Новая религия есть религия Истины, которую “вы познаете... и Истина сделает вас свободными”.

Но что же может быть реальнее, нагляднее и убедительное той истины, что каждый человек рождается, живет и умирает?! А между тем до сих пор, обычно, каждый почти старался жить так, как если бы он не родился и не умирал. Слепая жизнь, слепая мысль.

Истина не только в жизни, — она в рождении, и в смерти. И всякий, кто живет, должен сознавать, что он родился и что он умрет. Но для психика смерть — страх и стыд, чем же преодолеть его? Только тем, что выше личности, выше души, что само есть проявление пребывающей Истины — любовью. Только любовь, сопереживание, сострадание, сорадование через жертву личностью, через гибель души, через отказ от личного “я” преодолевает рамки ограниченности и ставит индивидуума перед бесконечностью, перед вечностью. “Ты знаешь не хуже меня, — говорил Бакунин Рейхель, — “что перед вечностью все ничтожно”. — “После этого”, добавляет Рейхель, — “он мог совершенно погрузиться в музыку, которая не допускала никакого вопроса и не требовала ответов”.

Но любовь не есть понятие любви. Любовь не есть эмоция любви. Любовь есть любовь и проявляется она в делах любви, в творчестве любви. Творчество любви есть прежде всего все то, что проявляется, как освобождение, как Социальная Революция в плоскости “мысли”, как “бунт”. Как Социальная Ре-

волюция в плоскости животности и гилизма. Одним словом, Единая Великая Социальная Революция, единое, великое, всеобщее Преображение.

Любовь, как взаимопомощь, как солидарность, позволяет и гилику преодолеть свой гилизм, свою ограниченность. В этом “благодарить” любви и истины, ибо она дает возможность каждому — физику и психику — преодолеть силу неизбежности в ограниченности.

Социальная форма действия физиков — толпа, масса, быт, семья, товарищество и т.п.; социальная форма действия психиков — учреждения, организации, общества, партии, союзы и т.д.; социальная форма действия пневматиков — согласия, адептант, “знакомства”. “Тайный Альянс” Бакунина был такой — связью знакомых, согласных, и ясно, что типичный психик Маркс и его последователи совершенно не понимали этого и никак ничего не могли себе представить иного, как то, что только и могло быть доступно их степени понимания, т.е., нечто вроде “партии”. Этого не понимают и многие анархисты, отчего спор о “Тайном Альянсе” во многом напоминает спор номиналистов с реалистами, ибо Бакунин безусловно был прав, отвергая “учреждение Тайный Альянс”, так как его действительно не было, а то, что было, то абсолютно не способны были понять Маркс и марксисты, потому что если бы они поняли, они не могли бы противопоставить его “Интернационалу”.

Таким образом, формулируя общесоциальную постановку вопроса, мы, принимая во внимание все предыдущее, можем сказать, что он сводится к синакратии, которая заключает в себе акратию, анархию и коммунизм, причем утверждение каждого из них предполагает и два остальных. Акратия пневматизма в стихиях анархии и коммунизма, анархия психизма в стихиях акратизма и коммунизма, коммунизм гилизма в стихиях акратизма и анархизма. “Троица единая и нераздельная” синакратии — вот наш ответ в его социальной значимости, и “согласие” — его конкретное выявление. Всякий восстающий против одного из трех — восстает против всех трех

и всякий, утверждающий все три, утверждает каждое из трех.

Ясно, что частным случаем согласия является "особое согласие" — единственный человек, индивид, и потому различие между анархизмом-коммунизмом и анархизмом-индивидуализмом исчезает, ибо каждое "согласие" есть индивид и каждый "индивид" есть согласие, так как в обоих случаях мы имеем единую волю.

Возвращаясь теперь к тем трактовкам этих вопросов, которые мы встречали у А. А., мы должны прежде всего подчеркнуть крупную его заслугу перед русской общественностью в том, что он почти единственный нес сквозь годы увлечения "коммунизмом" в его примитивных формулировках знамя индивидуализма, твердо отстаивая свободу личности от посягательств со стороны коллективистов всевозможных цветов и марок.*) При все том, что особенно ценно, его индивидуализм был далек от вульгарного индивидуализма многих наших нищепанцев и сверхчеловеков. Он никогда не рвал с массой и его в этом отношении верный общественный инстинкт дал ему возможность остаться связанным с подлинной анархической общественностью, не снижая знамени индивидуализма. "Анархизм и абсолютный индивидуализм", — пишет он в "Анархизме" (стр. 18), — "могут быть названы антиподами."

Анархизм есть также культ человека, культ личного начала, но анархизм не делает из эмпирического "я" центра вселенной.

Анархизм обращается ко всем, к каждому человеку, к каждому "я". И, если не каждое "я" равно драгоценно для анархизма, ибо и анархизм не может не делать различий между подлинно свободным человеком и насильником, пытающимся строить свою свободу на порабощении другого, то каждое "я" — и малое и большое — должно быть для анархизма предметом равного внимания, каждое "я" имеет равное право — для выявления своей индивидуальности, каждое "я" должно быть обе-

спечено защитой от посягательств другого "я". И если абсолютный индивидуализм стремится утвердить свободу только данного конкретного "я", анархизму дорога свобода всех "я", дорога свобода человека вообще. Абсолютный индивидуализм не только мирится с рабством других, но или относится к нему безразлично или даже ставит его в угол своего благополучия. Анархизм и рабство — непримиримы. Общество, построенное на привилегиях и ограничениях — несвободно. Там, где есть рабы, нет места свободным людям...

...Анархизм, поэтому, чужд солипсизму. Для него равно реальны все люди, для него, наоборот, пререален тот эгоцентризм, то выделение и чудовищная гипертрофия личного "я", личного начала, которые порождает абсолютный индивидуализм. Также различны они — анархизм и последовательный индивидуализм — и в области практической деятельности.

Абсолютный индивидуализм не знает методов социального действия. Он не имеет социально-политических программ, не собирает партий, не образует союзов.

Чистый индивидуализм, — продолжает А. А., (стр. 19), "который во всем окружающем, не исключая людей и разнообразных форм человеческого общежития, видит только удовлетворения своих эгоцентрических стремлений, относится с полным безразличием к отдельным типам организованной общественности, к отдельным политическим формам".

Далее А. А. говорит (стр. 19-20): "Анархизм есть не только социальная теория. Он также социальная практика. Анархизм утверждает и ищет практические методы социального действия."

Несмотря на непримиримые противоречия между отдельными течениями анархической мысли, есть своеобразная "программа-minimum", объединяющая все оттенки анархизма. И эти принципы обуславливают и его тактику. В ряду этих принципов:

Прежде всего отрицание власти, принудительной санкции во всех ее формах, а, следовательно, всякой организации, построенной на началах централизации и представитель-

*) Индивидуализм Льва Черного шел своеобразным и особым путем, совсем иного характера.

ства. Отсюда отрицание права и государства со всеми его органами.

В области собственно-политической — отрицание политических форм борьбы, демократии и парламентаризма.

В области экономической — отрицание капитализма и всякого общественного режима, построенного на эксплуатации наемного труда.

Наконец, анархизм в новейших стадиях его развития приходит к убеждению, что революция вообще и анархическая в частности не декретизируется “верхами”, революционным правительством и не срыгается “сознательным инициативным меньшинством” или случайной кучкой заговорщиков, но совершается “низами”, являясь творческим выражением “бунта”, идущего непосредственно из “масс”. Но дух “созидающий”, в отличие от духа “погромного”, может найти себе выражение не в случайных и “бесцельных” взрывах толпы, но в свободной ассоциации, поставившей сознательно определенные цели в духе анархического мировоззрения. Отсюда анархизм понимает социальное творчество, как самостоятельность заинтересованного класса“.

Все эти положения носят отрицательный характер и, действительно, они могут быть рассматриваемы, как экстракт, общий всем анархистским мирозрениям. Но вот наступает момент, когда А. А. хочет обосновать более глубоко анархизм и ищет такого обоснования у Бергсона. Нужно заметить, что во многих отношениях бергсонизм, как на это правильно указывает и А. А., имеет черты, как бы проскальзывающие уже у Бакунина. Последний факт делает понятной и попытку Сореля сплести воедино бергсонизм с синдикализмом. — “Антирационализм и антиинтеллектуализм”, — пишет А. А. (стр. 53-55), “утверждает приоритет инстинкта над разумом. За последним он признает инструментальное, то-есть вспомогательное значение. Вопреки идеализму, полагающему для нас непосредственную данность духовного мира, он склонен утверждать, что разум для нас не имеет первоначального значения. Он возникает на определенной ступени общего ми-

рового развития. И тогда мы начинаем разделять — физическое и психическое....

...Познание подлинной сущности предмета, предмета в целом, а не отдельных частей его или механической их суммы — возможно только при помощи особого источника знания — “интуиции”. “И н т у и ц и я”, — определяет Бергсон, — “есть особый род интеллектуальной симпатии, путем которой познающий переносится внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого (“Введение в математику”)...”

...Свобода человека есть, таким образом, свобода его творческих актов и рассудочное знание бессильно постичь их природу. Для установления причинности оно должно разлагать природу на составные части; эти части — мертвы и обусловлены. Но живой синтез частей всегда свободен и к нему неприменимы рационалистические выводы науки. Понятия жизни и причинности лежат в различных планах. Жизнь — поток, не знающий причинности, не допускающий предвидения и утверждающий свободу...

Вот мысли, отвечающие анархическому чувству, строящие свободу человека не на сомнительном фундаменте неизбежно односторонних и схоластических теорий, но на пробуждении в нас присущего нам инстинкта свободы. Вот — философия, которая сказала “да” тому еще смутно сознаваемому, но уже повсюду зарождающемуся, повсюду быющему чувству, которое радостно и уверенно говорит нам, что мы действительно свободны лишь тогда, когда выявляем себя во весь наш рост, когда действия наши, по выражению Бергсона, “выражают нашу личность, приобретают с ней то неопределенное сходство, которое встречается между творцом и творением” (“Непосредственные данные сознания”).“

Здесь мы не можем согласиться с А. А. В самом деле, существует три категории, а не две: надсознание, сознание и подсознание, или, как их вернее было бы называть: надсамосознание, самосознание и подсамосознание. В последнем случае эти термины не будут возмущать и психологов. Так вот, если мы вспомним философию Бергсона, то в конце кон-

цов увидим, что она ведет не к надсознанию, а к подсознанию, как это часто происходит роковым образом и со многими мистиками. Бергсон зовет не к "бунту", а к уточненной "животности". Мало сказать: "я отвергаю мысль, схему и т. д.", нужно еще показать, во имя чего совершается отвержение.

А между тем ясно, что у Бергсона оно совершается во имя утверждения личности, как таковой — в этом он, как это ни странно, прямо сходится со Штирнером, недаром, ведь, и синдикаты во многом напоминают "союзы эгоистов". Любовь, творчество и т. д. у Бергсона являются только и только страстью, влюбленностью, о которой Бакунин когда то сказал: "Я не хочу этой любви, ибо у меня есть любовь к Богу, любовь к человечеству. И к тому же я еще не встречал любви; я видел только влюбленных, а влюбленный — жалкое существо! Нет, добрые друзья мои, человек, способный к любви, не унизится никогда до состояния влюбленности, а влюбляющийся никогда не поднимается до любви" (Корнилов, "Молодые годы Михаила Бакунина", стр. 220-221, Письмо Бакунина к сестре от 28 апреля 1836 г.).

Я вполне понимаю А. А., когда он ищет у Бергсона аргументов против тех или других форм "мысли", но нельзя искать у него какого либо "фундамента" для чего либо большего, чем только "инстинкт свободы". А с одним "инстинктом" нельзя уйти слишком далеко. Инстинкт свободы присущ всему живому, но даже в человеке он в прошлом не мог преодолеть рабства, ибо инстинкт самосохранения, т. е., страха еще сильнее его. И вовсе не нужно, чтобы обязательно все смогли подняться к надсознанию, хотя это и есть цель, но достаточно, чтобы хотя немногие смогли сделать это так, чтобы свет, ими зажженный не сиял "под сосудом", но осветил бы новым значением самую мысль, личность и даже инстинкт вместе с животностью, ибо "двумя праведниками" спасается мир и достаточно было одному открыть Америку, одному изобрести книгопечатание, чтобы все могли воспользоваться результатами.

Когда Бергсон говорит об интуиции, как

об "интеллектуальной симпатии", он не выходит из рамок "мысли", он всецело остается психиком. Его интуиция есть в конце концов только соотношение эмоций, составляющих ореол еще не вполне откристаллизовавшихся понятий, это своеобразное возрождение сентиментализма. В этом отношении он сам себя характеризует вполне, когда говорит: "Скажут, что и таким путем мы не выйдем из границ интеллекта, ибо и иные формы сознания мы можем рассматривать только с помощью нашего интеллекта, только через наш интеллект. И имелось бы основание так говорить, если бы мы были чистыми интеллектами, если бы вокруг нашей логической мысли, работающей понятиями, не оставалось смутной туманности, составленной из той субстанции, за счет которой образовалось светящееся ядро, называемое нами интеллектом. Здесь находятся известные силы, дополняющие разум. Смутно ощущаем мы присутствие этих сил, когда остаемся замкнутыми в самих себя; но они освещаются и выделяются, когда сами увидят себя, так сказать, за работой в эволюции природы" (А. Бергсон, "Творческая эволюция", Кн-во "Русская Мысль" 1914, стр. VII "Введения").

Можно было найти много интересного у Бергсона с той точки зрения, на которой мы стоим, но во всяком случае выхода из психизма к пневматизму мы не найдем. Мы найдем у него только попытку найти новые соотношения между "мыслью" и "инстинктом", а этого все же еще слишком мало, да даже и совсем ничего для интересующей нас проблемы.

Что касается теперь синдикализма в частности, то и здесь, мне думается, А. А. напрасно ищет утверждения анархического момента. В самом деле, если большевизм есть путь захвата политической власти для утверждения власти экономической, то ясно, что синдикализм есть путь захвата власти экономической для утверждения власти политической. В результате, тот и другой выявляют общую тенденцию города к диктатуре над деревней, расширение власти городского психизма на деревенский гилизм. Конечно, отсюда не вы-

текает еще для анархиста под'ем деревни против города, как это в сущности сказывается даже у толстовства и у других анархистов в их чисто инстинктивной симпатией к деревне, но несомненно отсюда вытекает отрицание анархистом города и деревни, взятых, как таковые. Анархизм должен разрушить особенность города и деревни, должен указать новые формы селения, в которых совместились бы выгоды обоих^{*)}. Иначе проблема неразрешима, так как город-сжатый кулак, а деревня-растопыренные пальцы. Город-хищник, всегда готовый к нападению, а деревня-аморфная неповоротливая масса, способная выдержать много кулачных ударов, но не способная сама, отдельно от города, наносить их. Преодоление противоречия между городом и деревней — задача анархизма, и анархическая социальная революция должна разрушить города, как таковые — постепенно или сразу — это другое дело, может быть даже путем науки. Во всяком случае здесь важен вопрос о том соотношении, в какое станут пролетарий и крестьянин. Анархизм может дать решение вопроса о том союзе между пролетарием и крестьянином, о котором мечтал Бакунин, особенно в России, но всякая "только" классовая организация рабочих — партийная или синдикальная — всегда по существу останется авторитарной. Поэтому то марксизм хорошо распространяется в городе и терпит полный крах в деревне и как раз среди крестьянства особенно популярен анархизм.

Последнее подчеркивает и сам А. А.: "Анархизм, как движение масс, и по сию пору не играет еще нигде значительной роли. Социальных институтов, исторически утвердившихся, анархического характера мы не знаем. Широкие, но весьма неопределенные и модифицируемые иными влияниями симпатии к анархизму можно наблюдать среди крестьянского населения. Некоторые исследователи,

вроде Боргуса и Зомбарта, основываясь на наблюдениях и статистическом материале самих анархистов, даже определению настаивают на "аграрном" характере анархизма. "Везде, где сельское население поднималось до самостоятельного движения", — пишет Зомбарт, — "оно везде носило анархическую окраску (Италия, Испания, Ирландия)". Но это — все. И если не считать только в последние годы слагающегося в заметных размерах в пролетарской среде анархо-синдикализма, можно было бы еще и сейчас характеризовать анархизм словами Бакунина: — "бездомная, странствующая церковь свободы" (стр 68).

Так или иначе, но нетрудно предвидеть в ближайшие десятилетия, если, конечно, не привоизойдет новых факторов, громадное анархическое движение среди народов Азии и России. Анархизм еще молод, как сознательное движение, но он развертывается, и когда перейдет в религию Свободы, тогда дрогнут миллионы крестьянской массы там, где они раньше в течение тысячелетий искали прибежища в различных формах демократических деспотий, дрогнут теперь уже во имя Анархии. Прекрасна по глубине и захвату критика парламентаризма, даваемая А. А. в его "Анархизме" и в "Революционном творчестве и парламенте". Невольно ждешь от него такой же убийственной критики системы властных Советов, хотя бы и не превращаемых в фикцию. Исчерпывающе показывает А. А. полную несостоятельность и внутреннюю лживость парламентаризма на всех ступенях теории и практики, как в отношении учреждений, так и в отношении личностей и масс.

Отрицая парламентаризм не только сам по себе, но даже в громадном большинстве случаев и как орудие борьбы, анархизм выдвигает разнообразные методы и средства, характерными чертами которых является стремление заострять, а не затупевывать социальные коллизии, желание сделать врага явным и нанести ему удар в лицо, совершая как можно меньше обходных движений. Тем не менее, в анархическом движении не может быть единой тактики и стратегии, как это обяза-

*) Эта проблема в сущности является одновременно с проблемой о синтезе труда физического и умственного, для решения которой так много сделал Кропоткин и которой занимался Толстой.

тельно для партии. Для анархизма в обществе нет и не может быть резких перегородок и потому само его отношение, в частности, к вопросу о классах, иное, чем хотя бы у марксистов. У последних класс постепенно превращается в резко ограниченное понятие — неподвижное и мертвое. Для анархиста класс есть термин, характеризующий не совокупность данных людей, а совокупность человеческих отношений, почему и обладающий неопределенным объемом. В этом и заключается невозможность для анархиста мыслить исключительно классовую организацию анархистов. В этом же лежит и корень глубокого принципиального различия между пониманием класса у Бакунина или Кропоткина с одной стороны и марксистов — с другой. Для последних класс есть фетиш и они обоготворяют рабочего в человеке, тогда как анархизм стремится пробудить человека в рабочем. Поэтому анархизм, стремясь использовать в борьбе все даваемые жизнью положительные с его точки зрения особенности классового определения, не может все же ограничиться только ими, но неизбежно стремится синтезировать их с факторами других порядков в общечеловеческом масштабе. С этой точки зрения различие между анархо-коммунизмом и анархо-синдикализмом должно было бы заключаться единственно только в объекте пропаганды и субъектах организованности, но отнюдь не по существу. К сожалению, даже и у А. А. в этом отношении сказываются следы бывшего увлечения марксизмом, правда, все более изживаемые, но все еще не ликвидированные, которые заставляют его подчас перегибать палку в сторону чистого синдикализма. Давно прошло время теоретических споров о классовой природе интеллигенции, ибо этот вопрос — результат неправильных тенденций марксизма к фиксации чистых понятий, как социальных категорий. История русской революции ясно показала, что интеллигенция разбилась, причем часть ее стала на сторону октября, а часть, главным образом, чиновничество — пошла против. Ведь ни для кого не секрет, что как у большевиков, так и у левых эсеров главную роль играла интеллиген-

ция — безразлично, откуда бы ни вышли ее представители. Пусть даже количественно большая часть ее была против октября — это не важно, важно же только то, что большевики придали особый и по отношению к ним весьма понятный смысл противодействию интеллигенции именно в захвате государственного аппарата. Отсюда та ярость, с которой подобные же интеллигенты обрушились на чиновничество, подводя под него чуть не всю остальную интеллигенцию. Ведь не нужно забывать, что интересы октября — это одно, а интересы большевиков в октябре — это другое. Поэтому надо все время остерегаться при оценке роли тех или других групп населения, чтобы не поддаться монопольному гипнозу партии и ее критерии принять за критерии самой Революции.

“Мы не знаем”, — говорит А. А. (стр. 140), — “ни одного человеческого общества (задолго до образования государств), которое не было бы известным правопорядком. Совместная жизнь требует известных правил, но правила эти могут быть различны.

Наряду с юридическими постановлениями в любом человеческом обществе действуют еще особые нормы, которые Штаммлер называет “конвенциональными правилами”. Эти нормы — “в правилах приличия и нравственности, в требованиях этикета, в формах общественных отношений, в более узком смысле слова, в моде и во многих внешних обиходах, равно как в кодексе рыцарской чести”.

Реальная сила конвенциональных правил может быть значительно сильнее юридических предписаний. Повиновение им нередко заставляет члена общества вступить в конфликт с законом. Коренное, внутреннее отличие конвенционального правила от юридического предписания заключается в том, что первое имеет значение — “исключительно вследствие согласия, подчиняющегося ему лица, — согласия, быть может, молчаливого, как это большей частью имеет место в общественной жизни, но всегда вследствие особого согласия”.

Вот это право, право, как совокупность конвенциональных правил, обусловленных со-

гласием подчиняющихся им лиц, и есть собственно анархическое право. И это право... не отрицается ни одним из наиболее выдающихся представителей анархической мысли. Ибо ни самое существование общественной организации, ни ее технический прогресс — невозможны без определенного регулирования общественных отношений.“

“ Скажем категорически — продолжает А. А. (стр. 146.), “анархизм знает и будет знать — “право“, свое анархическое “право“.

Ни по духу, ни по форме оно не будет подходить ни на законодательство современного “правового“ буржуазного государства ни на “декреты“ социалистической диктатуры. Это “право“ не будет вдохновляться идеей растворения личности в целом, коллективе, все нивелирующем, всех уравнивающим в целях служения “общему благу“, придуманному “сверху“. Анархическое право не будет изливаться благодатным потоком сверху. Оно не будет — ни изобретенным, ни оторванным, ни самодовлеющим. Оно будет органическим порождением — беспокойного духа, почувствовавшего в себе силу творца и жаждущего своим творческим актом выразить искания свои в реальных — доступных человечеству формах.

Содержание этого права — ответственность за свободу свою и свободу других. Как всякое право, оно должно быть защищаемо. А конкретные формы этой защиты наперед указаны быть не могут. Они будут определены реальными потребностями анархической обществённости.“

Здесь А. А. безусловно прав, прав и в требовании “соблюдения договора“ в смысле, даваемого анархизмом, т. е. “несоблюдение“ должно считаться со свободой и самоопределением других, а это и приводит нас к конвенциональному праву.

Конечно, анархическое право существенно отличается от того, что под этим понимает государственность, и формулируя это право, мы можем дать ему такое определение, что оно выделит его из совокупности нормативных дисциплин вообще.

В самом деле, если рассматривать, чело-

века, его личность как единство всех тенденций, в нем заключенных, если рассматривать человека, как толпу гнездящихся в нем апетитов, желаний, стремлений и т. д., то мораль можно определить, как технику внутренних отношений личности, как то, что приводит “внутреннюю толпу“ к единству воли, к согласию, к гармонии, дающей самую личность, как единство. Но в таком случае в области анархизма право получает, наконец, свое адекватное определение, как техники внешних отношений личностей, как то, что приводит “внешнюю толпу“ к единству воли, к согласию, к гармонии, дающей самую общественность и организованность, как свободное единство.

Итак, право есть техника общественных отношений. Его задача — указать пути образования согласий и оптимальные формы их в зависимости от целей самих согласий.

Таким образом, совокупность техническо-правовых норм, как рекомендуемых, должна образовать кодекс, создание которого — задача анархистов. В таком случае каждая группа лиц желающих объединиться для какой-нибудь цели, сможет найти в таком кодексе формы соответствующей организации и ее нормы. Образуются всевозможные согласия и совокупность норм, действующих внутри них и вне, даст так называемое действующее право. Если же кодекс не дает ответа, то он может все время пополняться все новыми и новыми комбинациями.

Каждая воля, как индивида, так и согласия, свободна и может выделять те или другие средства самозащиты.

Принципиальное обоснование права может дать только новая религия с ее “евангелием права“, в дополнение и развитие “евангелия этики“. Как бы там ни было, но фигура А. А., как анархиста в полном значении этого слова — одна из светлых фигур на фоне как русской действительности, так и всего анархического движения, ибо она выявляет перед нами живой синтез теории и практики индивидуального и общественного делания в совершенно своеобразной комбинации. А. А. принадлежит к тем немногим анархистам, у

которых жизнь и революция сплетаются в одно гармоничное целое, не теряющее себя при всем кипении и постоянном стремлении вперед — к вершинам бесстрашного знания, в беспредельности личной свободы.

И мы позволим себе закончить нашу статью об глубоко уважаемом нами товарище — соратнике словами того анархического манифеста, который он опубликовал в конце своей книги "Анархизм":

"Анархизм — учение жизни. Анархизм рождается с каждым человеком и живет в каждом из нас, но подавлен — нищетой, робостью, лакейством перед людьми и перед теориями, привычками к насилию и развратной жизни. И нужны — смелость, просветление, жажда подвига, чтобы в каждом — и большом и малом — проснулся анархизм.

Анархизм — учение свободы! Не отвлеченной, призрачной свободы, но жизненной, реальной. В основе всех настроений анархизма — свободный человек, свободный от гнета учреждений, от власти законов, которые для него придумали другие. Но свобода анархизма есть свобода всех. Раз есть раб, он — несвободен. Анархист должен бороться до тех пор, пока не будут свободны все. Нет идолов для анархизма, ничего абсолютного, кроме самого человека, его свободы, его прав на безграничное развитие. Каков бы был общественный порядок, анархист всегда будет

стремиться дальше к новому, более совершенному, полнее и чище говорящему его анархической совести.

Анархизм — учение культуры! Ибо анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но к бережному хранению ценностей, в которые заключены творческие достижения человека, которые — необходимы, как средство к последовательному, непрерывному нашему освождению. Анархизм — наследник всех прошлых освободительных стремлений человека и несет ответственность за их сохранность.

Анархизм — учение любви! Ибо он учит любить не себя только и свою свободу, но каждого и всех. Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современные, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борьбе, разрушению насильнической системы, но не к мести и бесстыдным самосудам против отдельных лиц.

Анархизм — учение радости! Ибо он верит в человека, верит в его неограниченные возможности, верит, что своим подвигом для всех он связует все времена и всех людей. Так родится радость творца — величайшая из возможных для человека радостей!"

23 января, 1927.

А. А. Солонович.

АКРОСТИХ.

И ты, еще один среди немногих,
Бросал огонь на спящие снега.
Сказал о долге ты и жертве — в строгих
Единственных и красочных слогах.

Но тот, кто долг несет у нас,
Глядит жестоким и холодным,
Ему нет солнца, лишь луна
На очи свет кладет безродный...
Родится день и гибнет день, как жертва,
И мир молчит. Все сходит как волна,
Как тихий шепот смертный...

СЕРГЕЕВ.

А. С. ПАСТУХОВ.

Ф Р А Г М Е Н Т Ы

(Окончание).

2. АБСТРАКТНОЕ РЕШЕНИЕ

1. Анархизм обостряет антиномичность общественной жизни, так как своим воспитательным воздействием возбуждает все возрастающую активность личностей и почву для их столкновений — общественное единство. И в то же время он претендует на историческое разрешение ее. Следовательно, он должен ввести в общественную жизнь какой-то деятельный элемент, неинтеллектуального порядка, в еще большей степени разрешающий эту антиномию, не уменьшая возбуждения общественной активности.

2. Тем самым он должен превратить человеческое общество в какое-то образование неинтеллектуального порядка, формируемое этим элементом. Такая апокалиптическая задача требует от анархизма, чтобы он внутри себя дал живой образ этого нового образования (реализованный миф), и тем самым поставил себя вне обычных общественных форм. В этом и только в этом смысле анархизм, как живая историческая идея, имеет право утверждать свое отрицание организаций. Во всех остальных отношениях нужно рассматривать как историческое преступление, все продолжающееся организационное кустарничество там, где применимы более тонко рационализованные методы.

3. Интуиция свободы и радости, понимаемая, как любовь, позволяет, как известно, индивидуальностям принять в себя активность друг друга, не нарушая, а укрепляя, обогащая свою индивидуальность, вернее вскрывая в себе новые силы, новое богатство, новое достоинство, и тем самым раскрывая новое содержание и в своем единстве.

Историческая интуиция, понимаемая, как совесть, позволяет живущему поколению принять в себя жизнь прошлых поколений, как дар — в ценностях, в том лучшем, что может служить опорой и исходным пунктом дальнейших достижений, — и как задачу в тех отрицательных ценностях, которые можно

искупить, в тех антиномиях, которые нужно разрешить, и в том положительном, что нужно развить, как ценность или во имя грядущего поколения. Каждый исторический момент имеет, конечно, кроме этого наследства, и собственное своеобразие, собственную индивидуальность, свои ценности и задачи, которыми он придает всей истории ее единственный неповторимый лик. Тем не менее, как невозможна личность вне живого общества, так же невозможен и исторический момент вне всей истории, так как вся история — живое единство ее моментов.

4. Но интуиция редко достигает степени ясновидения, еще чаще затуманивается иллюзиями воображения. Конечно, если бы она обладала хотя бы той ясностью сознания своей природы, какой обладает современный интеллект, когда он противопоставляет себя увлечениям чувств, то она имела бы хотя ту же уверенность в саморазвитии, в „методе“. Однако, интуитивная философия еще в состоянии детства. Поэтому, интуиция принуждена, пока, опираться на интеллект. Правда, Кассирер, в замечательном двухтомном труде о символических формах мышления, требует уяснения мифа из природы его самого, утвердить мифологическое мышление в самом себе и пытается сделать это, исходя из факта наук о культуре и оккультных наук, аналогично тому, как это сделал И. Кант для интеллекта на основе физико-математических наук. Но мне, знакомому с этим трудом Кассирера только по прекрасному, но краткому докладу Лосева, трудно судить об успешности выполнения его задачи.

В силу этого, например, история не может, пока, обойтись без социологического фундамента, без понятий социологии. В силу этого же мы должны обосновать путь исторического разрешения антиномии общественности в абстрактных предпосылках живой эволюции правовых форм (соотношений общественных сил).

5. Науки о праве изучают формы взаимоотношений людей в обществе, не как естественный или исторический факт, но ища в них те принципы координации личного поведения и общественных установлений, которые обусловили их, как факт права, независимо от того, обусловлены ли эти установления волей господствующих лиц, или взаимным условием договаривающихся сторон, или целями, хотя бы и неосознанными, идеологического строения личностей и их общественного единства. Таким образом с точки зрения наук о праве, общественные отношения и общественное поведение личностей определяются целями их общественного единства, как общественной волей (установленным), независимо от принудительности и осознанности этих целей. Цели, общие всякой общественности, как таковой, формируют так называемое естественное право. Факты права, формируемые принципами, не обусловленными интеллектуальной волей личности, дают обычное право. Если же их таковая воля обуславливает, то, в зависимости от того, будут ли это акты принуждения или соглашения, право будет принудительным или условным.

6. Из всего хода наших рассуждений явствует, что для интеллекта приемлемо только условное право. Тем не менее, в силу того, что интеллект, практически, часто не в состоянии отстаивать свою самостоятельность и схватить все факты поведения, обычное и принудительное право сохраняют свой исторический *raison d'être*.

7. Интеллект, в силу своей природы, принужден в живом развитии принципов, формирующих право, отметить только костенеющие моменты, и, в силу этого, костенелые формы права, которые после этого каждый раз превращаются в некоторого рода химическое создание, тяготеющее над волей осознавших его личностей и определяющее, до некоторой степени, их поведение, в силу ли уважения к праву, или в силу интереса, или в силу косности. Поэтому несоответствие жизни с ее интеллектуальной формой так же, как и во всякой науке, заставляет вводить поправки или даже новые принципы в эту форму.

8. Мы сначала установим здесь, какой

минимум заостренных правовых принципов необходим, как нормальная основа для не-правового вмешательства анархистов в их целях разрешения общественной антиномии. Этот минимум должен, понятно, лечь в основу правовой общественной жизни, а, с другой стороны, быть характеризующим минимумом для анархистов с точки зрения их принципов. Другими словами, анархист, не выполнивший их, тем самым обнаруживает себя, как не анархиста, и поэтому терять неправомерный характер своей деятельности, становится подчиненным тем же принципам, как член правового общества.

9. Вышеупомянутые — интуиция свободы и радости, понимаемая, как любовь и интуиция историческая, понимаемая, как совесть, — является, как это обнаружил М. А. Бакунин, основными интуитивными принципами, определяющими анархизм, хотя бы они и не были осознаны анархистами. Идеи Фурье, Прудона, Годвина, Тэкера, Кропоткина и т. п. являются, собственно говоря, попытками разрешить анархическую задачу с помощью рациональных принципов совсем другого порядка, лишь в применении их невольно обуславливаемых анархичностью воли названных анархистов. Поэтому их идеи и висят в воздухе, как красивые формы, реально не гарантирующие анархизма.

10. Интеллект, поскольку он усматривает в личностях качественную однородность их идеологического строения, естественно обуславливает эту однородность во "всеобщем законе", как некоторое равенство. Тем не менее, как мы уже установили, с точки зрения индивидуализма, как интуитивно-философского ума зрения, это равенство будет характеризовать только некоторый минимум принципов, формирующих общественное единство, но минимум, на котором последнее только и может вырасти. Этот минимум и составляет собственно-правовой принцип, формирующий всякую рационально-построяемую часть права. Вообще же положительное право не рационализуемо. Например, обычное право жизни анархистов, поскольку оно определяется живой иррациональной идеей анархизма, выражен-

ной в вышеназванных двух интуициях, в каждый исторический момент дает несколько новых рационалистических утопий, и затем равнодушно покидает их. Также и в исторической практике анархизм будет давать бесконечное число разных рационализированных опытов общежития, все более выражающих его интуицию пока сама интуиция не встанет на достаточно твердые ноги, чтобы ясно и четко направить сознание личностей по чисто — интуитивным формам и путям жизни. Но там будут уже другие аспекты наших вопросов.

11. Таким образом, тот правовой минимум, который мы хотим построить, как необходимый, должен естественно исходить из перечисленных в предыдущей главе семи пунктов общих требований личностей в соединении их с принципами равенства, руководствуясь двумя основными интуициями анархизма. Первая интуиция естественно требует от общества гарантии выполнения необходимого минимума, содержащегося в тех семи пунктах. Вторая интуиция требует, чтобы при этом выполнении было гарантировано удовлетворение основных интересов предыдущих и грядущих поколений.

12. Требования семи пунктов естественно выдвигают необходимость двух основных общественных институтов:

1. **Институт опеки**, в задачу которого входит охрана существования не могущих жить самостоятельно и воспитание в них такого кругозора и навыков, которые дали бы им эту возможность.

2. **Институт обезпечения**, в задачу которого входит охрана и обезпечение права зрелой личности на минимум самоизоляции, самообслуживания и самозащиты.

Вторая интуиция выдвигает в свою очередь необходимость **института охраны и увеличения общественного богатства**.

Работа учреждений этих трех институтов, конечно, должна быть согласована в паритетных учреждениях **института правовой нормы**.

В свою очередь, контроль со стороны общества за деятельностью учреждений этих институтов неминуемо требует совершенно независимого от них **информационного бюро**, ко-

торое, кроме прочих общественно-полезных сведений, имело бы полную и ясную картину деятельности учреждений этих институтов и опубликовывало ее во всеобщее сведение.

Понятно, что все эти институты представляют из себя минимум необходимый для всего общества, и никоим образом не могут быть предоставлены частной инициативе. Поэтому, всякий, невыполнивший их требования, поскольку они логически, из принципов институтов, неоспоримы, — не может пользоваться предоставляемыми ему правами, и, тем самым, исключается из общества. У него остается только одно гуманистическое право — на "дикое" существование.

13. В этих институтах исчерпываются всеобщие правовые интересы, и поэтому все остальное, несомненно, должны взять те общественные союзы, которых то или иное дело непосредственно касается. Конечно, условное право этих союзов потребует, в некоторых случаях **института гарантий** соответствия договорных обязательств принципам минимума правосознания и выполнения их. В остальной сфере должно царить обычное право. Так как оно тоже должно выполнять наш минимум, то институт гарантий должен наблюдать и за ним.

Все, что является чисто личным делом зрелых индивидов, не может подлежать никакому правовому наблюдению. В отличие от полицейского наблюдения. Наблюдение институтов минимума, по отношению к зрелым, т. е. способным самообслуживаться естественно может быть лишь наблюдением за общественными формами поведения, а не за самим поведением.

14. Резюмируем картину. Каждая несамостоятельная личность, как то: дети, молодежь, старики, больные, калеки, неумеющие работать и т. д., подлежат институту опеки, который, если это возможно по организации опекаемых, воспитает в них эту самостоятельность, если нет, даст им возможный минимум существования. Самостоятельность, естественно, определяется только способностью интеллектуального и биофизического самообслуживания и самозащиты. Личность, обладающая

самостоятельностью или механически (но по ее желанию), вступает во всякий союз, условиям которого она удовлетворяет, или создает новые союзы. Это будут экономические (производство и потребление), национальные, самообразовательные, научные, религиозные и т. п. союзы. Но всякое общественное единство, как мы обнаружили, посягает на свободу личности. Поэтому общество должно гарантировать каждому возможность такого минимума самообслуживания, в котором личность не подвергалась бы совершенно давлению общественного единства, исключая выполнения основных всеобщих норм, подлежащих институту нормы. Тогда право каждой личности на минимум самообслуживания даст ей возможность в любой момент спокойно самоизолироваться от общества, только ради ощущения свободы, но также и для давлений "забастовкой" на давящую группу или личность.

Каждая личность для самообслуживания и взаимопомощи пользуется общественным богатством: минеральным, растительным, животным, орудиями труда, удобствами материальной культуры и ценностями духовной культуры. В этом отношении она подлежит институту охраны и увеличения общественных богатств. Каждый союз ведает соответствующими ему богатствами на равных правах всех членов союза. Но интерес истории требует, чтобы эти богатства в своей ценности по мере соответствовали бы росту количества населения, потребностей и задач. Это соответствие и должно быть строго учитываемо и выполняемо всем обществом, почему и необходим соответствующий институт. Институт нормы, учитывая все требования наших институтов, только согласует и вырабатывает единую всеобщую норму прав и обязанностей, невыполнение которой может поставить личность вне общественного попечения, исключая, разве, гуманистического права на "дикое" существование.

Конкретное содержание всем этим основным принципам нормального права дает, конечно, лишь исторический момент. Утопий здесь строить не приходится. Но не трудно обнаружить, что эти принципы лежат в основе

всякой общественности, и только сила групп, основанная на неумении личностей учесть и отстоять соответствующие нормы и преступающая границы этих норм, составляющих существо правовой свободы, искажает общественную жизнь.

16. Что же может гарантировать правовое равенство в союзах и меж союзами и нормальную работу институтов? Прежде всего культурная работа анархистов, воспитывающая нормальное правосознание, примерно выполняющая и готовая силой отстоять его.

Но, конечно, одни анархисты не в силах будут его отстаивать. Следовательно, поскольку они будут участвовать наряду со всеми, в общественной работе, они должны будут настаивать на такой структуре союзов, которая не угрожала бы нарушением этих норм²⁾.

17. Но такая непрерывная борьба в обществе за минимум нормального правосознания только тогда не поставит анархистов против озлобленных противодействием общественных сил, если эта борьба будет только минимальной частью культурной работы, увлекающей и жертвенно принятой на себя, т. е. уже чисто анархической работы.

Это будет характеризовать анархизм уже как своего рода рыцарство новой эпохи. В этом смысле он и должен формировать свои силы, никогда не сливаясь с обществом.

18. Так как этот минимум нормального правосознания обязателен для всех анархистов, а все, в чем они могут различаться, будет нечто сверх этого, то, разумеется, только он и может лечь в основу единой боевой программы анархистов. Все остальное будет характеризовать лишь или фракции анархизма или его творческую инициативу.

Следовательно, современный анархизм должен так сказать с цифрами в руках вырабатывать минимум сегодняшнего нормального правосознания и построить на нем свою единую боевую программу. Этот минимум, конечно, аналогичен не минимум-программе партий, но их максимум-программе. Наш минимум для них страшнее их максимума. Об-

2. Вопрос о возможных формах таких союзов требует специального исследования, т. к. в нем заключается обоснование фракций анархизма.

щество, построенное на основании этого минимума, и будет анархическим обществом. Но если к выполнению этого минимума анархисты призывают принуждением силой, вплоть до революции — то в своих дальнейших заданиях сверх этого минимума они могут, в силу своих принципов, лишь увлекать примером.

Под влиянием их работы реальное (не на словах и не в уме, но в поведении) правосознание членов общества будет нормализоваться, их умение реализовать прямым действием нормальный минимум будет возрастать — и в этом будет вторая и окончательная гарантия. Вопрос о науке и технике реализации нормального минимума прямым действием должен быть предметом специального исследования для анархистов.

19. При интенсивной творческой работе анархистов общество будет культурно расти быстрее, чем будет рост минимума правосознания, и, следовательно, все в большей степени выходить за его границу, сливаться с анархизмом, что только и может обеспечить окончательное разрешение антиномии.

20. Итак, анархизм должен выработать минимум сегодняшнего нормального правосознания, как свою границу, и на его основании создать боевое движение этого минимума свободы, работая, но не растворяясь в этом движении. Задача этого движения — отвоевать этот минимум перед существующей организацией общества, и, тем самым, реорганизовать его в анархическое общество.

Но конечно, т. к. всякий общественно-необходимый минимум стремится превратиться в максимум, заполняющий все силы и время членов общества, то анархизм должен каждый раз определять его границу, чтобы оставить достаточное место для независимого от общества самостоятельного творчества. Иначе, анархизм сам будет обречен на гибель, а с ним и творческие перспективы всего человечества.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА.

Мертвые, возстаньте,
И — с нами — вперед.

1. Как, на основании взаимного роста общественного богатства, населения и его по-

требностей, расчислить, каким должен быть (в конкретных условиях момента) минимум нормального правосознания, — это должно быть делом обоснования программы движения анархического минимума.

Однако, полная фракционная свобода в анархизме показывает, что его центр тяжести лежит не в этом минимуме, а в самих фракциях, в ценности их своеобразия, их сотрудничества. Минимум — это лишь опора.

И если узость мышления представителей фракций заставляет их вступать в теоретическую драку меж собой, и, даже, обвинять друг друга в не-анархичности, это не страшно, это выпрямит их из не-анархических уклонов в либерализм, в социализм и т. п.

Мы-сознавшие единство анархической идеи, мы должны заняться критикой фракций не для их опровержения, напротив — мы должны заняться ею для обоснования существования фракций из существа анархической идеи. Мы должны также обосновать возможность и необходимость сотрудничества фракций.

В свое время я настаивал на этом в своем письме в В. Ф. А. (ныне покойному А. А. Карелину), выдвигая идею "интегральности" анархизма.

2. Анархизм не есть ни социализм, ни индивидуализм: он — оригинальное разрешение их антиномии в истории. Но в силу такой причастности их идеям он дает соответствующие фракции, как внутри себя, так и в движениях социализма и индивидуализма.

Ни обобществленные орудия производства, ни коммунизм потребления, ни технические проблемы управления национальным или мировым хозяйством не есть суть социализма: все это лишь внешние обнаружения его, его средства. Суть — в реальной целостной напряженности жизни всего общества, в единстве движущей и организующей его идеи, интеллектуальной или национальной — все равно, в социальном усилии к возможно полному и напряженному единству.

И анархизм, если он хочет стать не номинальным, но реальным разрешением антино-

мин, — должен показать *de facto*, что он способен ввести в реальную жизнь сегодня эту целостную напряженность действия, объединяющего общество (его революционную часть) во всеобщем созидании и достижении.

Но и индивидуализм не является равнодушным предоставлением индивиду произволу случайности, судьбы и силы; напротив: индивидуализм — социальное усилие к предоставлению индивиду возможностей его возможно полного самоосуществления.

Мы уже говорили о том, что может сделать анархизм в этом направлении.

3. Для терминологического удобства мы воспользуемся идеей Лейбницевых монад и сведем социалистическую терминологию к индивидуалистической, понимая такие единства как род, партия, нация и т. п., как индивиды разного порядка. Тогда, как это заметил еще М. Штирнер в своей знаменитой тираде в начале — “Единственного.....”, антиномия общности сведется к вопросу об отношениях меж индивидами одного и разных порядков.

4. Внешнее обнаружение проблемы индивидуализма можно, при желании и живости фантазии, найти чуть ли не в самых первичных формах жизни.

Но если, например, дерево в лесу тянется вверх, а на поляне раскидывает ветви шатром в ширь, — мы не знаем, насколько здесь реализуется свобода и насколько это обусловлено действием лучей солнца и условиями пользования ими, мы не можем здесь отделить одно от другого. Также и судорожные порывы рефлексов баранов, стиснутых в столпившемся стаде, — мы не знаем, насколько в них может быть отделен “рефлекс свободы” (знаменитый термин И. Павлова) от инстинкта самосохранения.

Правда в моментах патологических 3, — и в этом глубокий смысл известной легенды о грехопадении, — когда в извращениях и в героизме преодолевается “нормальное” название инстинкта, — впервые обнаруживается индивид, как определяющий свои цели из

себя, из особенностей своего строения. Но здесь то уже и положена глубочайшая грань между сатаническим индивидуализмом и индивидуализмом анархическим: — это грань между извращением и героизмом, между подлостью и рыцарством.

5. В своей прекрасной книге о “Взаимопомощи” П. А. Кропоткин необычайно ясно (и в этом его первенство над междупрочими замечаниями Ч. Дарвина) показал, что героические акты среди животных, преодолевая “нормальные” инстинкты, тем не менее еще в большей степени способствуют процветанию рода — индивидуальности другого порядка, чем индивид. Но он не понял всей универсальности значения этого факта, дающего возможность установить космическое определение индивидуализма анархического и индивидуализма сатанического и их границ:

существует два полюса индивидуализма:

1. Анархический. Его принцип: свобода индивида — в свободе, радости⁴⁾ и полноте самоосуществления других индивидов, в том числе и разных порядков.

2. Сатанический (властнический). Его принцип: свобода индивида — в извращении, унижении и шаблонности обнаружений других индивидов, в том числе и разных порядков.

Между этими двумя полюсами колеблется весь спектр форм индивидуального и коллективного поведения.

6. Нетрудно теперь показать, что две интуиции, о которых мы говорили выше, как о принципах анархизма, тождественны по существу, если рассматривать исторические целые, как индивиды другого порядка.

7. Мы, как следует из вышесказанного, определяем индивидуализм, как социальное усилие в направлении осуществления вышеперечисленных семи пунктов относительно индивидов общества. Следовательно, проблема индивидуализма формулируется, как вопрос о социальной возможности этого осуществления. В предыдущей главе мы показали, как можно наметить абстрактные вехи по пу-

3) Я разумею патологию его формирующего принципа.

4) При внимательном самонаблюдении можно в своей эмоции отличить эмоцию, например, рода от своей личной.

ти осуществления. Но нам нужен исторически — исходный пункт, чтобы знать, что делать дальше, на чем строить. Вся история, в том, что она уже сделала до нас, должна быть взята за опору.

Бласко Ибаньес в конце своего романа "Власть мертвых" настаивает устами одного из героев, что надо "убить мертвых", что слишком долго Иисусы, Магометы, Будды пеленали человеческую мысль и жизнь, что пора начать жить в совершенно новых формах, взятых из собственного живого разума.

Но он забыл, что слишком мелко плавает даже самый большой разум, если он смотрит только с высоты собственной колокольни. Глупо быть рабом истории, мыслить только в рамках мысли историей данных гениев. Но нужно увидеть историю, чтобы понять, что "мертвые повелевают" лишь слепыми. Для сознавших свою историческую свободу они могут быть друзьями и соратниками. Гигантские силы, скопленные тысячелетиями, таит в себе история. Наши силы слишком малы, чтобы отказаться от тех сил.

8. Если народ русский жил чуть ли не до последнего времени духом славянских "Тайн Еноха" и знаменитой "Голубиной книги" — духом гностики в ее средневековом преломлении, — русская интеллигенция восприняла от западной дух Спарты, Афин, Иерусалима и Рима в стиле Возрождения. Таков самый древний, известный нам, аспект современного мышления.

9. Социальное усилие, будет ли оно социалистическим, индивидуалистическим или еще каким, не всегда выражается в организованных движениях с определенным символом веры и действия (программой) и с уставом. Церкви, секты, партии и союзы — только поверхность социальной жизни, наиболее освещенная дневным светом интеллекта, выкованная сознательной дисциплинированной волей. Но само море социальной жизни — в статистике масс, их поведения, их быта. Социальное усилие может даже не быть оформлено в чью бы то ни было идеологическую систему. Но читать идеологический смысл бы-

та и статистики поведения — чрезвычайно трудно. Легче сделать обратное: по вычеканенным и рационализированным системам понятий (мировоззрения) и отношений (право) судить об идеологических силах, скрытых в быте и экономике и формирующих их. Так поступают рефлексологи, когда по психике реформируют физиологию поведения в систему условных рефлексов. Так же должна понимать свое дело и социологическая часть истории, когда она усматривает коррелятивность между, напр. государственным правом и экономической стихией, как фактом неписанного права. Тогда она вскроет в быте возможно глубже то, что принадлежит интеллектуальным началам, и потому может быть рационализировано. Об этом, меж прочим, и мечтает марксизм; но гегельянству, и потому неправильно поставив задачу, он считает, что рационализуемо все — в силу этого он не имеет метода видеть, что действительно рационализуемо. Об этом придется позаботиться анархизму.

10. М. А. Бакунин, конечно, глубоко прав, когда говорит о богатстве и глубинности социального творчества масс. Но оно так стихийно, так, создавая множество разных начал общежития, сталкивает их во взаимном противоречии, так изменчиво, никогда не доводя своих форм до их логического конца, что невозможно ожидать от такого хаоса образования мощных форм человеческого общежития. В этом хаосе еле родившиеся формы уже топчут друг друга. Без могучей упорядочивающей мысли, без единой, выдержанной, как сталь, воли невозможно строить полноценную и красивую общественность. Но обычно эта мысль была насильем, властью. В анархизме она должна стать опорой, — она должна стать первым, равным среди первых, пером.

11. В принципе история дана вся сразу. Средневековый художественный и религиозный взор так и видел ее. Мертвые незримо идут рядом с живыми. Слабых мыслью и волей они направляют в вещах, обычаях и преданиях, в привычных и инстинктивных формах мышления и поведения, в крови. Мы освобождаемся от их власти. Но тем более

мы ищем в них друзей и самопознания: не зная их, мы не познаем себя.

12. С. Я. Лурье в книжечке "Предтечи анархизма в древнем мире"⁵⁾ рассказал об удивительно современных нам формах трактования проблемы индивидуализма в античном мире. Его работа далеко не полна, грешит произвольными утверждениями, иногда весьма не тонка по приемам анализа и пониманию вопроса, — но она — первая в этом роде. В этом ее ценность, этим же объясняются и ее недостатки. Она обязывает продолжить дальнейшее исследование, углубить его. Приспособленческий (похожий на марксистский) метод, весьма удобный для политических целей и для приспособленческой психики масс, составляет один из существеннейших недостатков книги. В с. д., объяснять психику, как приспособление к экономике, идеологию, как приспособление к господствующим или имеющим господствовать группам: кастам, сословиям и классам — является позорнейшим фактом в науке, философии и жизни, позорнейшим фактом для человеческого мышления, позорнейшим фактом не с точки зрения морали (что — само собой), но — науки, как таковой, методологии наук.

Каждый человек, каждая группа выражает себя, свои внутренние формирующие принципы в словах и действиях. Немуздурно, поэтому, что идеология сформирована так же, как и экономика и политика: деятель один — человек, как он есть. С марксизмом я полемицировать здесь не намерен: он банкрот и теории и жизни. Но нужно напомнить подпадающим его приспособленческому гипнозу: новая экономика формируется еще в недрах старого общества — в психике, в незначительных уклонах бытового поведения. В месте с психикой она и вырастает, встречая и сама создавая благоприятные для себя условия. Приспособление не создает принципа, а только обуславливает возможность тех или иных его деталей. Только невероятная грубость и расслабленность мысли интеллигенции, выросшей на популяризме, обуславливает в современности господство таких неле-

пых взглядов. Я сам прошел через их школу, и рад, что освободился от них.

13. Мы уже отметили, что там, где интеллект выступает самостоятельно, не как исполнитель родового принципа, он обнаруживает существование индивидуалистической проблемы. Пусть это будет новая идеология, полагающая в разуме путь осуществления жизненных задач. Пусть это будут ремесла и занятия, лежащие вне родового интереса. Пусть это будет творческая наука, полагающая в логике основу познания.

Конечно, разрушение рода внешними силами (войны, нужда и т. д.) способствовало этому, ускоряя процесс, разрубая сдерживающие силы, вызывая напряжение внутренних сил. Но пока интеллект не дорос до самостоятельности, такая "революция" обычно повергала людей в состояние маразма, если они и не находили вновь привычных форм жизни. В господствующих кругах родовой организации, естественно, необходимо моральное мужество на самоопределение, к которому толкает нужда самоосуществления. В подчиненных кругах нужда обостряет необходимость самоопределения, если есть возможность его осознания. Так создаются вольные странствующие профессии и разлагают принципами своего интеллекта данную организацию на враждующие интересы, внедряют в нее свои принципы или пробуждают их в тех кругах, которые не могли сами осознать свою самостоятельность. Т. о. т. называемый классовый интерес является на самом деле принципом не имеющим никакого прямого отношения к классу, но только получивший бытовое оформление в жизни этого класса. Антагонизм классов появляется только с момента обнаружения соответствующих принципов неклассового характера, но в бытовых формах жизни классов неминуемо обуславливающих этот антагонизм. Характерной иллюстрацией к нашим заключениям и является существование реформистского марксизма наряду с революционным.

Поэтому понятно, что самосознание класса является осознанием его своеобразия в оформлении (реализации) общечеловеческих

5) Книгоиздательство "Голос Труда" 1926 года.

принципов и задач, в защите той стороны этого своеобразия, которая осознана им, как нормальная, и в устранении ненормальной (вредной) стороны. В этом отношении сознание, например, славянофила Хомякова явилось неизмеримо более чистым сознанием дворянского сословия, чем сознание к.-н. Салтычихи. Класс разрушается и уничтожается другими классами только тогда, когда он теряет принципы своего классового (сословного) назначения и, тем самым вступает в эгоистический антагонизм по отношению к живым классам.

Марксизм не дал рабочему классу его классового самосознания. Это должен сделать анархизм.

14. Софисты Греции и пророки Иудеи были первым, дошедшим до нас, ярким публичным выражением индивидуалистической проблемы античного мира. Не-публичное выражение ее в тайниках тайных обществ конечно было и в других государствах, вроде Египта, где всякая публичность вытравлялась жестокой цензурой и закрашивалась блестящим культом. Но о тайных обществах мы можем судить только по формам явных общественных движений, современных, где есть публичность, и позднейших, где нет ее.

Стоя, Пифагорейство и Платонизм, Христианство и гностики, Талмуд, культы Митры и др., — все это дает понять о существовании гигантской общественной работы, проделанной античностью.

Софисты утверждали индивидуализм силой интеллектуального убеждения: стили, риторики и логики. Пророки — силой вдохновенной эмоции и интуитивных прозрений, откровения. Софисты дали опору Сократу, пророки — Христу.

15. “Человек⁶⁾ — мера всех вещей” — это положение Протагора является, как мы уже видели, основным положением индивидуализма. Но какой человек? — человек ли переживаний или человек разума? И как осуществляется эта мера? — в силе или в разуме? в собственной ловкости или в общественных гарантиях? в личной независимости или в кооперации?... Все эти вопросы были

поставлены греческой философией и разными школами решены по своему.

Любопытно, что метод обоснования морали у софиста Антифонта, этого античного собрата М. Штирнера⁷⁾, не выдержал в индивидуалистическом духе, но иногда прибегает к принципу натурализма а la Кропоткин: личный интерес решает вопрос о поведении человека, но..... животные поступают так то, следовательно..... так и нормально поступать.

Сократ в противоположность софистам, не делает разум слугой убеждения и орудием выбора, но ищет в нем посредством диалектики понятий, последних оснований для оценки поступков. Его анализ выделяет из эмоциональных оценок познание объективных ценностей.

Антисфен, синтезируя софистов и Сократа, замечает несоизмеримость мира понятий. В действии, а не в размышлении он видит суть отношения к миру.

Мы уже видели все эти типы индивидуализма. Т. к. мы здесь не занимаемся ни историей, ни социологией, а только отмечаем некоторые интересные моменты, то мы отложим интересное исследование проблемы индивидуализма в историческом и социологическом отношениях до более удобного случая.

16. Как, однако, ставили мыслители античности проблему индивидуализма, и как думали они гарантировать ее решение?

Антифонт довольно тонко анализирует противоположность государства и индивида, права — закона и естественного права, и полное отсутствие реальных гарантий в действии права по отношению к индивидам. Но единственный выход, который видит Антифонт, это — обход законов, несоблюдение закона, когда нет свидетелей, и — кружки друзей. Не видно, чтобы свои принципы Антифонт пытался внедрить в классовые отношения и общественные силы того времени, чтобы сделать их общественно действенными. Действительно-действенные ученики Антифонта (нищанского типа) стали тиранами.

6) Конкретный, единичный.

7) См. С. Я. Лурье. “Антифонт..... “Ки-во Гос. Труд” 1925.

Киники поступают еще проще. Они гарантируют независимость ограничением потребностей и отказом от гражданственности.

Т. о. здесь индивидуализм не стал вполне действенным единством в общественных движениях эпохи, не был социально-творческим фактором, но расплылся в общественной массе и только проповедь и пассивное сопротивление были методом самоосуществления.

17. Индивидуализм сказывается, конечно, и в государственных теориях того времени, например, у Платона. Индивиду рассматриваются, как цель государства. Но, одно дело — цель теоретическая, другое — практическая. Личность, как практическая цель, и потому — строящая государство из принципа своих целей, как средство самоосуществления, — чужда этим теориям.

Аналоги нашей эпохи рассмотрел для Франции А. Мишель в своей прекрасной книге "Идея государства".

18. Пророки Иудеи, в противовес эдемистической критике со стороны греческой философии, дают мощную моралистическую критику и затем открывают взору невиданную картину религиозного идеала, сразу дающего единство индивидуализму, как социальному усилию.

С этого времени индивидуалистическая идея оформляется в пределах философии софистов и Сократа и пророческого идеала будущего. Вот что дала нам античность.

19. Эллинистическая эпоха характерна уже могучей активностью индивидуалистической общественности. Стоя, Плотин, Есеев, Христос и гностики, с одной стороны, бунтующие плебеи и рабы — с другой.

Стоя рассматривает естественное право уже не только, как оправдание "незаконного" поведения, но и как основу индивидуалистического построения общества. Общество, вслед за идеями Сократа, рассматривается уже не как естественный факт, но как интеллектуальное единство, оформленное естественным правом, но искаженное в уклонах реального положительного права. Правда, полноправны в обществе лишь боги и мудрецы, остальные же, поскольку они не возвысились до му-

дрости, ограничиваются в правах. Но эти различия в правах являются различием в моральном уровне.

Наконец, у Платона индивидуализм получает упомянутый уже нами космический и мистический смысл.

Здесь греческая философия завершила себя.

Но в тайных общинах ордена ессеев уже создавалась практика новых (идеальных) форм общепития, столь блестяще развернувшаяся во внешних общинах христиан. Если в Стое сутью братств была сократическая "автаркия", блаженное самодовление, то у ессеев этой сутию было боевое напряжение. И вот раздалась проповедь явного всем достижения "Царства Божия", и образ жертвенного пути дан был человечеству в Тайной Вечери, чаше и кресте (чаша Сократа и тайная вечеря ессеев здесь получили смысл и завершение).

Самые тонкие образования человеческой психики были умело облечены в форму простую, столь близкую первобытно-магическому мышлению масс, что одинаково увлекали, как людей эллинистического философского вкуса, так и некультурных бедняков и рабов греко-римского мира. Народная литература времени была использована для этого с тем искусством, которое обличает долгую подготовительную работу в тайных обществах. В евангелиях резко чувствуется, где говорит Иисус, и где — гораздо менее культурный записчик или переписчик.

Это и обусловило колоссальную историческую действенность христианства, тем более, что, повидимому, в основу его встала действительно титаническая личность. Факт несравнимого личного обаяния передался на тысячелетия, волнуя все слои общества.

20. Индивидуалистическая проповедь божественного сыновства людей и их свободы в этом сыновстве, призыв освободиться через познание Истины имеются уже и в Стое. Но там это было достоянием мудрецов, здесь —шло в массы живым делом преобразовывать мир, там дышало разреженной отвлеченностью концентрических кругов упостижаемых небес, здесь — било кровью жизни. Логос, пре-

образующий мир, стал не только Сократическим Словом, но и живым христианским Делом.

У гностиков этот живой мистический трепет космического единения разворачивает с почти бредовой осязательностью картины преобразования и путей жизни мира.

Но и религиозный экстаз, и обаяние могучей личности тоже не спасли мир, не создали реальных общественных гарантий свободы. Церковный компромисс со слишком человеческим в обществе дал возможность использовать саму церковь, как орудие рабства.

Индивидуалистическая проблема, подучив в первоначальном христианстве наивысшую напряженность — изгоняется из сознания людей “христианской” церковью. Сыны Божии превращаются опять в рабов Божиих. Божественная акратия лучших Стои и гнозиса заменяется авторитарно — иудействующей теократией, а затем, по крушении церкви, языческой идеократией партий. Апокалиптический новый град, сходящий с неба, преломляется через Августиновский “Град Божий” в теократическое государство и гражданскую коммуны.

21. Вольное рыцарство средневековья в своей борьбе с папством и королями выковывает идеал достоинства и духовной и физической мощи свободного человека-христианина, а участием в массово-народных движениях общин и сект подчеркивает сугубо боевой характер христианской взаимопомощи. Мощь личности утысячалась мощью рыцарской готовности и согласованности и монашеской выдержки. Но — массам был чужд рыцарский идеал, и с их помощью короли и папы разгромили вольное рыцарство.

Но в тайных братствах народа и орденах ремесленников и монахов тоже живет индивидуалистическая проблема. Монастырские общины и сектантские братства таят мистико-индивидуалистические ереси и нередко вступают с ними на арену социальной жизни, воскрешая попытки преобразования мира. Вольные коммуны городов и их федерации дают образ внецерковного и внегосударственного общественного строительства. Выработывается идеал вольного гражданина и граждан-

ского общества. “Верность”, договор является принципом общественного единения.

В средневековьи проблема индивидуализма весьма богата своими формами. Но, повторяю, я здесь намечаю лишь вехи своих мыслей, а не веду исследование. Т. к. современность только еще начинает прикасаться богатству средневековых идей, я пройду здесь мимо них. Тем более, что история проблемы индивидуализма требует большого специального труда.

22. Христианство, становясь церковью, приняло в качестве органической составной части единства ее мирского тела все социальные грехи и настроения. Т. е. его задачей здесь стало-непрерывным напряжением воли преобразовать, одухотворить свое тело, преодолеть в нем все противоречия организующих принципов в высшем единстве. Но импульс Христа здесь скоро иссяк, — и церковь скатилась на методы инквизиции и внешних реформ, методы бессильные что либо преобразовать. Выпавший из ее рук меч взяла теперь бездушная идеократия партий.

С другой стороны, христианство, ушедшее в чистоту идеала в аскетических сектах и в вольном монашеском рыцарстве, противопоставило миру высоту жизни своих организаций, и тем вырыло непроходимую пропасть меж сатанинским миром и своим идеалом, меж апокалиптическими образами града блудницы и грядущего града. Такой непримиримый дуализм естественно требовал разрушения враждебных начал и творчества новых (Страшный Суд, сожжение старой земли и создание новой: “И увидел я новое небо и новую землю”).

Так вырастило Средневековье современную противоположность реформистских и революционных течений в противоположности принципов “преобразования” и “разрушения — творчества”, традиционного социализма и традиционного анархизма.

Грядущий анархизм должен раскрыть вышедший принцип, разрешающий эту противоположность. Реформизм осужден катиться к соглашательству, а революционаризм — к социальной бесплодности, т. к. разрушение народ-

ного порядка, как хозяйственного, так и бытового, обессиливает творческие силы народа, подвергает его опасности маразма.

Современная общественная практика не имеет новых тем, но представляет из себя лишь новые вариации на старые темы. Своеобразие современности больше в действии, чем в идее, тактика и стратегия — гордость современности. Раскрывая свой принцип, грядущий анархизм неминуемо даст оригинальную тему в разрешении индивидуалистической проблемы.

4. ПРИМЕНЕНИЕ АНТИНОМИИ К КРИТИКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОПРОСОВ.

1. Критерий истины каждая личность несет в самой себе. Ее личный опыт и опыт общества, получаемый ею в виде мнений доводов, легенд и фактов, — в конце концов сводится к диалогу ее и истины, ее с самой собой. Общественное мнение может быть только предметом доверия, но не субъектом истины. И если для многих оно еще и является таковым, — это лишь показатель, что их сознание не доросло до знания собственных сил и собственного достоинства и подчинено коллективным эмоциям.

Бессознательное и сознательное, словом и личным и общественным делом, обнаружение интеллекта человека дало нам антиномию общности. И, если мы хотим быть реалистами в трактовании общественных вопросов, мы неминуемо должны считаться с фактом этой антиномии.

2. Мы здесь рассматриваем вопросы отвлеченно. Но за отвлеченной мыслью должно следовать ее развитие, ее реализация в конкретной обстановке. “Вначале бе Слово”. Но Слово воплощается, “плоть быть”. Только в таком случае для нас, реалистов, идея обладает ценностью, мысль — смыслом. Конечно, собственная ценность идеи и собственный смысл мысли определяются их внутренней природой и их местом в космосе, но наша воля хочет видеть в этих призраках кровь и землю нашей жизни, и только тогда она примет их.

3. Применять антиномию к критике об-

щественных вопросов можно очень и очень разнообразно. Но у нас есть определенные общественные цели, и преломляя вопросы через их призму, мы направляем применение антиномии к выявлению в вопросах общности их анархического смысла. Мы ищем:

1) Как выглядит наша антиномия в рамках данного вопроса:

2) Каковы реальные гарантии для требований личности и общества в рамках данного вопроса.

3) В чем состоят возможности анархического преодоления антиномии в рамках данного вопроса.

5. ИДЕОЛОГИИ.

1. Я знаю, что индивидуализм (анархический) не может сплотить вокруг своих идей человеческие массы: для этого необходимо высокое сознание о своем и чужом достоинстве, о своей и чужой свободе, а их мало у масс, — последняя революция еще раз ярко показала это. Нужна распыленная в массах богатая духовно-социальная жизнь, нужна долгая и трудная работа, чтобы разбудить их в массовом сознании.

“Panem et circenses” да философия кулака и гешефта — вот и вся несложная мудрость века, вековая мудрость, определяющая пока успех социальных движений. “Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами...” И, ведь, в этом есть некоторая правда, которую нельзя забывать.

Тем не менее я не отступаю, я настаиваю на своем требовании ни в коем случае не снижать наших устремлений до уровня признания самодовлеющего значения правовых и технических задач хозяйственной и административной жизни страны. Высшие возможности и формы социального и индивидуального творчества и простора для них — вот наша цель. Человек, как преодоление самого себя — вот что мы должны изучать. А право и техника имеют оправдание лишь, как средства для них, для высшего самоосуществления людей. Показать сегодняшнюю реалистичность, развернуть сегодняшние возможности этих устрем-

лений, — вот о чем мы должны позаботиться.

2. Я знаю, что индивидуализм (анархический) не может сплотить вокруг своих идей человеческие массы, даже, если он докажет, что через его устремления и только через достижения его устремлений разрешатся вековые проклятые задачи экономики и общественного строя строительства: максимальное выполнение общественной справедливости при максимальном возрастании общественного богатства и удовлетворения потребностей и при максимальной свободе самостоятельности. Не может сплотить, т. к. слишком мало у людей доверия к своим исканиям, к своим силам, к своей воле, слишком много густого зазнайства, самодурства. Слишком мало у людей самокритики, вечного горения в поисках совершенного. Не умеют они сочетать то и другое.

Тем не менее я не отступаю, я настаиваю ни в коем случае не снижать наших устремлений до уровня потребностей масс, до их маленькой "свободы", до их тоски по тихом коммунистическом блаженстве. Долгой и упорной работой мы должны разбудить в самих массах руководящие нами высшие творческие задания, и пусть техника и право служат их одухотворенной самостоятельности, пусть они перестраиваются в новые формы, устраняющие общественную дисгармонию, в силу воли масс к этим новым устремлениям, в силу неизбежности переустройства хозяйства и административной организации в процессе разрешения этих высших задач. К культуре, нашей культуре нам нужно призвать массы, сделать ее второй природой их жизни.

Пафос достижений современной техники, современного хозяйства гипнотизирует тех, кто слаб волей и сознанием своих высших задач, гипнотизирует и многих из нас. Не задерживая, но, даже, в силу реализации наших задач, усиливая требования к развитию техники и хозяйства, к их организации, мы должны преодолеть этот пафос, обнаружить перед массами его жалкую бедность перед силой наших задач.

Но для этого кем должны стать мы сами?

3. Раз индивидуализм (анархический)

не может сплотить вокруг своих идей массы, он вынужден сделать это через другие движения. Какие — это нужно исследовать.

Многие вопросы мы здесь не решаем, т. к., в силу многих и многих обстоятельств, они должны быть решены "в тишине и безмолвии непреклонной решимости", как говорит Ф. Соллогуб.

Пора внешнего драматизма с боевыми эффектами для анархизма кончилась. Наступает время глубокого внутреннего трагизма, величайшей сосредоточенности воли, величайшей выдержки. Сталь воли и характера будет решать вопросы.

4. Волевой акт получает наивысшую напряженность когда он знает свой смысл, свою укорененность в действительности. Смысл определяет идеологию, реалистичность — тактику, но и то и другое — едины для анархиста.

Теперь трагизм сменился идеизмом, теократия церквей — идеократией партий, жестокие богочеловечья не менее жестокими безличными идеями. Суть и инквизиция остались те же. Многие анархисты и до сих пор не поняли, что борясь за замену теологии идеологией они лили свою кровь на колесо той же мельницы, только под другим названием. Не в борьбе теологий с идеологиями дело анархизма, но в создании и поддержке безвластных теологий и идеологий против властных.

В анархизме должны научиться быть свободными и сотрудничать не только люди, но и идеи и боги. Что для этого должны делать анархисты?

5. Рим, город развитой государственной и хозяйственной техники, правда, как и все мировые города — паразитической, — этот Рим тосковал, бессильный создать, по духовным устремлениям. Завоевывая народы, он воровал у них их богов и присоединял к своим жалким ларам и пенатам. Так поступает современный демократизм. Но это — слишком механическое примирение.

Гностики, напр. гениальные Василид, Валентин и Карпократ, в своей исключительно живой интуиции космического строения, рас-

крыли место каждой веры, каждого бога в том грандиозном синтезе, который строился их гнозисом Неизреченного, выразившего себя в Полноте и Глубине. В этом синтезе было ясно, что, как вредное, должно было быть устранено, что — преодолено, что — преображено, что революционизировано. Были ясны и возможные пути развития различных космических сущностей, людей, народов, вер, миров, богов и т. п. Официальная государственница — церковь, дрожа перед анархичностью гностического духа, задушила их движение, восприняв и исказив в своих целях многие и многие элементы гностического христианства. Не так же ли теперь вводят в свой Пантеон марксисты-ленинисты М. А. Бакунина?

Анархизм, если он действительно хочет выявить в себе мирообъемлющее слово, должен тоже проделать этот путь Софии гностиков, отпавшей по Валентину, от гностической Полноты и возвращающейся к ней. Только тогда он сможет уверенно заявить, что в нем разрешаются все антиномии общества.

Бог христианствующего пудаизма объявил всех других богов дьяволами, противящимися его воле. Так же поступает его современный наследник — марксизм, объявляя все другие идеологии присущими классам, враждебным пролетариату, этому яко бы богоносцу марксизма. Анархизм, под марксистским гипнозом, тоже пытался петь такую же песенку.

Этого больше не должно быть. В идеологической картине мира, с точки зрения анархизма должны найти свое место все веры, все идеи и боги. Но воля и свет анархизма должны предугадать анархические пути их развития, не теряя их драгоценного своеобразия во имя многогранности Красоты и Полноты мира. Только своеобразие, само видящее всю свою суть в сатанической борьбе против Свободы, должно быть, с точки зрения анархизма, определено к уничтожению, к вытравлению из всех идеологий и вер.

6. Т. о. мы, в своей работе, в сущности не только не выдвинули новых задач и новых идей, но еще находимся у порога великого наследия задач и идей, выдвинутых опытом ты-

сячелетий. Нужно ясно осознать, учесть и воскресить в жизнь все это наследие. Только тогда мы увидим ясно и новые идеи, которые волнуют нас и требуют также, соответственно времени, своего выявления. Мир — не машинка, он собирается не по частям, но весь в целом движется к осознанию и осуществлению своей Полноты и Свободы. Пусть же сами боги и идеи бьются на нашей стороне за свою свободу от тирании своих партийных и церковных каст.

7. Стремление идеологий к прозелитизму, мешая идеологическому закоснению, часто обостряет общественную антиномичность до состояния жесточайшей войны и инквизиции *"ad maiorem Dei gloriam"*. Тем не менее возможно в самый дух прозелитизма внести преображающие анархические черты, можно и нужно предугадать пути и возможности анархического развития тех или иных идеологий.

6. ЭТИКА, ПРАВО, ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА.

1. Словами *"я хочу и могу"* определяется область реальной свободы воли, словами *"я должен"* — ее внутренняя обусловленность, как признание принудительной значимости обосновывающих мотивов.

Если в познании каждый ведет диалог с самим собой, как с более или менее ясным единением с Истиной, то императивная форма *"я должен"* тоже определяется только в аналогичном же диалоге с самим собой, но уже как единением с ценностями или значимостями, с Добром, или Благом.

Любопытно, однако, что устойчивость (консервативность) воли, повидимому, тоже присуща идее Добра, т. к. она способна придавать моральную значимость своим установлениям. Данное самому себе или другому *"слово"*, даже просто случайно высказанное, если оно не взято обратно, уже обуславливает последующую волю субъекта, как содержащее в себе нечто *"должное"*.

Внешняя воля, с момента обнаружения интеллекта, не может дать никакого обоснования для поведения другой воли, и, тем не менее, такая императивная форма, как *"ты дол-*

жен“, обычно выражающая внешнее внушение, формы ли убеждения или приказания, будет еще долго звучать являясь наследием авторитарных времен. Еще хлеще оракульное “ты этого хочешь“ в наглой беззастенчивости современных демагогов, выражающих свою волю за волю класса, народа и т. д., якобы “представляя“ вас, и тем заранее затыкая вам рот.

Однако, в полном уважении к свободе личности, если почему либо принципы ее воли известны, потому ли, что они всеобщи, потому ли, что они высказаны, потому ли, что они интуитивно прозрены, фраза “ты должен“ может звучать, как напоминание воле ее нормативной обусловленности, без внушения и принуждения извне.

И анархизм настаивает на вытравлении авторитарных форм из зрелого сознания, но пока сознание еще не имеет мудрой законченности, он оставляет фразу “ты должен“, как напоминание, как апелляцию к “забытому“ в действии внутреннему сознанию.

2. Любопытно, что все нравственно-отрицательное, а также все нравственно-социально-обязательное подлежит ведению права. Следовательно, право имеет своим содержанием некоторый минимум нравственного.

С другой стороны само право является моральной ценностью, обуславливающей нравственную волю.

Но, во-первых, нужно строго отличать нравственно-допустимое, от права социально-имеющего своим предметом некоторое отношение между социально-должным и социально-допустимым. Прежде всего социальное право определяется признанием общности некоторых моральных принципов, как принципов, формирующих взаимное общественное поведение в одно общественное целое, в союз, независимо от того, является ли этот союз естественным или искусственным, бессознательным или определенным точной конституцией. Поскольку такое признание произошло, должное с точки зрения этих моральных принципов становится социально-должным, допустимое — социально-допустимым.

Так вот, социальное право является такой

координацией отношений и поведения членов общества, которая фактом отношений и поведения одних сочленов общества определяет социально-должное и социально-допустимое, с точки зрения моральных принципов, формирующих это общество, в отношениях и поведении других сочленов общества. Анархическая революция, как социально-должный ответ на безобразия современной общественности, является, т. о., глубоко-правовым актом.

Моральный минимум, на основании которого личности соглашаются еще вступать в общественные отношения, характеризует собой нижний предел моральности общества, нижний предел правовых принципов, минимум правосознания.

Задача анархистов, как мы уже видели, поднять этот минимум до минимума анархического правосознания.

3. Как бы стихийны ни были экономические отношения, они все же — общественные отношения. Поэтому и они формируются теми же правовыми принципами, что и общество вообще. По принципам, формирующим экономические отношения, можно судить о высоте правовых и, следовательно, моральных принципов общества.

Манчестерское развязывание экономической стихии только по недоразумению могло защищаться такими анархистами, как Тэккер, и то лишь потому, что в нем он видел естественное противодействие усилению государства.

Преращение экономической стихии в послушное целое, допускающее не только плановое регулирование, но свободную, частную и общую, реорганизацию его по тем или иным высшим принципам, — вот что представляет существенную особенность анархического хозяйства. Манчестерский хаос является его противоположным полюсом, а государственный социализм — авторитарным искажением, dorosшим только до плановости.

Поэтому естественно должен быть осознан абстрактно и выдвинут конкретно, в условиях современности, анархический экономический минимум, имеющий целью преобразование современного экономического хаоса капитализ-

ма и капиталистического хозяйства трестов и государственного "социализма" в единое всемирное анархическое хозяйство.

4. Основным принципом анархического хозяйства, естественно, является принцип реализации минимума анархического правосознания и повышение этого минимума со стороны его экономических возможностей. Для каждого анархического хозяйства должно создать условия минимального уюта, минимального культурного комфорта, минимальных возможностей самоизоляции и самообслуживания-самоосуществления (неприкосновенность), охраняя и расширяя, соответственно принципам минимума, общественные богатства.

Этот принцип характеризует лишь форму, но не смысл анархического хозяйства. Смысл определяется идеей анархической культуры.

5. Культура определяется характером и ценностью принципов, формирующих общественную жизнь, размахом и активностью общества в этом оформлении своей жизни и его пониманием своей связи с прошлым, будущим и надвременным.

Минимум анархического культурного уровня тоже должен быть определен и войти в анархическое правосознание, как неременное условие анархической общественности.

Его определение довольно сложно и спорно, и поэтому мы его разовьем как нибудь отдаленно.

6. Антиномия общественности, как мы убедились, имеет свое выражение в социальном праве, в хозяйственной жизни, в культуре.

РЫЦАРЬ ЧЕРНОГО ЗНАМЕНИ.

Когда в хаос жизни внесен стройный и прекрасный организующий план, когда в хаос сил и стихий жизни входит могучая и по своему совершенная гармонизирующая воля, — что, казалось бы, для этого маленького обыденного существа, имя которому — обыкновенный человек, может быть естественнее неуклонно-точного выполнения деталей этого плана, строго-послушного следования замыслам этой воли. И, однако, острый и внима-

тельный, всегда ищущий, всегда сомневающийся взгляд его вновь и вновь устремляется в иные дали, и там, за границами сущего и несуществующего прозревает он в сверкающих переделах символической розы Свободы неисчислимость неосуществленных, нераспустившихся лепестков ее. Одна воля, один план становится темницей пред лицом раскрывающейся во всем фантастическом великолепии Полноты бытия.

Развертывается Черное Знамя бунта против исключительности всякой направляющей воли, Черное Знамя разрушения — преодоления ограниченности всякого осуществленного плана.

Если партии, церкви, низшие теософические общества и т. п. своим кумиром избрали сотворенное, и в воплощении того или иного, большого или малого созданного плана раскрыли весь смысл своей деятельности, и, тем самым, обрекли себя на вечно-непреодоленный "рационализм", — Рыцари Черного Знамени в самом творчестве, через них вечно проявляющемся в веках и в мирах, выражают свою сущность и мировую задачу. Через них раскрывается миру само творческое "вечно-движущее начало", обращенное ко всему, уже созданному, преобразующим, и потому разрушающим, символом Черного Знамени. Ибо все созданное нужно превзойти, все явленное должно расширить свою полноту. Поэтому все сущее — исходный пункт разрушения и творчества.

Жутким несоответствием душит живые души мировой хаос волевых устремлений, обрывков полусовершенных планов. И Рыцари Черного Знамени устремленным усилием вызывают появление в мире новой гармонизирующей воли, которая привела бы этот хаос в соответствие с этим и страдающими душами, дала бы им радость гармоничной жизни, воли, рождающейся в недрах самих страдающих душ. И, на страже этой радости, они отсекают в небытие то, низшее, что мешает возможности радости.

Но лишь начала осуществляться эта новая ступень развития мира, — бунтующий взлет Черного Знамени поднимается в иные

высоты, к иным устремлениям, — и рыцари Черного Знамени несут пламенеющие кресты своей любви в самую глубину живых душ, зажигая их пламенем новых устремлений, раскрывая пред ними новое прекраснейшее осуществление. Ибо лепестки розы Свободы неисчислимы. И тогда, перед неизмеримо обогащенной душой вновь тяготящим несоответствием встает мир, властью чуждой во многом воли насилует живую душу устаревший план, — и вновь идут Рыцари Черного Знамени внести радость и красоту Свободы в распадающийся мир.

Вот что такое — Черное Знамя!

В полутемных подвалах, в глубинах подземелий, среди реторт и склянок, в чаду смрадных испарений и благоухающих возжиганий, но в великом благоговении и духовном подеме делади средне-вековые алхимики свое мировое “Великое Деланье”, пытаясь отделить тонкое от грубого, неблагородное стремясь превратить в благородное, отыскивая высший организующий и преобразующий принцип вещей философский камень.

Их почерневшие губы, не знавшие поцелуев, шептали молитвы и формулы заклинаний, их острые глаза над ввалившимися щеками пламенели огнем исканий, оторванные от красок полей и озер, от буйного шума городской жизни, кипевшей обычными страданиями и горестями вне стен, охранявших безмолвие алхимических кабинетов.

Время воскрешает давно погребенных. Мы — анархисты — под бунтующий взлет Черного Знамени смело выносим древние задачи алхимиков на улицу — в самый поток жизни, смешанной из слез и радости, которые должно разделить. Саму буйную жизнь городов и сел мы вводим в свое “Великое Деланье” — и рано или поздно она будет такой, какой мы видим ее в зеркале прозрений нашей фантазии. Ибо мы знаем, мы учимся делать философский камень жизни — Свободу в самом существе бытия.

Партии и низшие теософские общества обещают ее при конце Земли. Мы создаем ее сегодня. Ибо Мы — анархисты, мы — Рыцари Черного Знамени.

Москва.

А. С. Пастухов.

ДОЛИНА СОДОМА.

(Из цикла “Под чужим небом”)

Здесь розы больше не цветут
И лишь поляны на косогоре
Мне говорит: был город тут,
Где ныне соляное море.

И каждый вечер выхожу
На плоскую, чужую кровлю,
Смотрю, где Бог провел межу,
Где запретил и путь и ловлю.

Легка на соляном столпе
Донные пыль, налет пустыни, —
Воспоминанье о толпе
И о поруганной святыне.

Я вместе с Лотом уходил
Из города, и вслед за мною

Перст Божий волны бороздил,
Стена валилась за стеною.

Я на песчаннике писал
О том, как ангел утром ранним
Меня за городом встречал
И вел в синеем тумане.

Безмолвна даль. Суровый Бог,
Изведший праведных оттуда,
В час гнева пощадить не мог
Страну неверившую в чудо;

Но плачу о Содоме я.
И с высоты чужого дома
Видна мне родина моя,
Долина грешного Содома.

Ю. Терапиано.

М. А. ИСТОЧНИКОВ.

Философия Ницше

(Окончание).

„Это низведение людей на степень стадных животных или, как говорят, превращение людей в членов свободного общества! И что это превращение людей в маленьких животных, имеющих животные права и желания, возможно, в этом нет никакого сомнения. В душу того, кто додумался до этой возможности, вошло одно новое сверх-человеческое отвращение, знакомое другим людям, но перед ними открылась, быть может, и новая задача.“ (По ту сторону добра и зла).

Здесь, Ницше, со всей широтой и глубиной своих знаний сознает всю серьезность и трудность взятой на себя задачи. Он учитывает все недостатки, всю испорченность и невоспитанность современного человечества. „Я должен был принять, пишет он, все во внимание, когда я творил сверх-человека. Все ваше зло и всю вашу фальшь, всю вашу ложь и все ваше невежество — все это заключается в его семени. Когда я создал сверх-человека, я покрыл его великой завесой развития и поставил над ним солнце“ (творчество). Ницше знал, что масса или человечество всегда консервативно, все новое ею непонятно и трудно воспринимается, она всегда тянется у хвоста передовой мысли на целые столетия; поэтому он и обращался к единицам, охотникам и аристократам духа, с призывом принять на себя крест возрождения уснувшей античности и подвиг улучшения рода человеческого. До сего времени мы судьбу свою предоставляли случайности, сейчас — же время настало взять ее в свои руки: мы должны стать руководителями своих судеб и позаботиться о судьбе грядущих поколений, большинство же не понимает этого и неспособно к такому подвигу. Следовательно, эту благородную работу должны выполнить Заратустры единицы, созревшие для этого и добровольно отдавшие себя в жертву во имя появления сверх-человечества. „Вот почему, братья

мои, необходима новая аристократия, которая вновь, на новых скрижалях, напишет слово „благодарность“. О, братья мои, я посвящаю и жалею вас в новую аристократию: все должны стать у меня созидателями и воспитателями и сеятелями будущего, — поистине, не в такую аристократию, которую вы могли бы кунить, подобно торгашам, и золотом торгашей: ибо малую ценность имеет все то, что имеет свою цену. Не то, откуда происходит вы, пусть составляет отныне честь вашу, но то, куда идете вы! Ваша воля и стоны ваши, стремящиеся перешагнуть через вас самих, — вот в чем, отныне пусть будет честь ваша! Поистине, не в том, что вы служите какому нибудь государю — что вы стали оплотом тому, что стоит, чтобы оно стало еще крепче! Не в том, что род ваш был прищипанным, и что научились вы, пестрые, словно фламинго, долгие часы простаивать в мелких прудах. И не в том, что дух, который они называют святым, вел предков ваших в землю обетованную, которую я не прославляю.“ „О, братья мои, не назад должен смотреть аристократизм ваш, а вперед! Изгнанными должны вы быть из всех земель отцов и праотцов! Землю детей ваших должны любить вы: любовь эта пусть будет новым вашим аристократизмом, — землю еще не открытую, лежащую в далеком море! Ее пусть ищут и ищут паруса ваши“.

Жизнь еще не изучена, не постигнута, наше понятие о ней — примитивно и грубо; мы должны оставить ее и искать ценностей новых, ибо в океане постижимого есть еще новые области, новые ценности и в этом поисании и желании найти более возвышенные формы жизни и заключается новый аристократизм Ницше. „Аристократизм в борьбе мыслей заключается по большей части в добродушии и отсутствии недоверчивости и таким образом содержит в себе именно то, над чем насмеются и сознают свое превосходство

корыстолюбивые и во всем добивающиеся успеха люди". "Человек невольно поступает, как аристократ тогда, когда он привык ничего себе не требовать от людей, но при этом сам давать им". Таков аристократизм Ницше.

Самое главное преступление, в котором обвиняют Ницше, это — аморализм, отрицание современной морали и проповедь безнравственности. Ницше, в своих сочинениях, пишет его противники, дает полную свободу всем преступным и низким наклонностям; хочет создать новую касту, „аристократию паразитов“, на подобие дикаго зверя, которые в кровожадности своей, не будут останавливаться ни перед чем. Подобное обвинение лишь доказывает абсолютное незнакомство с произведениями самого Ницше или же плод незрелости и бедного мышления ума. Ницше определенно указывает, что ныне господствует не аристократизм, а рабство. Сильные мира сего и есть класс рабов, ставших господствующим классом, не по духовному превосходству, а благодаря своей продажности и капиталистической системе, благодаря своей жадности к наживе и паразитизму, благодаря своей хитрости, нечестности, лицемерию и нахальству: „Самое противное животное человеческой породы, какое я встретил, пишет Ницше, я окрестил „блудолиз“: оно не хотело любить и все-таки хотело жить на счет любви. Не должно хотеть наслаждаться там, где не улаждаешь. И не должно хотеть наслаждаться. Ведь наслаждение и невинность — самые стыдливые вещи: они не хотят, чтобы их искали. Их должно иметь, — но сначала надо искать вины и страдания!“ Подлинному же аристократу духа все это чуждо и отвратительно, для этого он слишком честен и благороден, „Если вы презираете приятное, если вы презираете мягкое ложе и стараетесь располагаться как можно дальше от изнеженных—вот где источник вашей добродетели“. Аристократ духа не стремится к наживе и власти, его призвание творить: поэтому то он и вытиснут со сцены жизни, ибо идеал и мораль современного человечества — не творчество и стремление к совершенству, а богатство, роскошь, раболепие.

Возставая против рабов Ницше, имел в виду не бедных и неимущих, а рабов, — паразитов, живущих чужим трудом, бездельников, не способных ни к физическому труду, ни духовному творчеству, он был против тех, которые при помощи хитрости и насилия захватили все в свои руки и держат человечество в рабстве повиновении, темноте и невежестве, — ибо это им выгодно. Обвиняют Ницше, в отрицании им сострадания. Послушаем что он говорит по поводу сострадания, проповедуемого паразитствующими проповедниками — „Вы страдаете, по моему, еще недостаточно! Ибо вы страдаете за себя, вы еще не страдали за человека. Вы бы лгали, если бы утверждали иное! Никто из вас не страдает за то, за что страдаю я“. Их страдание не есть страдание за судьбу человечества, за удручение человечества и грядущих поколений, а страдание за свои собственные интересы, страдание не творческая жизнь честной и благородной души и не переживание ее, а ремесло! Страдание по заказу, за приличный гонорар! Поэтому необходимо различать аристократизм Ницше от современного, псевдо „аристократизма“ класса паразитов. Современное „добро“, „справедливость“, „сострадание“ и „любовь к ближнему“ — это нажива и польза извлекаемая из этих предположений. Мораль современная это система эксплуатации. Все — не приносящее прибыли и не поддающееся эксплуатации, называется — „злом“ и „безнравственностью“. Ницше проповедует мораль без вознаграждения, мораль духовную. „Всякое творчество есть сообщение чего-то другому; познающий, творящий, любящий — едино суть“. „Необычна эта высшая добродетель, она светится нежным блеском; дарующая добродетель — вот это высшая добродетель“. „Мусть душа ваша ненасытно жаждает сокровищ и драгоценностей, ибо добродетель ваша ненасытна в стремлении одарять“. „Творящие и любящие одно суть“. Иметь, наконец, все это в одной душе, соединить в сердечное чувство — это должно породить такое счастье, которого до сих пор еще не знает человек—божественное счастье, полное мощи и любви, полное слез и

смеха. Это божественное чувство и называется тогда — человечностью! Мне отвратительно это вырождающееся чувство, которое гласит: „все для меня“.

Из этого видно, что Ницше проповедует о сверх человечестве, об аристократическом типе рода человеческого, состоящего из выдающихся и гениальных единиц, которым противны будут все современные пороки. Современная погоня за наживой и властью заменится — стремлением к совершенству и творчеству, где культурными ценностями будет не техника, поработившая человека, а духовные достижения, индивидуализация и воспитание независимости. Культура это постепенное повышение счастья бесчисленного количества единичных личностей! Чем индивидуальнее становится единичная личность, тем ее счастье продуктивнее для культуры, даже если-бы промежуток времени такого счастья был короче и интенсивность его меньше, чем счастье на низших ступенях культуры. (Утренняя Заря). Когда честность перестанет быть средством поползновения и блюдолизничания, а станет необходимостью благородства, великодушием и вежливостью; когда „сострадание“ и „добродетель“ престанут быть крохами падающими со стола „господ“ — паразитов, а станут душевным переживанием и желанием искоренить эту несправедливость, когда кошмарная борьба за кусок хлеба — превратится в веселую и вечно смеющуюся борьбу в творчестве и познании; когда отдельные члены человечества будут руководствоваться согласно интересам как целого, так и отдельных личностей входящих в состав его; когда стадность и раболепие будут искоренены, и воспитана будет аристократичность духа, тогда самосознание и благородство сделают писанные законы ненужными, ибо каждая личность будет носить закон свой в себе и строго выполнять свои самообязанности, где каждый с гордостью любовию примет на себя крест страдания; во имя более совершенных духовных творений и во имя большего совершенствования рода человеческого. „Улучшить человечество, шепчет Ницше, было-бы последним,

чего я мог-бы обещать“. (Автобиография „Ессе Номо“).

Нужно сознаться, что никто еще, исключая Христа, не страдал и не мучился за судьбу человечества так, как страдал и мучился за него Ницше! Он считал себя обремененным и оскорбленным за современные недостатки жизни, чувствовал великую ответственность перед родом человеческим и судьбой его грядущих поколений. И, поистине, с величайшей гордостью и любовью, отдал он себя в жертву во славу грядущего сверх человека, как единицу, и сверх-рода человеческого в целом.

Ницше неоднократно подчеркивал, что высшая свободная и культурная жизнь возможна лишь в том случае, когда каждый человек в отдельности осознает это, станет автономным прежде всего духовно, — станет индивидуалистом. Поэтому он все, что мог, вплоть до своей собственной жизни, отдал, лишь-бы заинтересовать каждого побудить к сознанию себя и самовосстановлению. Я приведу здесь, бессмертную речь, с которой Заратустра-Ницше обращается к ученикам своим. „Ученики мои, обращается он к ним, теперь ухожу я один! Уходите теперь и вы, и тоже одни! Так хочу я. Уходите от меня и защищайтесь от Заратустры! А еще лучше—стыдитесь его! Быть может, он обманул вас. Человек познания должен не только любить своих врагов, но и уметь ненавидеть даже своих друзей.

Плохо оплачивает тот учителя, кто навсегда остается только учеником.

И почему не хотите вы оплечь венок мой?

Вы уважаете меня; но что будет, если некогда рушится уважение ваше? Берегитесь, чтобы кумир не убил вас!

Вы говорите, что верите в Заратустру? Но что толку в Заратустре? Вы — верующие в меня, но что толку во всех верующих!

Вы еще не искали себя, когда нашли меня.

Так поступают все верующие, потому-то вера так мало значит.

Теперь я приказываю вам потерять меня

и найти себя; и только когда вы отречетесь от меня, я вернусь к вам..."

Не слышали мы ранее таких слов, откровенных слов, исходящих из глубины всей души!

Такой откровенности и честности, без всякой зависти, такой великой, как нежелание быть кумиром, а наоборот, желание быть превзойденным учениками, такой, повторяю, великой, благородной и честной откровенностью — не обладал никто! Даже Христос не был так откровенен. Здесь душа, Ницше сияет, как небесная лазурь, далекая от всей земной скверны и нечисти.

Это и есть основная проблема морали Ницше. Здесь он ясно дает понять, что он против всякого слепого, принятого на веру, поклонения; против всякого авторитета — даже своего собственного.

Я творю мыслью самостоятельно, творите и размышляйте и вы все до единого, братья мои, и тоже самостоятельно. Вы соглашались со мной, но что толку в соглашающихся? Берегитесь, чтобы авторитет мой не поработил вашей мысли. Вы согласились со мной на веру, не став самостоятельными мыслителями и творцами, поэтому я говорю вам, оставьте мое мировоззрение, найдите свое собственное и тогда соглашайтесь со мной! Я не хочу, чтобы вы следовали за мной, пока вы не стали свободными личностями, свободными творцами свободной и великой новой жизни. Когда же вы станете самоопределившимися в душе вашей, тогда я сам приду к вам. Я хочу чтобы и закон ваш, мораль ваша, стали вашей душой, собственным вашим побуждением, плотью и кровью вашего существа, как ребенок в утробе матери.

Я хочу, чтобы вместо писанных законов и принуждений извне, вы выработали собственные законы и только для себя и носили их в груди своей; поступки ваши должны быть добровольным подчинением себе, своей обязанности. Вот чем должна быть мораль для вас, братья мои, она должна быть вашей душой и телом, а не фракком, под которым скрывается всякая низость и личная выгода.

Вот какую мораль проповедовал Ницше: мораль духовно - аристократическую, мораль духовной культуры, не технических достижений, а духовно - творческих постижений. Вместо стремления, современного человека к материальному благу и наживе, он хочет заинтересовать человечество, обратить его взоры и желания в область духовного творчества и совершенства. Напрасно и неосновательно думают многие, что Ницше идеализировал необузданную физически - сильную волю "человека зверя". Физическую силу он признавал постылку, поскольку она необходима как залог самой жизни и источник к духовному творчеству; ведь мыслить, творить можно только будучи физически здоровым. И фраза из Заратустры, "О, братья мои, разве я жесток? Но я говорю вам: что падает, то нужно еще и толкнуть!", которую с особым удовольствием приводят все враги Ницше, имеет совершенно иной смысл, чем они думают. Не человека падающего хочет Ницше толкнуть, а современную разлагающуюся христианскую мораль. Что же касается слабых и несовершенных людей, существование которых он считал "ненужным" (?), то по этому действительно серьезному вопросу Ницше думал совсем по особому и этот вопрос именно и остается тайной и непостижимой загадкой в его философии, морали. Он подошел к этому вопросу с непонятной для современного человечества точки зрения. Ясно, сознавая всю серьезность и ответственность перед столь важным вопросом как право на жизнь каждой отдельной личности, без исключения, как сильной, так и слабой.

Было бы в высшей степени глупо и наивно думать, а тем более утверждать, что Ницше учил, что государство или общество, должно уничтожать каким либо принудительным способом всех слабых, чтобы не только слабые жертвовали собой, во имя совершенства грядущих поколений, но и все человечество и сверх человек тоже должны жертвовать собой во имя еще больше возвышенного человека; и так — до бесконечности. Ведь во имя этого-же совершенства и сам Ницше принес себя в жертву; он подобно Христу

оправдал свое учение и искупил его своей трагической смертью.

Решившись провозгласить свое учение о том, что все низшие должны в жизни своей способствовать и даже жертвовать собой во имя более возвышенного рода человеческого, Ницше прекрасно понимал, что это ни в коем случае не может быть проведено в жизнь при современных социальных условиях и современном правоучении. Ведь современная мораль называет это "злом", христианство возвело все слабое, хилое вырождающееся на пьедестал подлинной жизни, а красоту, здоровье и порыв к творчеству — объявило соблазном сатаны. Естественно, при таком современном моральном взгляде на жизнь, поступать согласно проповеди Заратусты, — значило-бы творить "зло". Но Ницше не хотел чтобы человечество творило то, что называют злом; он стремился к тому, чтобы люди научились творить только добро. Поэтому-то он и возстал против современной христианской морали и на место нее предлагал новую мораль, которая-бы на своих новых скрижалях начертала новые моральные ценности, где добром будет считаться не отрицание земной жизни, не нищета физическая и духовная, а красота и полнота жизни, желание превзойти себя, стремление к развитию как физическому, так и духовному, главным же образом к духовному. Новая мораль гласит — все несовершенное и слабое должно жертвовать и способствовать собой во имя совершенного и возвышенного, ибо это есть не "зло", а подлинное и естественное призвание каждого человека. Когда человечество

примет эту НОВУЮ мораль, тогда жертва слабого во имя возвышенного и сильного духовно, рода человеческого, будет не "злом" и не "зверством", а героизмом и подвигом, тогда каждый человек **добровольно** отдаст себя в жертву грядущему, отдаст себя с великой радостью и любовью — будущему; он выполнит долг свой перед человечеством и природой с такой же любовью, героизмом и стойкостью, как в племенах каннибалов каждая личность не способная уже по старости своей или другим причинам пропитать себя, добровольно отдавала себя на съедение молодому поколению. Так христианские мученики принимали мученическую смерть свою с восторгом и улыбкой на устах; так революционер и всякий другой герой идет на эшафот за убеждения свои, ибо как один, так и другие выполняли святой обет своей жизни перед моралью своей и перед убеждениями своими. Вот почему Ницше хочет изменить сначала моральные понятия о жизни. Он неоднократно подчеркивал, что без изменения современных моральных ценностей не возможна новая великая культура и новое сверх-человечество.

Сейчас ясно, что Ницше не имморалист, а новый Христос, судьбой призванный водружить на развалинах христианской морали, новую мораль, идеал которой — стремление к сверх-человечеству, а смысл сверх-человечества — постижение тайн космического бытия!

М. А. ИСТОЧНИКОВ

6-го января 1927

РАБИНДРАНАТ ТАГОР О ЖЕНЩИНЕ.

Там, где есть что-либо живое, индивидуальное, человеческое, — там и есть мир женщины. Домашний мир — есть тот мир, в котором каждый индивидуум находит свою цену именно, как индивидуум, где его ценность — не рыночная ценность, а ценность любви, т. е. та истинная ценность, которую Творец, в своем безконечном милосердии дал каждому живому существу. Этот домашний мир, дар Бога женщине. Она может разливать сияние любви во все стороны далеко за его пределы, даже, когда высший зов требует полного проявления ее женственной силы, может оставлять его. Но нельзя отрицать, что в то мгновение, когда девочка рождается для обятий своей матери, она рождается в центре своего собственного мира — мира живой и деятельной любви.

Женщина должна развивать свою способность проникать через поверхность вещей в их глубину, к их центру, где живет тайна жизни, источник вечного интереса. Мужчина не имеет этой силы в той степени, как ее имеет женщина. Женщина же, если она не убьет ее в себе, обладает этой дивной силой в полной мере: — вот почему она любит даже тех, кто по своим качествам повидимому не стоит любви.

Мужчина действует в своем собственном мире: в нем он творит власть, богатство, разных видов организации. Но женщину Творец послал в мир — любить мир, весь мир, даже мир обыкновенных вещей. Женщина живет не в мире сказок и фей, где красавица спит долгие столетия, и ждет, когда ее разбудит прикосновение волшебного жезла: — нет, женщина сама обладает таким волшебным жезлом, который будит от сна человеческие сердца, и жезл этот — не золотой жезл богатства, а железный жезл грубой силы.

Все наши духовные учителя проповедывали безконечную ценность индивидуума (личности); это необузданный материализм нашего века необдуманно принес индивидуума в жертву кровавому идолу организации. Когда религия человечества была материалистической, когда люди поклонялись своим бо-

гам из страха перед их злостью, или из жадности к богатству и власти, тогда самые церемонии служения богам были жестокими, и кровавые жертвы приносились людьми без числа. С ростом человеческого духа поклонение Богу стало поклонением любви.

На настоящей ступени цивилизации, когда насилие и принесение индивидуума в жертву не только вполне проведено в жизнь, но и возвеличено, как истина, женщина стала стыдиться своей женственности. Творец со своим посланием любви, послал в мир женщину для того, чтобы она охраняла и спасала индивидуальность. Для женщины в ее великой миссии, индивидуум должен быть важнее армии и флота, парламентов, фабрик и заводов. Женщина служит Богу в том Храме реальности, где любовь ценится выше, чем сила.

Но так как мужчины в своей гордыне силы и власти осмелили жизненные законы и человеческие взаимоотношения, большое количество современных женщин до хрипоты кричат, стараясь доказать, что они не женщины, что они будут вполне на своем месте, представляя организованную власть и силу. Современной женщине кажется, что ее гордость уязвляют, если ее называют крицей жизненной необходимости, источником существования человечества, матерью человека, вплоть до его глубочайшей духовной необходимости — сострадания и любви.

В то время, как мужчины идеализируют и восхваляют с самовлюбленным благоговением свои искусственные образы абстракты, — женщины, устыдясь, разбивают своего живого истинного Бога, который ждет от них служения самопожертвованием и любовью.

Под твердой корой общества, корой, на которой зиждется мир женщины, давно уже происходят перемены. Цивилизация, при помощи науки, все росла и росла, как исключительно мужская, ценность же индивидуума в ней все больше и больше игнорировалась. Организация охватила и захватила даже область личных человеческих отношений и чувство уступило место и подчинилось закону. В неко-

торых обществах, где слишком доминировали мужские идеалы, издавна признавалось законным детубийство, сократившее женское население до минимума. То же самое, только в другой форме, произошло и в современной цивилизации. В своем неограниченном упоении властью и богатством, мужчина отнял у женщины большую часть ее мира. Места женщине остается в жизни все меньше и меньше. Женщине не только вредят, ее оскорбляют на каждом шагу.

Но, хотя мужчины и захватили главную роль в жизни, отбросив женщину на второй план, оставив ей всего лишь декоративную роль, — сделать это безнаказанно они не могли, так как для цивилизации женщина нужна не меньше, чем мужчина, а быть может даже и больше. В геологической истории земли был период гигантских катаклизмов, который кончился лишь тогда, когда земля достигла известного периода зрелости, в котором невероятные взрывы дикой силы стали невозможны. Цивилизация, основанная на борьбе грубых сил и коммерческих расчетов, тоже должна уступить место состоянию зрелости, пониманию, что истинная сила — в красоте и добре. Право сильного слишком долго творило историю. Каждое право личности должно было быть тоже силой вырвано у той партии, в руках которой находилась власть. Человек даже для достижения того, что ему казалось добром, должен был вызывать силы зла. Такой порядок вещей не может длиться вечно. Семена зла и насилия лежат в ожидании взходов во всех складах старого строя, но трещины недовольства незаметно растут и вызывают брожение, и вызовут взрыв там, где его меньше всего можно ожидать.

Поэтому, хотя на настоящей ступени цивилизации, мужчина утверждает свое мужское превосходство и строит свою цивилизацию из каменных глыб, игнорируя процесс живого роста, он не может сокрушить женщину во прах, обратить ее всего только в свой мертвый строительный материал. Мир женщины сотрясен, но, как сила, женщина не убита, и не может быть убита...

Женщина борется против захвата власти

мужчиной, против захвата им цивилизации, ибо мужчина ежеминутно разбивает сердце женщины и опустошает ее душу. Женщина должна возстановить потерянное социальное равновесие, вложить свой полный вес в ход человеческого мира. Чудовищная машина организации с треском мчится по шоссе жизни, устилая путь свой трупами, оставляя после себя смерть и опустошение, потому что главная цель ее — скорость. Но женщина должна войти в израненный и искалеченный мир индивидуальности, она должна согреть своим душевным теплом всех безоплезных и незначительных, спасти и защитить своей заботой все прекрасные цветы чувства, сберечь их от опаляющего смеха современности. Женщина должна смести все разрастающуюся нечистоту, рождению организованной силой, силой, втиснувшей жизнь в тяжелые и ненормальные условия. Пришло время, когда ответственность, возложенная природой на женщину, возросла больше, чем когда либо раньше, когда поле ее деятельности должно раскинуться далеко за пределы домашней жизни. Мир, в лице оскорбленного индивидуума, вопиет и вызывает к женщине. Личность, индивидуум, должны найти свою настоящую ценность, снова поднять лицо из праха к свету солнца, вернуть веру и любовь Творца через любовь женщины.

Мужчины должны увидеть всю нелепость современной цивилизации, основанной на национализме, то-есть, на политических и экономических началах — и на результатах их милитаризме. Мужчины теряют свою свободу и свою человечность, чтобы втиснуть себя в мертвый механизм организации. Будем же надеяться, что следующая цивилизация будет основана не только на политическом и экономическом соревновании, на эксплуатации слабых, но на широко поставленной мировой кооперации и на началах духовных. И тогда женщина займет в жизни свое настоящее место.

Мужчины, создавая громоздкия и чудовищныя организации, привыкли думать, что накопление силы в самом себе имеет какой-то смысл. Это мнение так в них вкоренилось,

что они не видят, как их идеал прогресса далек от истины.

Но женщина принесет светлый ум и всю силу человеческого сочувствия и сострадания в работу постройки новой, одухотворенной цивилизации, если только женщина осознает вполне всю важность возложенной на нее ответственности. Если же она окажется легкомысленной, если у нея не хватит широты кругозора, — женщина не будет в состоянии выполнить возложенную на нее высокую миссию. Но именно потому, что женщина до сих пор была оскорблена мужчиной, отброшена им в тень, она получит свою награду в грядущей новой цивилизации.

А те человеческие существа, которые гордились своей силой, которые утратили веру в

истинный смысл завета Великого Учителя, что “кроткие наследуют землю”, в следующем поколении жизни потерпят поражение. Это то же самое, что в древности, в доисторический период, случилось с огромными чудовищами, мамонтами и динозаврами. Они потеряли наследие земли. Они имели гигантские мускулы для гигантских дел, но они сдались перед существами физически слабейшими и маленькими. Так и в будущей цивилизации женщины, наделенные слабыми мускулами, отброшенные было в тень и на второй план более крупными и сильными мужчинами, получат наконец свое настоящее место в мире.

А сильные и большие, сейчас стоящие у власти, должны будут смиренно посторониться и уступить дорогу.

Перевела Е. Грот.

БАЛЛАДЫ ПОЛЯ ФОРА.

1. ЦЫГАНКА.

— Завороти мою рану, цыганка! Что же в клубке у Судьбы? Радость — вернется ли вновь? Погадай.

— “Радость-то, радость вернется, сама. Только — прошла бы зима!”

— Как же мне зиму прогнать бы, скажи. Умница, золото, поворожи! Все я исполню...

— “Пустое! Смерть притаилась в груди? Волей ее победи!”

— Завороти мою рану, гадалка! Что же под снудом у тьмы? Разволнуй! Радость — вернется ли вновь? Поколдуй! Умница, золото, выручи!

— “Радость вернется, такой, как была. Только бы страсть умерла!”

— Как же мне страсть одолеть бы, скажи. Умница, золото, поворожи! Все я исполню!

— “Пустое!”

— Как же? —

— “Любовь загрызи. Мрага не бойся мечтой. В сердце упрямой вопи — Волю, княжил золотой!”

2. РУЧЕЙ ДОЛИНЫ.

Ручей... Сербяняный изгиб его руки в траве, — дорога засточек! — блестят, краса долины. А небо, в вольной синеве, в осколках зеркала блестит: в росе долины.

Как тихо и светло! вдали — сияют снеж-

ные вершины. Взмахнуло белое крыло, качнулось полотно картины, — и рухнул царственный обвал! Там, далеко... где льдины.

Я на ручей их променял. В траве, легка, сквозь сон, легла его рука, изгибом мирным, серебристым... Все та же, в отблеске лучистом, долина нежит без конца. Как ей к лицу ея уборы!

И гордая, в алмазах, горы к ней льнут, лучи — ея венца!

3. СЕТЬ.

Любовь — виденье, сон, дымок, мерцающий, голубоватый. А в дымящих тучах гул тревог, блеск молний, буйные раскаты.

Не тронь! солгали лепестки твоей ошпанной ромашки! От вихрей пламенной тоски — клубится чад пожара, тяжкий.

Не верю ничему; и пью; а душу бесу продаю: лукаво призрачной Надежде. О, если б ожила, как прежде, —

‘Любовь, крылатая, в цепях!

Любовь, погибая, в сетях — неисполнимых обещаний... Один, один неверный взмах! Томясь в цепях земных прощаний, стремясь куда то улететь, Любовь запуталась... И сеть, недовко брошенная ею, вдруг — ей самой стянула шею!

Своей же сетью колдовства Любовь задумана... мертва!

Ив. Тхоржевский.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВАРИЩУ М. НЕТЛАУ.

(Open letter to Max Nettlau).

Великое движение, распадающееся на сотни отдельных струй, которые зарождаются, живут некоторое время более или менее полной жизнью и затем почти бесследно исчезают — исчезают не только как социальная сила, практически изменяющая конкретную действительность, но и как явление сознания, как элемент идеологии: вот какое получается впечатление, когда смотришь на анархизм с исторической точки зрения, когда читаешь такие книги, как Ваши: “Vorfruhling der Anarchie” или “Von Prudhon bis Kropotkin”, когда ставишь себе вопрос: существует ли динамика, естественный рост, постоянное углубление коллективного анархического сознания?

И когда задумываешься над этим, охватывает чувство изумления перед неисчерпаемым героизмом усилий участников движения, и одновременно рождается чувство безграничной жалости, потому что невозможно не видеть, что весь этот труд Сизифа: слишком уж явственна пропасть между этим пламенным горением, этими пламенными усилиями с одной стороны, и реальными достижениями в конкретном историческом процессе — и прежде всего в том, что составляет подлинную душу движения — в его идеологии.

Существует целый океан анархической литературы, но, за немногими исключениями, это все брошюры, изредка книги, характера агитационного и публицистического. Это почти всегда — крик души, ответ, быстрый и не углубленный, на злобу данного дня или, если это работа теоретическая, — преимущественно рассуждения, всегда отвлеченные, подчас потусторонние. Но анархизм хочет строить конкретную живую жизнь. Он призван дать новый порядок социальных отношений во всей их жизненной сложности. А для этого мало добрых чувств, мало пламенного горения в любви и ненависти. Здесь вырастают огромные теоретические проблемы — экономические, социологические, философские, без

разрешения которых ничего не построишь и нигде не придешь.

Действительно, существует ли у нас идеологическое движение, которое ставило бы эти основные вопросы и, разрешая их, продвигало бы анархизм вперед, завоевывая новые теоретические позиции и непрестанно углубляя свои завоевания? Нужно честно признать — такого движения в анархизме еще нет: имеются отдельные чрезвычайно немногочисленные и страшно разрозненные исследования; есть отдельные и разрозненные работы, но нет общего идеологического прогресса, нет роста анархической культуры. Один пример: в 1899 году вышли “Поля фабрики и мастерские” Кропоткина. Позвольте спросить: что прибавилось за истекшие 28 лет к теоретическому разрешению колоссальной важности проблемы об экономической организации анархической общины? Протекли удивительно полные событиями десятилетия, разрушились целые экономические формации и идеологические системы, а в этой, основной для анархизма, области мы откликнулись на вопросы, которые ставит нам жизнь, двумя-тремя книжками, далеко не исчерпывающими новый опыт и знание проблемы. И так во всем, какую сторону идеологии мы ни возьмем.

А идеология — душа движения! Она не роскошь, которой можно гордиться, но без которой можно обойтись. Она — центральная организующая сила всякого строительства. Ибо строить можно только с открытыми глазами, а не в слепую. Поэтому мы обречены на дальнейшее прозябание в области конкретного социального творчества, поскольку у нас не будет пластического, углубленного, прочного фундамента. И мы победим в конкретной жизни только тогда, когда предварительно одержим над этой конкретной, вечно изменчивой жизнью решительную победу в области теоретического вечно прогрессирующего познания.

Все мы чувствуем, что наше время требует гораздо большего, чем раньше, объединения

анархических усилий, более интенсивного взаимодействия и более широкой взаимопомощи. Обратим же наши взоры на эту огромную задачу — задачу создания динамического, объединенного, непрерывно прогрессирующего движения в области анархической идеологии. Отнесемся с максимальным к этой задаче вниманием, так как ее разрешение — **условие нашей победы.**

Что нужно сделать для того, чтобы эта победа стала действительной? Нужно постоянно и систематически привлекать внимание всех анархистов к чисто теоретической работе. Нужно оказывать всемерную поддержку тем из нашей молодежи, у кого есть желание и данные для исследовательской деятельности. Нужно, чтобы старшие по возрасту и опыту товарищи стимулировали в юном поколении теоретические интересы. Нужно, чтобы каждая анархическая группа считала, что она не выполняет своего назначения, если она не выделила в своей среде хотя бы одного товарища, который занимался бы теоретическими вопросами.

Но это не все: необходима **прямая инициатива** по созданию идеологического движения. Наилучшей формой такой инициативы является **международный журнал**, посвященный вопросам **теории анархического мировоззрения.**

Потребность в таком журнале огромна. Его удачная постановка означала бы исторический перелом в нашем движении. Его возникновение символизировало бы конец периода анархической до истории — эпохи разрозненных усилий и отсутствие основного нерва в нашем строительстве — и начало подлинной истории анархизма — эпохи осознания анархизмом самого себя и целесообразного объединения через это нашей практической работы.

Такой журнал я мыслю в виде **исключительно академического издания.** Он будет систематически разрабатывать вопросы экономики, социологии, философии, истории и политики анархизма. Статьи его должны быть лишены элементов публицистики, агитации, межгрупповой полемики. Они должны носить строго — исследовательский характер. Это

будет журнал такого типа — с соответствующими поправками, конечно, — как например “Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik” Грюнберга. Он призван будет сыграть для оформления идеологического развития анархизма такую роль, какую в социал-демократии играло в свое время “Neue Zeit”.

Такой орган должен стать чем-то вроде **анархической академии наук.** Вместе с тем он будет **семинарием**, в котором мы подготовим новые кадры исследователей и теоретиков анархизма. Он явится и **подлинным анархическим университетом** для широких кругов наших единомышленников — рабочих, крестьян и интеллигентов. Таким образом он станет вольным идеологическим центром нашего движения и зеркалом прогресса в области анархического мирозерцания.

Как осуществить такой орган? Думаю, лучше всего — в порядке **частной инициативы:** три — четыре человека из наших крупнейших исследователей могли бы составить редакцию, которая твердо вела бы работу по известному ей же самой выработанному плану, привлекая внимание других исследователей к определенным центральным проблемам, выявляя новых теоретических работников и т. д. В каждой почти стране можно найти двух трех анархистов, занимающихся или могущих по своим субъективным данным заниматься серьезной научной работой. Так можно составить круг постоянных научных сотрудников и корреспондентов нашего журнала. Трудно допустить, чтобы анархические организации всего мира не встретили мысль о таком журнале-органе сочувственно, а это несомненное сочувствие даст, при некоторой энергии инициаторов и материальные возможности для осуществления издания — **одного издания,** обслуживающего все анархическое движение в такой бесконечно важной для нас области.

В заключение позволю себе обратить внимание и на следующий момент. Я многие годы веду научную работу по истории социальных доктрин и движений. Все эти годы я вижу, как много ценнейших материалов, свежих, новых идей, плодотворных точек зре-

ния остаются неиспользованными, никому не известными, мертвыми для нашего дела только потому, что нет среды, нет атмосферы, где эти идеи и точки зрения могли бы выявиться, кристаллизироваться, стать общественной ценностью. Я знаю еще и другое: знаю, что среди участников нашего движения живут и мыслят и научно работают десятки, если не сотни скромных исследователей, которым современные условия не дают возможности развиваться до полной теоретической зрелости, или таких, у которых есть уже много ценного, чем они могли бы сделать значительный вклад в общечеловеческую культуру и в анархическое движение, и которые молчат, ибо им негде сказать свое слово. Откроем же эти барьеры, и пусть вольным живым потоком устремится

анархическая мысль на дорогу творческого исследования. Без этого мы не сможем создать могучей, единой по существу при всем многообразии своих форм, вечно развивающейся идеологии; а такая идеология нам бесконечно нужна: лишь она может явиться мечом, который нанесет гидре государства и капитализма решительный последний удар.

Я думаю, что Вы, товарищ Неттлау, могли бы сделать первые шаги к тому, чтобы намеченная здесь идея создания академического журнала, как центра идеологического движения анархизма, нашла свое осуществление.

Призываю товарищей-анархистов высказаться по вопросам, поставленным в этой статье.

А. Новгородский.

КНИГИ РУССКИХ АВТОРОВ В АМЕРИКЕ.

В Америке за последнее время выпущены на английском языке следующие книги русских авторов:

Роман Д. С. Мережковского "Мессия", закончившийся недавно печатанием в "Современных Записках". Роман выпущен в свет изд-вом Дуттон и Ко. под названием "Ахенон — царь Египетский".

Исследование покойного академика Н. П. Кондакова "О русской иконе". Книга выпущена изд-вом "Кларендон Пресс" и снабжена большим количеством фототипий. Перевод отредактирован известным византистом профессором Эд. Минс.

"Наследство войны" Б. Бахметева, бывшего посла Временного Правительства в Америке. Издание Хоттон Мифли и К-о.

"Князь Серебряный" А. К. Толстого выпущен изд-вом Кнопф.

"Распутин" — очерк кн. Юсупова выпущен изд-вом Дейзель.

В издании Харпер Братерс вышли в свет "Страницы моей жизни" Ф. И. Шалипина.

Мемуары бывш. председателя Государственной Думы М. В. Родзянко "Крушение империи" выпущены изд-вом Фридерик Стокс.

"Солнце мертвых" Ивана Шмелева. Перевод Гогардта. Изд. Доттон.

"Трагическая невеста" В. Полякова. Изд.

Аплтон.

"Непрощенный" ген. Краснова. Изд. Лонгман.

"Страна детей" Гусева Оренбургского. Изд. Лонгман.

"Леонардо да Винчи" Мережковского. Изд. "Современной Библиотеки".

"Годы верности" С. Сазонова. Изд. Стокс.

"Глухая улица" Вересаева. Изд. Сепчори.

Издательство Нейсон и Кларк в скором времени приступит к печатанию современных советских писателей. В первую очередь оно намерено напечатать самые интересные сочинения Пильняка, Катаева, Федина, Сейфуллиной, Бабеля и Леонова.

КНИГИ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ.

"Святой дьявол: Распутин и женщины" Фулон-Мюллера (по немецки).

"Сегодняшняя Россия" Иви Ли. Изд. Макмиллан.

"Невероятная Сибирь" Ю. Вуд. Изд. Мак Виф.

"Русский театр" Грегори и Мюллер. Изд. Амалтеа.

"Женщина в советской России" Д. Смит. Изд. Вангвард Пресс.

"Патриот" (пьеса) А. Неймана. Изд. Бони и Ливерайт.

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИГЛАШЕНЫ
ИЗ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ЛУЧШИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 Russell Street, Detroit, Michigan